

БОЛИТ

**ПСИХИЧЕСКАЯ
ЭНЕРГИЯ**

**ФИЛОСОФСКАЯ
ТЕТРАДЬ**

Издание автора

Париж, 1967

БОЛИТ

**ПСИХИЧЕСКАЯ
ЭНЕРГИЯ**

**ФИЛОСОФСКАЯ
ТЕТРАДЬ**

Париж, 1967
Издание автора

ПСИХИЧЕСКАЯ ЭНЕРГИЯ

(ЭТЮД)

ВСТУПЛЕНИЕ

Мы не советуем читать эту книгу людям, не интересующимся ни философскими проблемами, ни борьбой между религией и атеизмом, ни тою духовной пищей, которой питается сама и заставляет питаться подчиненные ей народы коммунистическая партия. Напомним только, что искренние коммунисты твердо верят в то, что скоро тою же пищей, то есть марксизмом-ленинизмом, будут питаться дети всего мира. И что это не невозможно.

Наш подход к материализму можно назвать искусственным. Ведь автор просто реалист. Но его метод — развитие темы от лица материалиста мониста — не попытка кого-либо обмануть, а то, что можно назвать доказательством от обратного. Дело в том, что современный коммунистический материализм построен на противоречиях, и коммунисты больше всего боятся его критики и последовательного развития. Только та узда, которую накладывают на мыслителей партийные вожди, позволяет оставаться диалектическому материализму опорой для их политики и атеизма.

Определение материи как всего объективно существующего мы находим у Маркса, Энгельса и Ленина, которые подчеркивали, что в мире нет ничего, кроме материи. Если проводить эту мысль последовательно, то материализм превращается в реализм в общепринятом смысле слова. Именно это здесь и доказывается попутно с основной целью наших гипотез — признанием психической энергии.

Так как книга обращена к «Востоку» столько же, сколько и к «Западу», то вот еще одно пояснение для слишком бдительного критика: выражения «мы считаем», «наша книга», «мы советуем» и т. д. — это всего лишь технический

прием. Они не значат, что существует какая-то группа, от имени которой автор выступает, или с которой он связан. Нет, в мире житейском он, как мыслитель, жалкая одиночка. Но он чувствует себя продуктом свободной культуры и уверен, что у него много единомышленников. Он видит их среди писателей нравящихся ему книг и надеется также, что единомышленники, созвучные хоть частично, окажутся и среди тех, кто будет читать его книгу. «Мы» это автор и неопределенная, загадочная, но реальная туманность.

Глава I

ДЛЯ МАТЕРИАЛИСТА МОНИСТА ПСИХИКА ДОЛЖНА БЫТЬ МАТЕРИАЛЬНОЙ

Мы, материалисты, не имеем никакого права ограничивать понятие природы, иначе говоря — материи, выделяя из него ощущение, сознание, дух. Тот факт, что мы противопоставляем материю и дух (точнее: тела и психику) в гносеологии, никак не значит, что за пределами гносеологии мы имеем такое же право. Точно так же мы можем противопоставлять в ботанике корень и цветок, но это не значит, что они не подпадают под общее понятие растения. Тело и психика лишь подразделения одной и той же реальности, а именно материи. Никакой другой реальности на свете нет.

Ведь и Ленин, который, впрочем, не является авторитетом для нас, а лишь для диалектиков, говорит, что в мире нет ничего, кроме движущейся материи, и что все, что существует объективно, есть материя:

«Единственное свойство материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство быть объективной реальностью, существовать вне нашего сознания».
(Ленин, «Материализм и Эмпириокритицизм»).

«Конечно, и противоположность материи и сознания имеет абсолютное значение только в пределах очень ограниченной области: в данном случае исключительно в пределах основного гносеологического вопроса о том, что признать первичным, а что вторичным».

(Ленин, там же).

Мы последовательнее Ленина, который иногда противоречил сам себе и обрушивался на тех, кто и психику считал материальной.

В вышеприведенных высказываниях Ленин безупречный монист. Но, если они верны, а мы, будучи интегральными материалистами, считаем их верными, то как же можно считать психику нематериальной? Нельзя же рассматривать все духовные, иначе говоря, психические явления, как нечто нереальное! Они действительно существуют, они «продукт материи», ее «функция», ее «свойство» и даже ее «внутреннее состояние» (все эти определения ощущения и сознания мы находим у классиков диалектического материализма), и, следовательно, они являются особым видом материи, ее особой «формой существования». Возражать против этого, значит противоречить самим себе и сходить с монистической платформы.

В самом деле, если отнять от материи ее функции, свойства и продукты, да еще и внутреннее состояние, то что же от нее останется?!

С другой стороны, если бы мы решили, что природа (или материя, что по всем материалистическим учениям одно и то же) произвела в своем развитии свою противоположность — дух, и если бы мы при этом отнесли дух к чему-то нематериальному, то мы стерли бы границу между монизмом и дуализмом.

Нет, наши чувства и мысли не только реальны и имеют бесспорную материальную базу, но они материальны сами по себе. Для материалиста мониста всякое движение и всякая энергия материальны. Следовательно, материальным должно быть и движение идей, эмоций и наших представлений. Не даром с давних пор идеалом материалистической науки было представить психическую жизнь в виде сложных действий частиц материи. С нашей точки зрения этот идеал упрощает действительность, но, во всяком случае, он вполне отвечает духу материалистической науки.

Ленин осуждал и называл путаниками тех философов, которые называли мышление материальным, но в то же время он постоянно повторял, что кроме материи на свете ничего нет, и что все, что существует объективно, есть материя... Не спасает ли тут словечко «объективно»? — Нет,

не спасает. Рассмотрим, объективна ли психическая жизнь, или только субъективна. В том, что она у человека субъективна, сомневаться не приходится. (Скорее, чем мы, могут в этом сомневаться те аналитики нервной системы, которые, за анатомическими исследованиями, забывают о самом живом субъекте в целом). Итак, психическая деятельность несомненно субъективна. Но субъективна на тех же основаниях и физиологическая деятельность субъекта. Субъективны и дыхание, и пищеварение, и кровообращение. Однако, они в то же время и объективны. Точно так же субъективно-объективна и психическая жизнь человека.

Почему мы могли бы считать психические явления — боль, наслаждение, печаль, радость, мышление, воображение, интеллектуальное или музыкальное творчество и т. д. — не «объективной реальностью»? Потому что они изменчивы и преходящи? Но изменчиво и преходяще все в мире материи. Потому ли, что эти явления мы еще не умеем изучать в лабораториях? Но, во-первых, их уже начали изучать даже в лабораториях, хотя и косвенными способами, во-вторых, их изучение принципиально возможно, а в-третьих, и это главное, трудность изучения какого-либо явления не доказательство его необъективности, его не-реальности.

Таким образом, исчезает единственный материалистический аргумент (подчеркиваю — материалистический) за то, чтобы оправдать ленинское возмущение философами, считавшими, что «психическое» материально. Но Ленин тем более в этом вопросе непоследователен, что и он сам, и другие классики диамата, и Дидро, которого они цитируют как авторитета, считали, что в первобытной материи заложено нечто сходное с ощущением и сознанием! И что сознание есть внутреннее состояние материи! — *«Неужели в самом деле только Плеханов, или впервые Плеханов выставил тот материалистический тезис, что сознание есть внутреннее состояние материи!»* — восклицает Ленин в «Материализме и Эмпириокритицизме».

Итак, «психическое» не есть только результат развития нервной системы, оно существует не только в человеке: оно заложено в самой первобытной материи. То есть у классиков марксизма оно объективно. И, следовательно, материально... Если еще можно говорить о субъективности психической жизни каждого отдельного обладателя психики, то психическая реальность, как природное явление в материи и в живых существах, и как предмет нашего изучения или любознательности, существует несомненно объективно.

С другим подходом и более академичным языком выражает ту же мысль и С. Л. Рубинштейн в своей книге «Бытие и Сознание». Привожу из нее несколько строк:

«Распространение противоположности субъективного и объективного на психическое и его материальный физиологический субстрат означает отрицание психологии как науки, как объективного знания. На самом же деле отражательная деятельность мозга в целом — в своей психологической характеристике, так же как и в физиологической — есть объективная реальность. Только таким образом расчищается путь для психологического познания, и создаются первые предпосылки для построения психологической науки».

(«Бытие и Сознание» Рубинштейн, Ак. Наук, Инст. Философии, 1957).

Мы видим, что, несмотря на другой подход, знаменитый советский ученый тоже утверждает, да еще как категорично, что психика является «объективной реальностью». (Выражение «объективная реальность» в сущности тавтология, так как в диамате слово «объективная» значит действительно существующая, а «реальность» — действительно существующее).

Здесь необходимо отметить, что в наших монистических гипотезах материя и вещество — понятия разные.

В то время как первое охватывает все действительно существующее, то есть всю реальность, второе соответствует принятому среди большинства культурных людей (включая ученых и мыслителей, особенно западных) представлению о материи, как о том, из чего состоят тела и что имеет массу. Итак, для мониста *материя есть вся реальность, а вещество — материя в узком смысле.*

Почему нам необходимо это разделение понятий?

Потому что мы не хотим принять ни отсталости от науки прежних механистических материалистов, ни путаницы в вопросе об отношении между материей и духом материалистов диалектических.

В каком именно месте проходит трудноуловимая граница между веществом и той таинственной реальностью, которую мы называем невещественной энергией, смогут установить (или пока об этом условиться) только ученые специалисты.

Мы предполагаем вместе с большинством западных ученых, что граница эта проходит там, где корпускула теряет массу. Однако, понятие массы не однозначно. Есть три разных подхода к слову масса в науке. Во-первых, можно говорить о массе, совпадающей на Земле с весом тела, и которую можно определить как количество вещества. При этом

масса не совпадает полностью с весом тела, так как количество вещества от притяжения не зависит, а вес зависит. Так предмет теряет вес по мере удаления от центра Земли, и на Луне он будет весить в шесть раз меньше, чем на Земле, но количество вещества в нем останется тем же. Второе значение, в котором употребляют слово масса, это «масса инерции»: здесь под массой подразумевается сила сопротивления предмета исследованию изменению его состояния неподвижности или движения. В то время как слово масса в первом значении применяется в нашей обычной жизни и в химии, где математически исчисляется вес атомов, в ядерной физике уже исчисляется масса инерции. И наконец, в третьем значении можно говорить о массе в связи с теорией относительности, как о количестве энергии.

Хорошо иллюстрирует разное понимание слова масса в физике закон увеличения массы тела при его движении. То движение, с которым мы имеем дело в земных масштабах, слишком мало, чтобы увеличение массы стало заметным. Но при огромных скоростях в пространствах Вселенной масса тел тоже становится огромной... О какой массе идет речь в этом законе Эйнштейна? Ясно, что не о количестве вещества в данном теле, нет, здесь прибавляется к этой массе тела еще «масса» кинетической энергии.

Нам не нужно входить в подробное изучение понятия массы, в сущности условного и относительного, так как мы подразумеваем здесь массу в первом значении. (Что, собственно, вытекает из самого определения этой массы как количества вещества). Конечно, ни о какой неподвижной и абсолютной границе между веществом и энергией не может быть и речи, так как они переходят друг в друга.

К сожалению, ни на французском, ни на английском, ни на немецком языке нет отдельного понятия, которое точно соответствовало бы слову «вещество». И переводят его как материя или субстанция — слова, которые имеют на этих языках множество значений. Между тем, вещество понятие более определенное и более узкое, чем понятия материи или субстанции.

В наше широчайшее понятие **материального** входят более узкие понятия **психического и вещественного**. Материя же для нас остается реальностью независимо от того, доступна ли она нашим ощущениям или нет, имеет ли она массу или нет, зависит ли она от человека или нет.

Энгельс верил, что ученым в будущем удастся свести психические явления к движениям мельчайших частиц материи. Однако, он оговаривался, что никакие их движения

не объяснят нам сущности психического. И был, с нашей точки зрения, в этом прав: *ощущение и сознание, мышление и эмоции никак не вещественны*. Но мы можем назвать психическую реальность материальной, хотя и иначе, чем те философы, которых критиковал Ленин. Психика материальна не потому, что она корпускулярна, а потому что она реальна.

Старый механистический материализм был, собственно говоря, последовательный «вещствизм»: психику он отождествлял с движением мельчайших частиц вещества в нашем мозге. Все разнообразие бытия во Вселенной эти последовательные материалисты пытались объяснить с помощью только механического передвижения, происходящего от столкновения непроницаемых атомов в пространстве, что в наше время является анахронизмом. В наше время они вынуждены были бы признать радиоактивность, внутреннюю энергию корпускул и т. д. Одними законами механики ни в каком будущем и никакая наука объяснять действительность не сможет.

Что касается материалистов диалектических, то они не отождествляют психику с движением вещества, а лишь «объясняют» ее им . . . Здесь очень важное, хотя и туманное различие между диалектиками и механистами: диалектики учат, что психика есть произведение, продукт, функция, свойство и внутреннее состояние материи, но не она сама. Как мы уже заметили, материя неотделима от своих функций, внутренних состояний и свойств, наоборот, она из них и состоит.

От этой путаницы может нас избавить то разделение понятий вещества и материи, которое принимаем мы.

Надо расширить понятие материи еще больше, чем его расширил Ленин. Ленин был вынужден его расширить с протяженной массы, что подразумевали под материей раньше, на все существующее . . . Почему же он исключил «психическое»? Не из уважения ли к понятию «дух»? Не сделал ли он тут уступки дуализму? Так мог бы подумать лишь тот, кто никогда не слышал и не читал этого непримиримого антиспиритуалиста. Нет, Ленин это сделал только потому, что боялся проникновения в «научный» материализм спиритуалистических идей.

Чтобы понять это лучше, бросим взгляд на историю столько же философии, сколько и политики.

(Коммунисты имеют полное право не отделять философию от политики, это особенно верно в отношении марксизма. Хотя всегда существовали и существуют философы совершенно политикой не интересующиеся и действительно

аполитичные, но во всяком случае между политикой и философией не лежит непроходимая граница. Больше того: философы с темпераментом общественного деятеля или политического борца сплошь да рядом черпают философское вдохновение из глубин своих социальных эмоций).

Ленин осторожно не выставляет себя автором расширения понятия материи. Наоборот, вопреки истории, он убеждает себя и других, что материя в гносеологии понималась всегда, как «все объективно существующее», и, таким образом, отождествление понятия материи с понятием реальности будто бы вещь давно утвержденная. Однако, Ленин рекомендовал не употреблять слова реализм, потому что, дескать, им слишком злоупотребляли и злоупотребляют. Но причина избегания слова реализм заключалась на самом деле в том, что Ленину хотелось сохранить преимущество за словом материализм, так как материализм для почти всех и для него самого казался синонимом атеизма. Фанатикам атеизма это слово было необходимо. Что касается реализма, то в средние века, действительно, реальность приписывалась общим идеям (в так называемой школе реалистов) и отнималась от физического мира. Но уже несколько веков реализмы новых школ стоят на твердой почве, и средневековое понимание этого слова забыто давным давно.

Ленинское расширение понятия материи было на самом деле замаскированной сдачей старого материализма-вещизма проникновению в науку и философию новых знаний об энергии. Сдачу эту, конечно, надо было выставить как подтверждение и победу основных принципов диалектического материализма, благо у Энгельса можно найти немало передовых идей и научных предвидений. (Ленин часто опирается на Энгельса, не упоминая, конечно, что идеи Энгельса бывали нередко заимствованы у других мыслителей. В середине XIX века продолжалась эпоха великого искания истины на всех путях. У Энгельса была несомненно и глубина и философская жажда истины, которых было, к сожалению, гораздо меньше и у Маркса, и у Ленина). Насчет материи Энгельс высказывался довольно противоречиво, как и Ленин: то Энгельс говорил, что праматерия находится в раскаленном шаре звездных туманностей; то, что понятие материи, в сущности, ничто иное как абстракция (см. «Диалектику Природы», рассуждения Энгельса после доклада Гексли); то упирал на то, что диалектический материализм должен с развитием науки расти и изменяться, так что должны изменяться и расширяться и его понятия... С этим последним заявлением можно не только согласиться, но и прибавить, что то же правило приложимо к любой долго-

вечной системе идей, в том числе и религиозной. При развитии науки, конечно, развиваются и наши представления и идеи.

Расширяя понятие материи и включив в него все энергии и все существующее, Ленин опирался именно на это «замечательное» свойство диалектического материализма. Однако, расширение это потребовалось марксистам лишь тогда, когда иначе критикам ответить было невозможно. А когда настойчивые вопросы о том, что же такое материя, становились особенно неприятны, Ленин отвечал, что материю определить нельзя, так как это предельно широкое понятие, и называл вопрошающих скудоумными шарлатанами... Чаще же всего Ленин говорил о материи в духе «вещствизма»: «материя есть объективная реальность, отображаемая ощущениями и существующая независимо от человека». С небольшими вариациями по форме, но тождественно по существу, повторяется это определение во всех коммунистических книгах и даже в энциклопедиях. Но все эти дополнения «данная нам в ощущениях», «фотографируемая», «существующая независимо от человека» нужны были Ленину лишь для полемики с гносеологическими идеалистами и махистами. Как научные определения материи они не выдерживают критики... во-первых потому, что многое, несомненно материальное (имеющее массу) нашим ощущениям не дано, во-вторых потому, что многое в вещественном мире от человека зависит... не говоря уж о тавтологии «объективной реальности».

Итак, материалистам пришлось расширить понятие материи для того, чтобы при новых физических открытиях (при которых материя в старом смысле исчезала, превращаясь в энергию) сохранить материализм, как мирозерцание, а материю как философское знамя. Это расширение позволяло называть все энергии материальными. «Психическое» же исключалось потому, что, по выражению Ленина, включение психического в материальное привело бы «к стиранию грани между материализмом и идеализмом».

Зная, что в вопросе об отношении психического к материальному он непоследователен, Ленин делает оговорку, что «противопоставление материи и духа» имеет лишь ограниченное значение, что его нельзя распространять за границы гносеологии:— «За пределами гносеологических исследований оперировать с противоположностью материи и духа, физического и психического, как с абсолютной противоположностью, было бы громадной ошибкой».

Оговорка эта, в сущности, уничтожает запрет называть психическое материальным.

Что такое гносеология? Теория познания, разбирающая, главным образом, вопрос о достоверности нашего знания, о возможности или невозможности познавать объективную истину. Гносеологические искания, действительно трудны и обширны, однако, «за их пределами» лежит все же вся остальная философия и наука. И для простого смертного «за гносеологией» находится вся его жизнь и судьба, и весь мир со всем, что он в нем видит . . . из чего его разум имеет право делать простые выводы . . .

И вопрос о том, что первично, и что вторично, дух или материя, никакая материалистическая вера и никакая гносеология сама по себе, решить не может, потому что не гносеология руководит наукой, а наука и опыт создают базу для гносеологии.

Надо сказать, что Ленин и его последователи приписывали гносеологический идеализм чуть ли не всякой неатеистической философии. Но гносеологический идеализм, то есть вера в то, что абсолютной реальностью обладают одни идеи, а материальные вещи это только символы, находится совсем в другом плане и выражает совершенно другую мысль, нежели онтологические и космологические гипотезы в философских системах, то ли признающих, что в основе мира лежит духовное начало, то ли допускающих, что в мире существует и материя, и дух.

Так как эту книгу я пишу не только для коммунистов, то мне хочется приблизить читателя из стран «западной» культуры к той духовной атмосфере, в которой живут и стараются воспитать народ коммунисты. Кстати, это внесет некоторое разнообразие, уводя читателя из области философской абстракции в область фанатических эмоций — источника всей философии коммунистов. К сожалению, эта сторона жизни марксистов-ленинистов почти не постижима для людей старой культуры, воспитанных в уважении к объективности и свободе и отталкивании от фанатизма. Люди ведь обычно судят других по себе, или тому, что они видят вокруг себя.

Выдержку беру из «Материализма и Эмпириокритицизма» — самого философского и самого знаменитого произведения Ленина, своего рода евангелия коммунистов:

«Маркс и Энгельс от начала и до конца были партийными в философии, умели открывать отступления от материализма и поправки идеализму и фидеизму (словом фидеизм Ленин обозначал религиозное восприятие мира. — Б.) во всех и всяческих «новейших» направлениях . . . И эту

величайшую и самую ценную традицию своих учителей вполне оценил и перенял И. Дицген, каковы бы ни были его частные ошибки в изложении диалектического материализма . . . «Из всех партий, — справедливо говорит наш Иосиф Дицген, — самая гнусная есть партия середины . . . Как в политике партии все более и более группируются только в два лагеря . . . так и наука делится на два основных класса: там — метафизики, здесь — физики или материалисты. (В выноске Ленин поправляет неточное выражение Дицгена: надо было вместо «метафизики» сказать «идеалисты». — Б.). Промежуточные элементы и примиренческие шарлатаны со всяческими кличками, спиритуалисты, сенсуалисты, реалисты и т. д. и т. д., падают на своем пути то в то, то в другое течение. Мы требуем решительности, мы хотим ясности. Идеалистами называют себя реакционные мракобесы, а материалистами должны называться все те, которые стремятся к освобождению человеческого ума от метафизической тарабарщины . . . Если мы сравним обе партии с прочным и текучим, то посередине лежит нечто кашеподобное».

Правда! (воскликает Ленин и продолжает уже от себя) — «Реалисты» и т. п., а в том числе и «позитивисты», «махисты» и т. д., все это — жалкая каша, презренная партия середины в философии, путающая по каждому отдельному вопросу материалистическое и идеалистическое направление. Попытки выскочить из этих двух коренных направлений в философии не содержат в себе ничего, кроме «примиренческого шарлатанства».

Что «научная поповщина» идеалистической философии есть простое преддверие прямой поповщины, в этом для Дицгена не было и тени сомнения. «Научная поповщина, — писал он, — серьезнейшим образом стремится пособить религиозной поповщине» . . . «В особенности область теории познания, непонимание человеческого духа, является такой вшивой ямой», в которой «кладет яйца» и та и другая поповщина. «Дипломированные лакеи» с речами об «идеальных благах», отупляющие народ при помощи вымученного идеализма, — вот что такое профессора философии для И. Дицгена. «Как у боженки антипод — дьявол, так у поповского профессора — материалист» . . . Теория познания материализма является универсальным оружием против религиозной веры» и не только против «всем известной, настоящей, обыкновенной религии попов, но и против очищенной, возвышенной профессорской религии опьянелых идеалистов».

(«Материализм и Эмпириокритицизм», стр. 320—322, изд. 1951).

Кто такой был Дицген, которого так расхваливает Ленин? Из допущенного и за границу советского «Краткого Фи-

лософского Словаря» (1955) всякий может узнать, что это был немецкий рабочий кожевник (1828—1888), работавший также в Америке и в России и написавший (работая на кожевенных заводах, на досуге!) несколько философских книг. Он пришел самостоятельно к выводам очень близким к диалектическому материализму Маркса и Энгельса, и что-то, а уж его ясная и определенная точка зрения на всякую «поповщину» полностью совпадала с ленинской. Интересно, что его сын, Евгений Дицген, как это ни странно, сделался махистом.

Но, может быть, Ленин не был таким ярким ненавистником религии? Или хоть выражался иначе? — Куда там! Постоянно он употребляет те же словечки и те же ругательства, что и Дицген. Еще прибавляет своих. Вот, например, его отзыв о «матером человецище» — Льве Толстом:

«С одной стороны — самый трезвый реализм, срывание всех и всяческих масок; с другой стороны — проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно религии, стремление поставить на место попов на казенной должности попов по нравственному убеждению, то есть культивирование самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины».

Язык этот и чувства эти так и остались до сих пор самым крепким звеном среди подлинных ленинцев. Пожалуй, это самое непоколебимое, что осталось у них от марксизма-ленинизма. (Ясно, что это нечто вроде «эзотерической» сущности коммунизма, и за границей она не афишируется). Другая их основная фанатическая вера, а именно что социальное развитие и прогресс являются результатом борьбы противоречий, что надо делить мир на два крайних лагеря и «раздувать между ними противоположности» ради «последнего решительного боя», начинает уже в душах «нетвердых» колебаться, и только сталинцы и мао-дзе-дунисты тупо верят в нее, как и прежде.

А что думал Толстой о революции и революционерах?

«Для того, чтобы положение людей стало лучше, надо, чтобы сами люди стали лучше... Общественная борьба (Толстой подразумевает здесь борьбу насилем) всегда отвлекает людей от внутренней жизни и потому всегда, неизбежно развращая людей, понижает уровень общественной нравственности... Мы (христиане) часто обманываемся тем, что, встречаясь с революционерами, думаем, что мы стоим близко рядом. Кажется, все одно и то же. Но не только есть большая разница, но нет более далеких от нас людей, чем революционеры».

Нам кажется, что первая мысль Толстого верна всегда. Вторая — почти всегда. Но вывод его мы считаем слишком обобщенным. Есть революционеры и революционеры. Между Лениным и Толстым, действительно, непроходимая пропасть. Но между Чернышевским или Герценом и Толстым она уже гораздо меньше. А между Толстым и Евтушенко ее могло бы совсем не быть... Потому что вся искренняя революционность Евтушенко выросла на почве внушенных ему с детства ложных представлений и сведений, а по душевным задаткам он мог бы быть великим христианином... Если мы ошибаемся, тем хуже... для Евтушенко.

Мы признаемся, что, несмотря на наш крайний и последовательный материализм, мы не только не испытываем отвращения к «презренному промежуточному большинству», но питаем к нему великое уважение. Мы твердо уверены, что научный и социальный прогресс осуществляется не фанатиками «сталкивающими противоречия» в насильственной братоубийственной борьбе, а как раз той, не разрушающей, а строящей «серединой», которую народная мудрость называет «золотой». Нам не противны ни профессора, стремящиеся примирить крайности, ни скромные обыватели, боящиеся кровопролития (которых тоже презирает Ленин и называет мещанами, филистерами и оппортунистами), ни самые простые рабочие и крестьяне, религиозные, или не религиозные, лишь бы они были честны с другими и с собой, лишь бы старались никому не делать зла, а по возможности добро.

Помню, как, в двадцатых годах, поразили меня две мысли — констатации одного известного историка. Мысли никогда раньше не приходившие мне в голову, несмотря на то, что тогда уже были пережиты и энтузиазм «весенней» Февральской революции, и голод, и ужасы гражданской войны, бандитизма и эпидемий, и экономический и моральный развал, и кровавый террор, наступившие после Октябрьской...

Не ставя фразы в кавычки, потому что они не были мною записаны, воспроизвожу их содержание:

Беспристрастная история показывает, что революции почти всегда начинаются во имя свободы, правды, лучшей жизни народа и справедливости. Но что ничто, кроме разве самых страшных войн, не разрушает так экономическую жизнь, справедливость, свободу и правду, как революции.

Беспристрастная история показывает, что после революций всегда наступали эпохи монархий или тиранических деспотий.

Вернемся к философии.

В наших гипотезах мы никакого гносеологического идеализма (то есть учения, что в мире абсолютно реальны одни идеи) не проповедуем и не признаем. Мир мы хотим познать объективно, исходя из него самого. Но мы не исключаем из картины мира субъекта с его психической жизнью. Наоборот, субъект для нас самый интересный и важный объект. А в этом объекте самое важное психика, то есть дух.

Глава II

ЧТО ТАКОЕ ЭНЕРГИЯ?

Понятие «духа» так широко и неопределенно, что и доброжелателями может быть истолковано неверно. Можно подразумевать под ним все психические явления в общем. Но, так как простейшие переживания (голода, страха и т. п.) называть духовными было бы комично, мы часто предпочитаем употреблять слова «психика» и «психическое», понятия самые скромные, но и достаточно широкие.

Итак, мы остановились на том, что психическое есть бесспорная реальность.

Эта особая реальность не бессильный эпифеномен. Она не статична, а динамична, и она не только следствие, но и причина. В наших гипотезах защищается предположение, что психические феномены не могли бы иметь места, если бы в материальном мире не существовало особой силы, которую мы называем психической энергией. Но об этом дальше.

Унаследованное от дедов механистов отталкивание некоторых мыслителей от понятия энергия основано на недоразумении и вносит в научное мышление не большую точность, как им бы хотелось, а наоборот, путаницу и близорукость. Слову энергия не везет у материалистов так же, как и слову сила, и почти так же, как и слову дух. В понятиях этих есть не нравящийся им, превышающий «данное

нам в ощущениях», оттенок. Очень плохо приходилось энергии в сталинские времена. Мало того, что ее стремились всячески (в философии) затушевать (это делается и теперь), и как можно меньше это слово употреблять, но и определяли энергию донельзя тускло и скучно. Старались даже превзойти в этом отношении определения Энгельса — «энергия есть мера движения материи» и «энергия есть форма движения материи». Так, в издававшемся и переиздававшемся Академией наук перед смертью Сталина сборнике «Философские вопросы современной физики» известный ученый Овчинников одобряет первую формулировку Энгельса, но старается усовершенствовать вторую: — «энергия, — говорит он, — есть даже не форма движения, а лишь важная особенность формы движения материи». Кроме того, там же он дает и такое определение: — «энергия есть мера способности материи к взаимопревращениям»... Попробуйте заменить этим определением слово энергия, например, в известном законе превращения и сохранения энергии! Выйдет следующее: закон сохранения и превращения меры способности материи к взаимопревращениям». Да и другими заменами можно было бы немало насмешить читателя, но не будем на этом задерживаться.

Все эти неудобоваримости происходили от страха перед огромной значительностью понятия энергия, из боязни соперничества между ним и понятием материи. Ведь для многих философов и ученых, как и для «обывателей», энергия кажется чем-то еще более необъятным, еще более первичным и основным, чем материя.

Ленин тоже это слово недолюбливал, хотя изредка и употреблял. Ведь ни в науке, ни в философии совершенно обойтись без него невозможно. В этой нелюбви Ленина к энергии в большой мере помог ему отличный ученый Мах и махисты с их энергетизмом, не совсем удачно смешанным с некоторыми элементами гносеологического идеализма. Об этом мы еще будем говорить.

Показательно для отношения Ленина к энергии его определение ощущения: «ощущение есть превращение энергии внешнего раздражения (перцепторов нашей нервной системы — Б) в факт сознания». Замечательно, что здесь Ленин применяет слово энергия к физическому раздражению, являющемуся извне, но избегает его употреблять по отношению к психической жизни, или даже к жизни самого тела. Это в духе всех прежних и новых материалистов: допускать существование энергий лишь в области вещества, но очень бояться их признать в области всего живого... Между тем, казалось бы, естественнее выразить ту же мысль

так: — «ощущение есть восприятие внешнего раздражения энергией сознания». Еще точнее было бы сказать просто: «Ощущение это восприятие нашим сознанием *внутреннего* или внешнего раздражения». Но это было бы слишком похоже на наблюдение обычного здравого смысла, слишком старо и, главное, не «ставило бы ударения» исключительно на внешний, «не зависящий от человека» мир. (Ленин заменил иностранным выражением «ставить ударение» наше старое «делать упор»).

Беда в том, что психической энергии коммунисты, или верней, материалисты не признают, как не признают и витальной. Не признают, конечно, только в философских и «строго научных» трудах, а не на практике. На практике они сталкиваются с ними на каждом шагу и тогда прекрасно умеют и признавать их, и считаться с ними, и даже звать к энергии человеческого духа.

Когда физики писали, что «материя исчезает», то подразумевали они под материей корпускулы, мельчайшие, имеющие массу частицы вещества. Но никак не физическую реальность вообще. (Исключением были те из физиков, которые, как Мах, пытались связать физические категории с гносеологическими. Но как раз их узлы и стояли в центре внимания Ленина... не потому ли, что они были наиболее уязвимы?). Точно так же подразумевается именно вещество в известном утверждении Эйнштейна — «материя может превращаться в энергию, а энергия в материю» (выражающемся математической формулой $E = mc^2$). Главным образом из-за этого утверждения долго был Эйнштейн своего рода пугалом для материалистов. Однако, развитие науки заставило их признать правильность этой формулы и ею пользоваться.

Теперь уже в серьезной науке не может быть и речи о пренебрежительном отношении к Эйнштейну и к понятию энергия... Между тем, не только на «Востоке», но и на «Западе», еще живучи отголоски этого старого недоразумения.

С одной стороны, мы находим теперь это эйнштейновское утверждение в советском великолепном (за исключением пропагандной примеси) издании, в сборнике «*Наука и человечество*», в статье, правда, не советского ученого, а знаменитого мюнхенского физика Гейзенберга. При этом переведено оно именно так, как перевели бы мы: «вещество может превращаться в энергию, а энергия в вещество»; и помещено оно, как будто, не в полемических целях, а в чисто научных (хотя и снабжено анонимным «уводящим» замечанием на полях книги).

С другой стороны, мы еще можем встретить в любой стране у некоторых философствующих ученых рассуждения о том, что понятия электричества, теплоты и т. д., или даже вообще понятия силы и энергии — это лишь слова, что на самом деле существуют лишь известные действия, эффекты и движения в материи, а следовательно (!) понятие силы и энергии на самом деле ничего не соответствует. В этом рассуждении порочен вывод, порочно это «следовательно». Если идти по такому пути, то мы должны признать, что не существует и движения, так как это лишь перемещение в пространстве, или изменение структуры материи во времени (что сводится к перемещению в микропространствах). А пространство и время? Самые относительные и таинственные абстракции! Что, например, какая определенная реальность соответствует понятию время? И не относительно ли понятие пространства? А сама материя? Ведь этому слову ничего определенного не соответствует: существуют лишь тела большие и малые, макрокосмы и микрокосмы, а понятие материи — абстракция, о чем мы можем прочесть, если хорошо поищем, даже и у классиков диамата... В свою очередь, тела — это движение молекул, молекулы комбинации атомов, а атомы концентрация чудесных энергетических систем. Таким образом мы возвращаемся к понятию энергия, и получается заколдованный круг...

Наконец, какое понятие завзятый скептик не мог бы вывести из другого или разложить? Есть философы, которые питают пристрастие к возражениям на общепринятые истины, в том числе и на декартовское «мыслю, значит, существую». Но такая умственная эквилибристика может быть, в лучшем случае, только забавной: никакой серьезной опасности для реализма она не представляет.

Итак, можно ли признать реальное существование энергий? Не только можно, но и должно, тем более, что без этого понятия физика, а тем более электроника, не могут ступить ни шагу. И чем дальше, тем все больше изучение атома и микрокосмов сводится к изучению заключенных в них энергий. Однако, при практическом признании энергий, отношение к ним у различных философов и ученых остается разным в зависимости от мирозерцания или традиций. Надо сказать, что взглядов вполне ясных на энергию, как и на материю, нет. Окончательно разобраться в них ученые еще не умеют. Но можно назвать три направления: для энергетистов первая и основная сущность всего во Вселенной — энергия. Для части современной интеллектуальной элиты масса и энергия это разновидности одной и той же глубокой сущности (которую одни называют энерго-мате-

рией, другие «энергией или материей»; одним словом, название еще не найдено). И наконец, для материалистов-веществов первая и основная сущность есть материя-вещество, а энергия лишь одно из свойств материи. При этом слово энергия избегается и заменяется, где только возможно, более или менее громоздкими и маловразумительными комбинациями, чаще всего уродливым выражением — «форма движения».

Почему это выражение уродливо? Да потому что в духе русского языка «форма» это нечто статичное. Вид движения, система, модус, даже манера — все было бы лучше, чем эта древняя, набившая в философии оскомину, форма. К сожалению «форму» коммунистические философы прилагают всюду. Даже знаменитое определение жизни Энгельса, которое переводилось раньше — «жизнь это способ существования белковых соединений» переводят теперь за чем-то с «форма существования». Психика у них это тоже «формы отражения» или «формы деятельности нервной системы». Все живое тоже имеет свою особую «форму жизни» и т. д., и т. д. Надо быть очень нечутким к смысловому звучанию русского языка, чтобы прилагать форму к каким бы то ни было динамическим понятиям. Но помимо того, что выражение форма движения уродливо, оно, как замена энергии, и неверно, так как совпадает только отчасти с понятием энергии.

В наших гипотезах мы признаем, что в мире реальны и вещество, и энергия. А то, что находится за уже изучаемыми наукой энергиями и веществом, повидимому, тоже энергия, к изучению которой наука только приближается. И, если эта энергия является чьим-то свойством или функцией, то во всяком случае уже не нашего вещества, не корпускул, а чего-то другого. Солнечной системы? Нашей или мегалактики? Вселенной? — Мы можем пока лишь гадать . . .

Здесь мы позволим себе некоторое отступление. Чем бы ни обернулась для нас эта энергия, мы останемся последовательными материалистами-монистами, так как мы условились называть всякую реальность материальной. Между тем, материалисты диалектические, определяющие материю то как вещество, то как «объективную реальность», неизбежно запутываются в противоречиях. Больше всего это относится к марксистам-ленинистам, не говоря уж о сталинистах! В начале марксисты, как и механисты, были чистыми «веществовистами». Затем Ленин стер разницу между поняти-

ями вещества и реальности: то и другое он определил как «материю». Однако, и Ленин, и Сталин, и их продолжатели, и партийные философы оставались по своему душевному складу именно вещевистами. Поэтому физикам, под давлением коммунистической партии, полагалось настаивать на корпускулярности света, ревностно искать массу не только в электронах, но и в космических лучах, в фотонах и нейтрино, быть уверенным в существовании гравитонов в притяжении, и т. д.: ведь для философов диалектического, ленинского материализма казалось принципиально важным, чтобы энергия объяснялась как функция частиц вещества. Этакая, по Овчинникову, «важная особенность формы движения материи»!

Что касается определения материи как реальности («всего объективно существующего»), то к нему коммунистические философы прибегали лишь в неудобных положениях, то есть тогда, когда им приходилось сознаваться, что масса все-таки исчезает, или когда они вели философские дискуссии . . .

Но особенно противоречива позиция ленинистов в отношении психики; куда более противоречива, чем позиция чистых вещевистов — старых механистов. Ведь эти старые последовательные вещевисты видели и в психических явлениях движение корпускул. Отсюда психика для них материальна, а потому они могли бы признать и психическую энергию, если бы наука ее, наконец, санкционировала. Психическая энергия состояла бы из движений корпускул, которые механисты могли бы назвать психонами или как-нибудь иначе. Не то положение у диалектических материалистов, которые стараются следовать буквально «заветам Ильича». Им приходится отрицать самую возможность существования психической энергии принципиально . . . что они и делают. Так, даже те диалектики, которые волей-неволей признали достоверность передачи внушений путем гипноза и документально подтвержденные и много раз проверенные телепатические явления, стремятся объяснить их исключительно с помощью электромагнитной теории.

Но что же такое энергия как общее понятие?

Мы уже познакомились с определениями энергии у коммунистических ученых, которые, даже если бы и хотели, не могут слишком отступить от определений у своих «классиков». Заглянем теперь в книги ученых свободных стран, прежде чем перейти к нашему собственному пониманию это-

го слова. Как и следовало ожидать, они более разнообразны.

В маленьком электроническом диксионере Бросе (1960): «Энергия — физическая сущность, статическая в форме материи, динамическая в форме фотонов или скорости массы».

Это последовательный взгляд энергетистов, выраженный в самой научной и сжатой форме...

В не огромном «Обиходном» энциклопедическом словаре Кийе-Фламариона (1963, около 1700 стр.):

«Энергия — сила, способность к действию... В физике понятие энергии происходит от понятия механической работы, произведения силы через перемещение, а значит, всегда содержит произведение количества (электричества, теплоты и т. д.) на разницу в уровне, которую стремится произвести перемещение (разницу в потенциале, температуре и т. д.). Разные формы энергии могут превращаться одна в другую по законам эквивалентности».

Гм... Нас, собственно, интересует энергия как философская категория, как общепринятое понятие, а не мера работы... Поэтому мы обращаем здесь внимание больше всего на первые слова: «сила, способность к действию». Тем более, что это самое распространенное представление об энергии во всем культурном мире.

В огромном энциклопедическом словаре Ларусса (десять томов и больше тысячи страниц мельчайшим шрифтом в каждом, кончая 1964 годом, плюс приложения):

«Энергия — мощь, живая сила организма... У Аристотеля объективная реальность, в противоположность реальности возможной... Потенциальная энергия... Гельмгольц называл ее «суммой напряжений», Томсон — «статической энергией»... У современных энергия — мера движения материи».

(Я, конечно, не выписываю всего, только нужные нам фразы. Но общих определений энергии мы в Ларуссе больше не находим. В отделе «Масса и Энергия» более поздней даты, дается множество сведений о частицах, силе инерции, массе и т. д., объясняется и доказывается эйнштейновская формула перехода массы в энергию и обратно, и, конечно, даются определения массы и энергии в технике, механике и физике со всеми единицами измерений. Опять-таки общих определений нет, если не считать некоторых исторических философских, да еще того, что *сила*, *энергия* и *мощь* называются синонимами, с тою оговоркой, что энергия понятие более динамическое, чем сила).

Поскольку сила является синонимом энергии, приведем несколько исторических определений *силы* из «*Большого Ларусса*»:

.....
«Стоики, восприняв отчасти метафизику Гераклита, сделали из силы универсальный принцип всех вещей. Их понятие чисто пантеистическое.

В 17 веке Лейбниц обосновал спиритуалистическую метафизику на идее силы. Он рассматривает вселенную, как состоящую из простых духовных сил, называемых монадами. Материализм 19 века пользуется также понятием силы, но рассматривает силу как бессознательную и слепую энергию. В своей книге «Сила и материя» (1855) Бюхнер утверждает, что нет силы без материи и материи без силы.

По Спенсеру материя и движение являются манифестациями силы, но сама сила есть только условный эффект, относительная реальность, которая предполагает реальность абсолютную, для нас полностью непостижимую».

И там же:

«Чисто научная идея силы, освобожденная от всякого философского умозрения, есть представление об условии, одно присутствие которого достаточно для того, чтобы изменить состояние покоя или движения тела; сила, определенная таким образом, измеряется мерою этого изменения».

Принимая во внимание это последнее определение, которое столько же относится к силе, сколько и к энергии, мы не должны удивляться специфически научным подходам к этим понятиям и таким фразам (встречающимся в разных учебниках), как например:

«Кинетическая энергия, или энергия движения, есть ничто иное как половина произведения массы на квадрат скорости».

Большинство ученых все же помнит, что это не определение энергии как таковой, а лишь сокращенно и неточно выраженное определение способа измерения ее частичных проявлений. Никак нельзя признать удовлетворительным заявление, что «половина произведения массы на квадрат скорости» есть кинетическая энергия. Энергия движения есть широчайшая «объективная реальность», а эта формула — обобщение математических исчислений и только. (Кстати, из нее следовало бы определение массы как удвоенного частного от деления кинетической энергии на квадрат скорости!)

Точно так же классическое материалистическое утверждение «энергия есть мера движения материи» несколько не глубже, чем предыдущее, или чем, скажем, было бы определение Солнца, как «меры движения суток». Не то чтобы совсем неверно, но узко и близоруко.

И сама эйнштейновская формула $E = mc^2$, известная хотя бы по наслышке большинству образованных людей, является вовсе не определением энергии, как думают некоторые, а математическим расчетом, сколько нужно энергии для превращения в массу и наоборот. Уверять, что энергия есть «ничто иное» как масса, помноженная на скорость света в квадрате (а это было бы буквальным чтением этой формулы), значит провозглашать абракадабру. Между тем, мы встречаем в научно-популярных книгах и такой буквальный перевод этой формулы. Если он дается без примеров, иллюстрирующих действительное ее значение, то у читателя не специалиста создается совершенно ложное впечатление..

Но что же значит эта формула на самом деле? Маленькую экскурсию в переднюю электроники с примерами превращения массы-вещества в энергию и энергии в массу мы отложим до следующей главы.

Надо сказать, что ученые физики не всегда отличаются точностью выражений и терминов... что не мешает этим же ученым стремиться к высшей степени точности в своих вычислениях — иначе наука не могла бы двигаться вперед. Яркий пример нелогичности термина в науке представляют из себя «грамм-атом» и «грамм-молекула». Понятия под этими словами кроются самые удобные для физиков и химиков, самые полезные, но названия эти словно выдуманы для того, чтобы сбивать с толку не специалистов: грамм-атом весит у разных элементов разное количество граммов, а грамм-молекула весит еще большее и тоже всегда разное количество граммов в разных химических телах. Фотоны и нейтрино называются почему-то «корпускулами», хотя физики отлично сознают, что это вовсе не «тельца». Не так уж редко одни и те же вещи называются разными именами, и разные вещи называются одним и тем же именем, особенно, когда дело идет о разных школах и странах.

Признаемся, что перечисленные попытки найти разрешение нашего вопроса — что такое энергия? — нас не совсем удовлетворяют. Нам кажется, что мы не уклонимся от содержания наилучших существующих определений энергии, включая и энциклопедические, если попробуем определить, что такое энергия, самостоятельно, просто прислушиваясь к духу этого слова и вспоминая, как создавалось это понятие в говоре тем самым здравым смыслом, который не всегда, но нередко, бывает зорче, чем прославленные шаблоны иных знаменитостей.

Первоисточник понятия энергия — обычное наблюдение и самонаблюдение человека. Сначала появилось понятие

«сильного». Уже дикарь умел отметить, а потом и назвать сильным человека или зверя, который мог легко передвигать тяжести, поднимать, бросать и т. д. Живая и мистическая сила стояла для него за молнией, громом, водопадом, бурей и т. д. Позднее энергией назвали способность к действию и длительное ощущение силы. Здесь, как и всегда в психо-физической жизни, границы изменчивы и понятия условны. Но, так или иначе, сила или энергия в личности являются для нас как бы ближайшим непосредственным объяснением ее активности и власти над телами.

Применение этих слов в науке несколько иное, чем в жизни. Когда стала развиваться физика, люди выделили некоторые сходные и взаимосвязанные процессы и явления, закономерно происходящие в физическом мире, в отдельные системы. Для каждой системы, механической, химической, электрической и т. д., ученые нашли свой «свод законов», и все вместе они стали называть силами или энергиями. При этом под этими понятиями они подразумевали и общую причину всех движений и изменений в данной системе, и — в каждом отдельном испытании — произведенную телами работу, или содержащуюся в них потенцию работы. Это позволило им измерять работу специальными мерами математически. Появились эрги, дины, ньютоньоны, ваты и другие единицы измерений, и этот математический подход к проявлениям энергий или сил позволил в свою очередь многим забыть об основном загадочном значении этих слов.

Скажем еще, что мы согласны с тем, что понятие *энергии* почти синоним понятия *сила*, но что понятие энергии более динамично. Понятие силы нам кажется еще более широким и загадочным, чем понятие энергии. Но это лишь в его глубочайшем значении. *Сила* в глубочайшем значении совпадает с Причиной причин, а силы — во множественном числе — с законами природы. Энергию же (или энергии) мы можем считать динамическим проявлением силы (или сил). Мы, впрочем, не настаиваем на этом различии, так как употребляем сами слово *сила* в его обычном значении.

Но что же в самом деле загадочного в понятии *энергия*? Можно себе представить ироническое возмущение тех, кто определяет энергию в духе ученых сталинистов! Эти заслуженные ученые, вероятно, скажут, что мы повторяем шаблонное понимание невежд. А нам кажется, что они обедняют язык и обесцвечивают мир...

Необходимая вставка:

Все, что мы говорим здесь о ненависти к понятию энергии, относится почти исключительно к фанатикам материализма, ленинистам и сталинистам, и не распространяется на борьбу между атомистами и энергетистами объективных ученых.

Нельзя сравнивать одностороннюю, дирижируемую коммунистическими правительствами, травлю энергетистов с борьбой научных теорий и мнений, которая шла в Европе в 19 и начале 20 века. Включая и прежнюю Россию, направление научных теорий и исканий зависело не от указаний каких-либо политических вождей, а от самостоятельной творческой интуиции ученых и от новых научных открытий.

В этом, действительно научном, соревновании, без всяких политических инсинуаций, аристократы по происхождению защищали не раз атомизм (и материализм), а люди, поднявшиеся к вершинам науки из самых демократических слоев общества, оказывались энергетистами.

(Под «атомизмом» не подразумевается теперь идея, что именно атомы последние частицы материи, а вера в то, что таковые частицы существуют, и что мир построен из них. А отсюда следует, что все природные феномены можно понять через изучение корпускул).

В наше время на Западе атомистическое направление так же изменилось, как и энергетическое. Расхождения сгладились и сосредоточились главным образом на отношении к фотонам света и частицам без «массы покоя». Мы не будем вдаваться в эти ученые споры, но отметим, что Де Брой * (известный физик и мыслитель, постоянный секретарь французской Академии Наук, создатель волновой механики, автор интереснейших трудов, и т. д., и т. д.) на чьи высказывания мы будем часто ссылаться, является противником материалистического формализма современных западных энергетистов... что не мешает ему уважать и отдавать должное вкладу, который они вносят в науку, а так же постоянно оперировать понятием энергии.

Автор этой книги не принадлежит ни к какой школе и подходит к понятию энергии как мыслитель, а не как ученый... заботясь лишь о том, чтобы нигде не противоречить достоверным научным данным.

Итак, что же загадочного в энергии, и что такое энергия?

Прислушаемся к духу этого слова, а для сравнения возьмем слово материя (но как оно понимается обычно, а не в нашем этюде).

---

* По французски пишут Broglie, но произносят Бро-уе.

Материя в духе всех языков (как философская категория) всегда обозначала то, что из чего состоит тела. При развитии физики и особенно микрофизики выяснилось, что то, из чего состоит тела, движется. Поэтому некоторые стали делать упор на то, что материя неотделима от движения. Однако, это утверждение, независимо от его правильности, не привело до сих пор к созданию общего слова для материи и движения, которое заменило бы эти два. Как ни старались слить вместе понятия материи и движения, или, вернее, подчинить одно другому, это никому не удалось. Потребность в обоих понятиях, так же как и в понятии энергия, осталась тою же, что и была до открытий в микромирах. Материя продолжает оставаться тем, из чего состоит тела. Надо ли к этому прибавлять «и то, что движется»? Строго говоря, не надо. Во-первых потому, что движется не одна материя (здесь ведь мы говорим об историческом словообразовании, то есть о материи-веществе, а не о всеобъемлющей материи-реальности) — движение характеризует и психическую жизнь. А во вторых, потому, что существует и относительная неподвижность. Причем понятие неподвижности, покоя играет и в обычной жизни и в науке несколько не меньшую роль, чем понятие движения. . . . Итак, материя-вещество есть то, из чего состоит тела. Вряд ли можно против этого серьезно возражать.

А энергия? Энергия есть во все времена и на всех языках мира то, что движет. То, что движет и что проявляется в движениях материи, в ее изменениях, превращениях и эффектах. Именно это понимание энергии является общим интуитивным пониманием для всех, не специально перечуенных «научной наукой», как выражался Толстой, людей. И при этом оно одинаково приложимо и к макромирам, и к микромирам. И в том, что движет, кроется, по самому смыслу этого определения, загадка.

А в чем разница между движением и энергией, как философскими категориями?

Движение само по себе бескачественно, бесцельно и может быть прилагательно к чему угодно. С одинаковым правом мы можем говорить о движении стрелки на часовом циферблате, движении электронов, наших эмоций и гонимого ветром песка. Энергии же всегда представляют из себя качественно окрашенные системы движения. Дальше: в слове движение нет никакого намека на причину движения (почему оно и мило вещевистам), тогда как в слове энергия заключается понятие не только движения, но и его причины. Понятие движения, благодаря его бескачественности и приложимости к чему угодно, может казаться шире, чем поня-

тие энергии, однако, оно не охватывает его полностью. Ярче и значительнее понятие энергии. Оно связывает энергию вещи, о которой мы думаем, которую изучаем, с законами той же энергии в остальном мире, с целой системой движений эффектов и превращений, и в конце концов с ее таинственным, никем еще не открытым происхождением, с силами природы и, быть может, с Причиной причин.

При желании можно, конечно, сводить все энергии, в том числе и электромагнитную, и механическую, и тепловую, и атомную, к движению. Но тогда надо дополнять нейтральное слово движение разными дополнениями и оговорками. Зачем это нужно? Ради избежания того метафизического отсвета, который чувствуется в слове энергия людьми с неугашенной интуицией? Ради избежания вопроса о причине? Но вопроса этого все равно не избежать: как бы ни было бесцветно понятие движения, но и движение должно иметь какую-то причину. Не всех может удовлетворить близорукое утверждение, что причина движения, дескать, в самом движении. Такой ответ годится лишь для объяснения отдельных отрывков движения, а не движения всего существующего, движения — атрибута Вселенной.

Аристотель в своей Теодицее считает бесконечное движение доказательством существования Бога. Он представляет Бога, как центр и цель, к которой все стремится. (Между прочим, Аристотель говорил «виды» движения, а не «формы»).

В духе всех культурных языков видеть причины движения в энергиях, как бы перенося на них эту загадку. В энергиях загадочно не только происхождение, но и законно-послушание, и тончайшая взаимосвязь эффектов, и разнообразие систем. Законы, системы — откуда они?

На эти вопросы никакая наука и никакая атеистическая философия удовлетворительного ответа не дала и не даст никогда... Атеисты отмахиваются от этих вопросов, то называя их устаревшими и смешными, то вдруг превращаясь в столь презираемых ими агностиков и стараясь разложить и подорвать понятия причинности и закона. Дескать, в природе нет ни вечных и повсеместных законов, ни абсолютных и неизменных причин; дескать, человек сам вносит их в окружающий мир, выделяя среди бесконечных изменений те, которые относительно неизменны и устойчивы. Но эти заимствования у Юма (или бессознательные повторения за ним) нисколько не мешают тому, что «относительно устойчивые законы» и «относительно неизменная причинность» не выдумка человека, не его субъективное творчество, а са-

мая что ни на есть «наиболее объективная реальность». Человек не вносит их в мир, а находит их в мире. Как чудесно сказал Герцен:

«Человек не потому раскрывает во всем разум, что он умен и вносит свой ум всюду, а напротив, умен оттого, что все умно».

Понятие материи-вещества тоже загадочно. Но загадочно главным образом потому, что вещество в микромирах оказалось превращающимся в энергию. Если бы материя состояла из простых непроницаемых атомов, как ее себе представляли философы в прежние времена, то загадочными были бы не атомы, а их наличие и, опять-таки, движение и законы, по которым образовывались из атомов тела и вещи. Но атом открылся людям XX века как целый маленький мир с ничтожной массой и колоссальной энергией . . .

И, как мы увидим дальше, чем меньше размер какого-либо микро-объекта, тем большая энергия характерна для процессов, протекающих в таком объекте.

Загадку «откуда движение?» вещевисты предпочитают не замечать . . . «Двигается и баста!» Знаменитое ленинское словечко это приложимо не только к махистам, но и к ленинистам.

Легко и просто ответить, что «движение неотделимо от вещества», или что и движут и движутся сами корпускулы; их, дескать, ничто не движет извне. Однако, в этом «ничто не движет извне» уже ошибка: то, что движет, есть и внутри, и вне. Энергия должна быть, как в самой корпускуле, так и вне корпускулы: без взаимодействия энергий мир себе представить нельзя. Как нельзя себе теперь представить и самого атома без сложной системы взаимодействий внутри его и извне.

Взаимодействие не открытие Маркса и Энгельса, но чуть ли не самый важный (философский) столп диалектического материализма. На взаимодействие философы диамата ссылаются постоянно. При этом многие из них наивно верят, что это монополия и открытие материализма. Тем удивительнее, что не только механисты, но и диалектики стараются объяснить мир . . . только снизу. словно их загнипнотизировала навеки примитивная древняя картина сталкивающихся атомов, из которых случайно выросло все разнообразие Вселенной. Это тем более удивительно, что диалектики признают Вселенную вечной и бесконечной, а следовательно, никакого начала начал, в том числе и атомного в ней быть не должно. Между тем, рассуждения о праматерии, из которой совершенно самостоятельно создалась сначала Солнечная

система, а затем Земля, земная флора и фауна, велись почти всеми материалистами, включая и умнейших «классиков диамата».

При этом материалистические философы как-то уж очень мало принимали во внимание, что всякая первобытная материя, всякая «раскаленная туманность» есть тоже продолжение чего-то, и что, главное, она не находится в изоляции от остальной Вселенной, но является ее частью и значит, должна органически подчиняться ее влияниям, энергиям и законам.

Быть может, взгляд на земную эволюцию как на «самогонку», был до сих пор оправдан для ученых, занимающихся историей Земли: почти никто из них не думал о тех влияниях на земную материю, которые могли бы действовать из «за границы Солнечной системы»... Но для философа такой взгляд был узким и тогда, когда об этой загранице знали гораздо меньше, чем теперь. Теперь же, когда и простые смертные познакомились с важнейшими научными открытиями, каждый ученый должен признать, что нет и никогда не могло существовать на Земле такого атома и такой молекулы, которые не были бы частями Вселенной и не подчинялись бы ее законам. А ведь отсюда следует, что: *земная флора и фауна создались не потому, что «первобытная материя» в хаосе бесцельных движений, каким-то естественным отбором атомных соединений пришла к теперешнему состоянию, а потому что она была частью движения и жизни всей Вселенной.*

Это не значит, конечно, что ученый не должен изучать никаких процессов иначе, как беря в соображение все возможные вселенские влияния на них. Выставлять такое требование к ученым было бы абсурдным. Частично должны быть верны и теории Опарина и Дарвина. Эволюционная теория в XX веке общепринята. Но для философа синтетика необходимо помнить о том, что наука еще не изучила, но что несомненно существует.

Настоящий философ, по крайней мере философ-синтетик (мы не умаляем значения философов аналитиков, и, с другой стороны, мы, конечно, понимаем, что синтез и анализ не могут быть отделены друг от друга; однако, есть философы преимущественно синтетики и преимущественно аналитики), должен иметь чувство близости, родства, общности со Вселенной... нет, трудно найти подходящие слова... Может быть, лучше сказать просто: чувство Вселенной? Но не «вселенскости», хотя это слово уже употребляли отличные философы и блестящие знатоки русского языка.

Прислушиваясь к слову вселенскость, мы слышим, что оно говорит гораздо больше о качестве субъекта, чем об объекте — самой Вселенной. И как качество субъекта вселенскость может пониматься по-разному: или как необыкновенная широта кругозора, или как принадлежность ко Вселенной, или как сознание этой принадлежности (не говоря уж о значении, которое никак к философам относиться не может — распространения повсюду во Вселенной). Но можно обладать широчайшим кругозором и сознавать свою принадлежность ко Вселенной, и не иметь того, на что мы хотим указать. Не важно отвлеченное, сухое, чисто умственное, поверхностное признание, которое не играет никакой роли в эмоциональной жизни. Мы говорим о том глубоком переживании, о том почти мистическом, почти религиозном чувстве Вселенной, которое является только изредка и далеко не у всех людей.

Богат, красив и умен русский язык, и стоит он того, чтобы стараться его правильно употреблять.

Глава III

ФИЗИКА ПЕРЕД ЗАГАДКОЙ

Главу эту можно назвать также «На границе неизвестного», как называл свои эмиссии по радио известный французский лектор и ученый, Л. Барнье.

Прилагаемые выдержки из научно-популярных изданий чрезвычайно интересны с философской стороны, и комментарии к ним затрагивают только эту сторону. Все они касаются вопросов о существовании и отношении вещества и энергии (какие бы выражения вместо этих слов ни употребляли разные авторы).

«Новая теория материи» — А. Дюкрок

(А. Дюкрок французский ученый и блестящий популяризатор в области теоретической и технической физики и электроники. Отрывки взяты из статьи, помещенной во французском ежемесячнике «Науки и Будущее» за ноябрь 1963. Перевод здесь и всюду дальше мой. — Б.).

.....

... Дело, в общем, идет о том, чтобы свет и разум проникли в самые интимные недра материи и чтобы достигнуть в отношении частиц того, что было достигнуто дважды за эти столетия в отношении атома... Действительно, в 1913 году Бор представил атом под видом миниатюрной солнечной системы, в которой электроны, заряженные отрицательно, двигались как планеты вокруг «ядра». В 1933

году была, в свою очередь, открыта картина этого ядра: Шадвик открыл нейтрон, чье существование предчувствовал за год до этого Жолио. Всякое атомное ядро представлялось тогда ассоциацией некоторого числа нейтронов без электрического заряда с заряженными положительно протонами. Нейтрон, протон и электрон казались, таким образом, основными элементами материи. Казалось, вся материя построена из этих трех частиц.

Но что такое эти частицы? Откуда они взялись? Нельзя ли их свести к двум, или даже к одной? Начиная с 1933 года ставились эти вопросы, но практически они оставались без ответа. В то время как ядерная физика прогрессировала молниеносно, наука частиц топталась на месте. Кончилось тем, что почти что забыли, что она должна хранить сам секрет происхождения и «потенциальностей» Вселенной.

.....

... Сегодня эта проблема частиц, повидимому, выходит из своей летаргии....

... Частиц нашли очень много: сейчас их насчитывают 34 и столько же античастиц. Открытия продолжаются в ритме пяти или шести частиц каждый год.

... Если подумать, то что такое электричество? Только слово, которое мы создали.

Нигде нет электричества во Вселенной, но лишь эффекты электричества. Мы констатируем, что притяжения и отталкивания происходят между некоторыми категориями частиц, и это все — точка. А ведь факт этот объясняется, в сущности, факторами, характеризующими данные частицы.

Точно так же, какая реальность стоит за тем, что мы называем массой?

Физик должен признать наивность наших традиционных понятий о силах. Ему приходится принять, по сути дела, точку зрения чисто математическую: частица должна быть представлена просто комбинацией чисел, которые надо интерпретировать.

В этом направлении делаются чрезвычайные усилия и работа интерпретации и упорядочения, которая приводит некоторых исследователей к принятию совершенно новых взглядов. Во главе исследователей во Франции надо назвать Ж. П. Вижье.

Этот физик, сотрудник Де Бройя, уверен, что все частицы суть ничто иное, как разные аспекты одной и той же вещи, а именно «материи» (во французском тексте у Дюкрюка кавычки стоят непереводаемо и довольно загадочно: „La“ matière. — Б.): само множество частиц и легкость, с которой они трансформируются, подсказывают такое заключение.

Отметим, что в этой статье Дюкрок платит дань тому одностороннему скептицизму, о котором мы писали в прошлой главе. Он называет наивными понятия энергии, силы и массы, но непоследовательно оставляет незатронутым понятие материи (если не считать этих странных, мы сказали бы робких, кавычек, в которые он заключает не материю, а предшествующий ей член). Повидимому, в философских взглядах Дюкрока произошла за последние годы какая-то перемена, так как в его книгах, изданных в 1950 году, понятия энергии и силы не подвергаются никаким сомнениям. Кстати, его книга *Атом* (1950) кончается следующими строчками: «Атом очень мал, так мал, что совершенно неуловим ни нашими чувствами, ни самыми мощными средствами наблюдения, но это вселенная и вселенная фантастическая. Перед Творцом, создавшим пространство, время, мир и жизнь, человек, после каждого этапа, вопрошает себя, одновременно восхищенный и пораженный, по очереди то вызывающий, то робкий». . . . Но наши предположения могут быть и неоправданы: ведь никто на Западе не требует от ученых «идеологической чистоты и философской последовательности» . . . Да и кто последователен до конца?

Продолжаем статью Дюкрока о школе Вижье:

. . . . .

тезис субквантового мира защищает Вижье, Де Брой, и американец Баум. Несомненно он представляет из себя наиболее революционную идею современной физики: наши частицы купались бы на самом деле в среде, состоящей из компонентов еще несравненно меньших, с которыми они были бы в постоянном взаимодействии.

Кончает свою статью Дюкрок так:

В прошлом веке, с атомом, физики считали, что они находятся в последней степени разделения субстанции. Атом появился в начале XX века как фантастический мир, составленный из частиц. И вот мы подозреваем теперь реальность гораздо более неуловимую, одно предчувствие которой вызывает головокружение.

Надо отдать справедливость классикам диалектического материализма, что они и раньше поддерживали мысль, что материя может делиться бесконечно. Верна ли она, неизвестно (в свете последних открытий в физике нам кажется, что она неверна), но во всяком случае неправильно, что все физики (в принципе) так уж поражены предположением о «субквантовом мире» . . . Есть в диамате два интересных вы-

сказывания о материи, которые будет уместно здесь привести:

«Разрушимость атома, неисчерпаемость его, изменчивость всех форм материи и ее движения всегда были опорой диалектического материализма. Все грани в природе условны, выражают приближение нашего ума к познанию материи, — но это нисколько не значит, чтобы природа, материя, сами были символом, условным знаком, то есть продуктом нашего ума». (Ленин).

«Диалектический материализм настаивает на . . . отсутствии абсолютных граней в природе, на превращении движущейся материи из одного состояния в другое, с нашей точки зрения непримиримое с ним». (Ленин).

Из этих двух высказываний Ленина первое, как почти все его высказывания в «Материализме и Эмпириокритицизме» вызвано стремлением разбить махистов и разных «явных и тайных идеалистов» (понятно, «прислужников капиталистов»). Но есть в этих строчках и более ценная сторона — утверждение о разрушимости и неисчерпаемости атома.

Если понимать эту неисчерпаемость как все большее и большее деление на все меньшие и меньшие части, то мы приходим к «дурной бесконечности». Но можно понимать это утверждение и иначе, а именно в свете второго высказывания: как превращение материи из одного состояния в другое. Принимая это последнее толкование, можно согласиться и с первым высказыванием.

Что касается второго, то мы с ним согласны без оговорок, то есть больше, чем сам Ленин. Потому что, как читатель уже хорошо понимает, мы зачисляем в наших гипотезах и психическую реальность в одно из «состояний материи, непримиримых с нашими обычными точками зрения».

А вот еще одно утверждение о том загадочном мире, который является как бы фоном для частиц атома. Его выписываем из статьи Синельникова, помещенной в «Философских вопросах современной физики», изданных в результате Совещания по физико-философским вопросам, созванного Институтом философии, Институтом физики и физикотехническим Институтом Академии наук УССР в Киеве. В Совещании принимали участие ученые из Москвы, Ленинграда и всей страны.

Итак, Синельников на стр. 20 говорит:

В начале 30-ых годов рассмотрение изолированных микроробъектов считалось законным. Почему не представить се-

бе двигающийся электрон бесконечно удаленным от всех микро и макро-объектов? В настоящее время, после открытия кардинальнейшего факта, еще недостаточно осознанного нашими философами, открытия того, что пустоты, то есть пространства лишеной материи, не существует, подобное рассмотрение стало невозможным. Полностью «изолированный» электрон на самом деле находится в непрерывном динамическом воздействии с «физическим вакуумом», полем нулевых колебаний, полем флюктуирующих зарядов. «Изолированность» оказалась абстракцией.... и должна быть полностью отброшена как ненаучная.

И на стр. 21:

Пустое пространство отошло в область мифов, как отошел в область предания, например, упругий эфир середины XIX века. Физический вакуум проявляет определенные свойства, называемые вакуумными флюктуациями зарядов и токов.

(Фил. вопр. совр. физики, Акад. Наук УССР, Киев, 1956).

При сравнении статей Дюкрока и Синельникова первое впечатление: до какой же степени советские ученые опередили французских! Французские еще в 1963 году с неуверенностью пишут о возможных открытиях в «субквантовом мире», а советские уже в 1956 категорически уверены в «нулевых колебаниях и флюктуациях зарядов и токов в физическом вакууме». Замечательно!

Но затем мы вспоминаем, что класики диамата тоже утверждали, что пустого пространства не существует, а до них то же утверждал Декарт и многие другие философы. С другой стороны, очень многие философы и ученые, включая астрономов и микрофизиков, пустое пространство признают до сих пор. Мнения остаются разделенными, как и в прежние века. Разделив атом, люди узнали, что диаметр его ядра приблизительно в десять тысяч раз меньше диаметра всего атома, так что атом это главным образом — пустота!

Дальше мы припоминаем, что возможность «субквантового движения» допускалась, именно как возможность, а не нечто безусловно найденное, еще Эйнштейном, о чем не раз вспоминает в своих книгах Де Брой, в свою очередь эту возможность допускающий. Об этом он писал еще в двадцатых годах, но как об очень вероятной гипотезе. И так же пишет о ней и теперь. Но и признавая субквантовые частицы, нельзя считать вопрос о вакууме решенным: они должны были бы, вероятно, иметь базой опять-таки пустое пространство.

Категоричность утверждения Синельникова не вводит нас в заблуждение: на самом деле в вопросе о том, существ-

вует или нет пустое пространство, никакого окончательного решения, никакого скачка от «ненаучных» заблуждений тридцатых годов к вечной истине пятидесятых не произошло. Только в нашем воображении мы можем делить пространство бесконечно, как делил Зенон шаги Ахилла, и мы можем заполнять его сколько угодно, например, математическими точками, или их теперешним вариантом — «бесконечно малыми объемами». Вот что говорится об этих таинственных объемах в советском сборнике «Наука и Человечество»:

«В современной космологии материю, заполняющую вселенную, рассматривают как непрерывную среду, каждый элемент (то есть физически бесконечно малый объем) которой обладает определенной, непрерывно меняющейся досветовой (то есть не достигающей скорости света в вакууме) скоростью, причем при переходе от одного элемента к другому скорости изменяются также непрерывным образом (то есть среда обладает непрерывным и непрерывно меняющимся во времени полем скоростей)».

(А. Зельманов «Метагалактика и Вселенная»).

При всей наукообразности этого изложения оно остается ничем не доказанной гипотезой, главная ценность которой — с точки зрения марксистов-ленинистов — заключается в том, что она при поверхностном восприятии как бы совпадает с утверждением классиков материализма: «мир есть ничто иное как вечно движущаяся материя». Однако, при внимательном разборе этой выдержки видно стремление называть материей все существующее и избежать слова энергия, (так как движение, о котором здесь говорится есть несомненно движение энергетическое). По существу она очень похожа на представление о пространстве-времени Минковского (1864—1909) как о континууме, в котором налагаются друг на друга мириады энергетических волн, связанных с движением как вещества, так и света.

Мы должны признаться, что твердо верим в вакуум, то есть в пустое пространство и главное, во вселенское пространство, почти как у Ньютона, который считал, что пространство независимо от своего содержания, что оно необходимо и бесконечно, что оно есть условие существования всего материального и, наконец, что оно атрибут Вселенной. Это, впрочем, не значит, что мы отрицаем практическую полезность принятых в науке понятий пространства геометрического, физического, конфигуративного и пространства-времени. О нашем взгляде на пространство мы еще будем говорить. Забегая вперед, скажем пока только, что для нас вакуум не страшное *ничто*, которое пугало стольких философов, а (вместе с пространством заполненным) таинствен-

ное тело Вселенной. Будучи Величайшим Полем, абсолютное пространство содержит в себе бесконечные возможности и пустого пространства, и проявления энергетических полей, и существования вещества.

Вернемся снова к микрофизике. Не совсем оправдано, что ученые, не признающие пустого пространства, продолжают употреблять слово вакуум, которое ведь обозначает именно пустое от всякой материи пространство. Надо бы им придумать какой-нибудь «квaziвакуум» . . .

Следующие выдержки из Сборника лекций Московского Университета под названием «Диалектический материализм и вопросы естествознания» (изд. 1964 г.) подводят нас к проблеме создания вещества из энергии (хотя слова энергия мы в них и не найдем).

«В настоящее время самым низким известным нам уровнем развития материальных объектов мы считаем различные поля и элементарные частицы. Поля могут находиться в вакуумном и возбужденном состояниях. Предполагается, что, переходя в возбужденное состояние, поля могут порождать частицы».

«В настоящее время введено понятие физического «вакуума» — состояние поля, лишенного частиц. Частицы возникают при возбуждении вакуума».

(Стр. 55 и 67, А. Фурман «Формы движения материи и их взаимосвязь»).

(Само собой разумеется, здесь говорится о полях энергий).

«В развитии учения о микромире большую роль начинает играть вакуум. С одной стороны вакуум при соответствующем возбуждении обуславливает взаимодействие между частицами, образуя тем самым поля (например, электростатическое, электронно-позитронное, мезонное и др.), а с другой — является системой с неограниченным числом виртуальных частиц, образующих своеобразный резервуар, откуда «извлекаются» реальные частицы, например, пара электрон-позитрон и т. д., и куда они переходят в результате аннигиляции.

. . . Вблизи элементарных частиц происходит своеобразная поляризация вакуума, что до некоторой степени должно напоминать собой поляризацию диэлектрика при наличии в нем зарядов».

(Стр. 250—251 и 254, А. Соколов «Развитие учения об элементарных частицах как познание все более глубоких объективных закономерностей микромира»).

Мы привели эти выдержки ради их чрезвычайно интересного содержания, а не ради иллюстрации неправильного употребления слова вакуум. Кто только этим не грешит; да

и мелочь это по сравнению с другим недостатком этой книги. Недостаток этот — далеко не почтенная манера обвинять непризнающих марксизма-ленинизма философов и ученых в том, что они, дескать, «не признают объективной закономерности в природе». Такие, не то лукавые, не то невежественные, ложные обвинения включены чуть ли ни во все лекции этого сборника... что особенно обидно в отношении Московского университета, всегда бывшего гордостью и честью прежней России! Огромное большинство ученых всего мира, включая и религиозных ученых и философов, сознательные эмпирики — реалисты. Им важно изучать мир, как он есть, реальный мир, а не марксистскую «вечно движущуюся материю». Поэтому ничто не заставляет их считать пустые пространства не пустыми. Но никто не отрицал, что через них проходит свет, притяжение и, значит, могут проходить и другие энергии. Те же реалисты, которые считали и считают, что все пространство заполнено энергетическими полями, не называли и не называют их материей. (Поскольку они не подпали под влияние ленинизма. Впрочем, и в этой области нередка путаница в терминологии: ведь на Западе нет контроля сверху над «идеологической чистотой» научных работ).

А вот что говорит о процессах, происходящих в микромирах В. Гейзенберг, знаменитый немецкий физик, в статье «Современная теория элементарных частиц». При разбивании частиц — частей атома —

«их разложение на многие отдельные части, действительно, имеет место, но сами эти частицы оказываются опять элементарными частицами того же, уже известного рода. Иными словами «части» оказываются зачастую не меньше, чем сами разлагаемые элементарные частицы.

Итак, в процессе удара происходит собственно не разрушение старых, но создание новых частиц. Огромная энергия движения соударяющихся частиц используется для создания новых частиц. Тем самым вопрос о том, являются ли сами элементарные частицы опять «составными», становится принципиально неразрешимым. Их можно по желанию считать и составными и простыми.

Всего вернее мы опишем положение вещей, если скажем следующее. Как известно, согласно теории относительности, вещество может превращаться в энергию, а энергия в вещество. Все элементарные частицы состоят из одной и той же субстанции — энергии; энергия становится веществом, выявляясь в форме элементарных частиц. Понять, почему осуществляются именно эти, а не какие-нибудь другие стабильные формы материи; узнать

и сформулировать лежащие в основе законы природы — вот задача современной физики».

(В. Гейзенберг. Стр. 308 сборника «Наука и Человечество», изд. Знание, Москва, 1962).

Так как подчеркнутые нами слова Гейзенберга, с точки зрения правоверных ленинистов, являются грозной ересью, то, (хотя сборник предназначался явно для заграничных читателей) тут же мелким шрифтом напечатано некое запутывающее «пояснение», как, дескать, их нужно понимать. Смысл его тот, что «одна форма материи переходит в другую»... Можно подумать, что в СССР принято наше разделение материи на энергию и вещество! Мы-то могли бы согласиться, что один вид материи-реальности переходит в другой, хотя такое объяснение, благодаря неограниченности нашего понятия материи, ничего ценного не вносило бы. Но у диалектических материалистов, которые постоянно путают понятия вещества и материи, и которые отрицают энергию как физическую сущность, заявление, что одна форма материи переходит в другую, скорее затемняет истину, чем ее уясняет. Для нас, наоборот, лучи света, волны, поля, невесомые фотоны, как представляет их современная наука, не вещество, а проявления энергии в пространстве.

Как же надо понимать знаменитую эйнштейновскую формулу $E = mc^2$? Начнем издалека, пользуясь популярными изложениями основ микрофизики французскими учеными.

Единицу массы для измерения ядерно-атомного порядка некоторые называют просто «юма» (uma — сокращение от *Unité de masse atomique*). Название, впрочем неважно, тем более, что мы нашли его лишь в одной популярной книге, его нет, например, в просмотренных автором энциклопедиях. Единица эта выбрана условно, но важно то, что она равняется точно одной шестнадцатой (по весу) атома кислорода (именно кислорода шестнадцать, O^{16}). Каждый протон или нейтрон весит приблизительно одну юму. Электрон весит почти точно в 1839 раз меньше. Эйнштейном, и после него, вычислено, что одна юма при превращении дает энергию равную 931 миллиону электровольт (и обратно).

Итак, 1 юма = 931 MeV.

Это значит, что ничтожное количество массы превращается в сравнительно огромную энергию. Этим объясняются те великие разрушения, которые может принести одна небольшая ядерная бомба. В таких бомбах, конечно, несчетное количество «юм». (По тому же эйнштейновскому расчету и энергия может превращаться в вещество). Само собой разу-

меется, мы находимся в области бесконечно малого, и числа эти и термины соответственно микрокосмического порядка. Так, электроновольт нельзя путать с обычным вольт. Электроновольт эквивалентен $1,6 \cdot 10^{-12}$ эрга. Напомним, что десять в минус двенадцатой степени обозначает единицу, деленную на единицу с двенадцатью нолями, то есть деленную на тысячу миллиардов. В свою очередь масса электрона, выраженная в обычных, всюду употребляемых граммах, равняется $9 \cdot 10^{-28}$, то есть электрон весит 0,00000000000000000000000009 грамма. Прочитать это весьма трудно и еще труднее осознать: девять десятых одной миллиардной одной миллиардной одной миллиардной грамма.

Нельзя путать превращение вещества в энергию (и обратно) с химическим превращением одних веществ в другие. Даже горение есть превращение в окисленные газы, то есть вещества в вещество. Ведь и газы тоже химические тела. Закон Лавуазье о сохранении массы в химических превращениях остается в силе. Правда, при горении происходит и некоторое ничтожное исчезновение массы, превращающейся не в газ, а в энергию, но оно так мало, что до нашего века о нем и не подозревали.

Чтобы иметь наглядное представление об количественном отношении между массой химического тела и заключенной в ней энергией, можно указать, что массе в один наш грамм соответствует электрическая энергия в 25 миллионов киловат часов, то есть энергия одного грамма вещества могла бы обслуживать целый год город тысяч в 15 жителей. А если бы перевести этот грамм не в электрическую, а тепловую энергию, то она могла бы вскипятить 270 тысяч тонн воды.

Превращение массы в энергию в природе существовало всегда, например, в фактах естественного распада атомов (радиоизлучения). Но первые шаги к знанию о нем сделали только в конце XIX века Беккерель и Кюри. И затем произвел уже настоящую революцию в науке Эйнштейн.

Самой ясной иллюстрацией его формулы $E = mc^2$ является так называемая аннигиляция двух одинаковых микрочастиц противоположного электрического заряда. Когда говорят о материи и антиматерии, то подразумевают одинаковые «симметрические» массы, но заряженные противоположно. Тут нет ничего мистического. Никакой «антиматерии» на самом деле тут нет. (О другом, спорном, толковании античастиц здесь упоминать нет нужды).

Первой была открыта в физике аннигиляция электронов и позитронов. (Следуя за французской научной элитой, мы

будем дальше говорить не позитрон, а позитон, тем более, что это несомненно логичнее). Итак, позитон, то есть электрон, но заряженный не отрицательно, как обычные электроны, а положительно, был получен искусственным лабораторным путем, неожиданно для самих испытателей, хотя некоторые ученые уже предвидели его появление. Существовать в свободном состоянии на Земле позитон не может, так как он немедленно аннигилируется с электронами заряженными отрицательно, которыми полна Земля (так как нет атомов без электронов, а кроме того, они «живут» и в свободном состоянии).

Прежде чем привести описание аннигиляции, напомним, что на Западе огромное большинство ученых подразумевает под материей не «всё реально существующее», а именно то, что мы называем веществом. Поэтому аннигиляция частичек и их превращение в энергию называется сплошь да рядом «дематериализацией». И обратно: превращение энергии в частички с массой называется материализацией. Точно так же принято на Западе делить волны на материальные и нематериальные. Так, в отличие от материальных звуковых, песочных и жидкостных волн, считаются нематериальными волны электромагнитные, в частности волны T.S.F., инфракрасные, световые и космические. Таковую манеру выражаться мы находим и у самых знаменитых физиков. Фотоны и нейтрино считаются состояниями не материи, а энергии . . . что, впрочем, не мешает иногда тем же физикам называть их частичками и даже корпускулами. Это звучит нелогично, но «корпускула», если она не имеет другой массы, кроме массы энергии, считается частичкой не материи, а энергии. Ее концентрацией, или «зерном», или «пакетом» или «квантой», или «горбом» на поле сил (как, например, представлял себе фотоны Эйнштейн). А что такое поле сил или энергий? У материалистов это поле называется «другим видом материи». Таким образом они спасают чисто словесным названием материалистическое знамя, и все корпускулы для них, независимо от того, имеют ли они массу, или нет, материальны.

Если бы марксисты-ленинисты были так же последовательны и широки, как настоящие материалисты монисты, то они не боялись бы слов энергия и сила и согласились бы и с таким, принятым на Западе, определением поля: «Поле это часть пространства, в которой проявляются на расстоянии силы (притяжения, электричества, магнетизма)».

Переходим к описанию аннигиляции в книге Ив Шеле «Ядерная энергия», издание 1961 года. Книга эта может те-

перь показаться устарелой, но только из-за пафоса, которым сопровождает Шеле это описание. Мы все ведь очень избаловались новыми открытиями, следующими одно за другим, одно важнее другого, и быстро забываем тот восторг, который нами овладевал, когда какое-нибудь открытие поражало нас своей неожиданностью... Вспомним хотя бы впечатление от первого спутника, запущенного вокруг Земли! Публика была просто ошеломлена, просто вне себя от восторга. А теперь? У широкой массы пропал к спутникам всякий интерес... Вероятно то же ждет и будущую астронавтику...

Стр. 99—100 из главы «Две фантастические метаморфозы» (в сокращенном переводе):

«В известных случаях возможно наблюдать полное исчезновение частичек! Совершенное исчезновение массы! Этот феномен случается только тогда, когда встречаются две «противоположные» частички. Вспомним, что позитивный электрон, или позитрон, «противоположен» или «симметричен» электрону негативному, или негатону. Позитивно заряженные электроны получаются в результате деления протона на нейтрон и электрон и не живут дольше какой-то малой части одной миллионной секунды. Очень быстро они притягиваются обычным негативно заряженным электроном, и в этой встрече оба электрона исчезают просто и мило, как по волшебству.

Они дематериализуются, они становятся энергией, они превращаются в два луча гамма одинаковой энергии и направленные точно в противоположные стороны. Отталкиваясь друг от друга, лучи эти ничего не оставляют за собой. И, так как масса покоя электрона эквивалентна 0,51 MeV, то каждый фотон гамма-лучей имеет точно энергию в 0,51 MeV.

Две частички, обладающие массой, исчезли, уступая место электромагнитному излучению без массы.

.....

Возможен и обратный процесс: мы можем присутствовать при «сотворении» частиц. Гамма-луч, без массы, может материализоваться в негатон и позитон с массой! Как это возможно? Нужно, чтобы фотон гамма обладал энергией по крайней мере равной энергии двух электронов. Фотон гамма нейтрален и может «породить» только тоже нейтральное сочетание. Процесс называется «создание пар». Таким образом превращаются большинство гамма-фотонов энергии большей, чем 1,02 MeV.

Например, распад изотопа таллия сопровождается излучением гамма-лучей большой мощности (в 2,62 MeV). Если один из этих фотонов большой энергии сталкивается с какой-нибудь частицей, она служит для него как бы точкой

опоры: гамма-луч материализуется, создавая позитон и негатон, частички, обладающие массой! Это создание требует энергии в 1,02 MeV, остаток (в 1,6 MeV) разделяется в виде кинетической энергии между двумя электронами. В свою очередь, едва родившись, через несколько миллиардных секунды, позитон встречает негативный электрон какого-нибудь атома и аннигилируется вместе с ним. Он снова превращается в фотон, то есть в энергию без массы».

Сокращенное и обобщенное говорит о сущности формулы $E = mc^2$ Де Брой:

«После Лавуазье, создателя современной химии, считали, что масса сохраняется всегда обязательно. Развитие теории относительности привело к изменению этого представления: по этой теории, масса это только особая форма энергии, а то, что сохранялось бы всегда, было бы глобальной энергией, взятой в целом, а не обязательно той особой формой энергии, которой является масса. Этот новый принцип, названный «принципом инерции энергии» и формулированный Альбертом Эйнштейном в 1905 году, позволяет теперь подводить баланс энергии в ядерных трансмутациях, принимая в расчет одновременно энергии масс, кинетические энергии выброшенных во время трансмутации частиц и энергию излучения в тот же момент».

(Де Брой «На тропинках Науки», стр. 279, изд. 1960).

Под энергией излучения Де Брой подразумевает здесь необыкновенно сильные лучи гамма, нейтрино и т. п., состоящие, как теперь предполагают, из волн и частиц без массы («не материальных», или, как сказали бы мы, «не вещественных»).

Кстати, мы пользуемся случаем выразить нашу благодарность этому знаменитому современному французскому физику за ясность изложения его книг, покоряющих своей объективностью, скромностью, широтой взглядов, прямой и всегда чувствующейся любовью к истине.

Во избежание недоразумений мы можем прибавить к данным выше описаниям, что в наше время физикам еще не удалось придумать механизма, который превращал бы в энергию целые атомы (или атомы в энергию). В наше время умеют только вызывать превращение, трансмутацию, известного количества атомов большего веса в атомы меньшего веса, во время которой освобождается и исчезает лишняя масса, превращаясь в энергию. Или наоборот: вызывают трансмутацию множества атомов меньшего веса в атомы большего веса, и тогда поглощается энергия из окружающей среды, превращаясь в недостававшую массу атомов.

Ученые, работающие в странах под управлением коммунистической партии, могут быть разделены на тех, которые,

вольно или против воли, внедряют в головы своих учеников «истины» марксизма-ленинизма (Маркс употреблял в аналогичных случаях выражение «фаршируют»), и на тех, которые служат науке верой и правдой, стараясь, поскольку возможно, не участвовать в распространении фанатизма. К первым принадлежат несомненно авторы вышеприведенной книги профессоров Московского Университета. Не удивительно, что мало у кого из них мы можем встретить слово «энергия», хотя говорят они о ней все время... А ко вторым принадлежат... впрочем, для нас это опять-таки «далекая звездная туманность».

У Блохинцева, русского физика с мировой известностью, мы находим как бы попытки постепенного перехода к западной интерпретации физических явлений. К сожалению, мы мало знакомы с его произведениями и потому общего вывода из них сделать не можем. Приводим две выдержки из его статьи, помещенной в уже цитированном нами сборнике:

Изучение процессов, происходящих в микромире, основывается на квантовой механике и теории относительности. Эти теории показывают, что чем меньше размер какого-либо микро-объекта тем большая энергия характерна для процессов, протекающих в таком объекте.

Приведенные ниже данные иллюстрируют эту связь:

Название микрообъекта	Приближенный размер микрообъекта (в см)	Энергия, связанная с процессами, происходящими в микрообъектах (порядок величины в электронвольтах)
Атом	10^{-8}	1
Ядро	10^{-12}	10^6
Нуклон	10^{-13}	10^9

Советский ученый, конечно, не делает отсюда вывода, который противоречил бы утверждениям марксизма-ленинизма. Однако, вывод напрашивается сам собой: раз при потере размера в микрообъектах возрастает энергия, то не указывает ли этот факт на то, что при окончательной потере размера (то есть исчезновении частицы) освобождающаяся энергия окажется еще большей?

Казалось бы, что иначе, как «да», ответить нельзя... и так, потихоньку, можно будет подвести правоверных диалектических материалистов к тому «открытию америки», которое сделал еще Эйнштейн в 1905 году... Само собой ра-

зумеется, физики-то в своих лабораториях и под коммунистическим режимом пользуются эйнштейновскими формулами и умеют превращать вещество в энергию и энергию в вещество точно так же, как и на Западе. Разница не в лабораторной практике, а в названиях. Особенно в популярных изданиях, где недопустимы слишком явные противоречия с догмами марксизма-ленинизма. Советские ученые и ученые иностранные умеют находить друг с другом и общий язык: объективных ученых интересуют не слова, а факты.

В той же статье Блохинцева мы находим строки еще более приближающие читателя к западной точке зрения:

«Если следовать современной теории, то частицы состоят друг из друга, и большее может заключаться в меньшем . . . . Сейчас уже ясно, что, опираясь на современную физическую теорию, мы можем изучать лишь самые внешние области в строении частиц. Трудность заключается в том, что современный физик не имеет другого языка, кроме языка частиц, и похоже, что этот язык плохо подходит для описания процессов, происходящих внутри элементарных частиц, в самых их глубинах.

Здесь можно бы вспомнить, что современная квантовая теория частиц наряду с частицами оперирует также понятием поля; частицы с этой точки зрения являются квантами, сгустками такого поля. Поэтому можно бы думать, что при изучении внутренней структуры частиц можно отказаться от понятия частицы внутри частицы, но сохранить понятие поля в частице». (Выделено мною. — Б.).

(Блохинцев, «Структура элементарных частиц», стр. 306).

Отмечаем неуверенность тона у Блохинцева, делающую ему честь. Наука и философия вырастают из любознательности, а ее корни — сомнение и удивление. Де Брой, Оппенгеймер и многие другие настоящие большие ученые признают, что *теоретическая физика* (в отличие от практической или технической физики) находится в наше время не в расцвете, как думают профаны, а в стадии почти что маразма . . . И вспоминается старая истина, что, чем больше человек узнает, тем шире перед ним открываются горизонты неизвестного.

Кванты, о которых здесь пишет Блохинцев, являются также одной из самых необъяснимых загадок физики. Около 1900 года немецкий физик Макс Планк выступил с теорией, что излучаемые энергии действуют не абсолютно равномерно, а как бы вибрируя или пульсируя. Излучение идет

«зернами энергии», или «порциями» вполне определенной величины, которые Планк назвал квантами. Теория Планка подтвердилась многочисленными, вернее, бесчисленными, опытами. Эти кванты, то есть количества энергии, пропорциональны с одной стороны частоте колебаний данной энергии, а с другой — вычисленной Планком величине h , называемой «постоянной Планка» или «Квантумом действия». Эта постоянная Планка (произведение энергии на время) универсальна, то есть неизменна и равняется, выраженная в эрг-секундах, $6,6337 \pm 0,011$ помноженным на 10^{-27} .

В 1918 году Планк получил за свою теорию нобелевскую премию, но в Советской России Планка и его теорию поносили долго, во-первых потому, что все частицы полагалось считать материальными корпускулами, а во-вторых потому, что Планк относился к материализму отрицательно и этого не скрывал.

Теория квант фактически теперь принята всеми, включая и коммунистов. Она послужила Эйнштейну, Шредингеру, Бору, Де Брой и другим знаменитым физикам в создании их собственных теорий, но никто еще не может сказать, что же такое эта, всюду в глубинах микромиров скрывающаяся вибрация, эта удивительная «дрожь» в структурах электромагнитных лучей и атомов. И почему она всегда пропорциональна постоянной Планка h ? Между тем, именно эта постоянная позволила объединить волновую и корпускулярную теорию света. Де Брой в статье о Планке, озаглавленной «*Великое открытие Макса Планка: таинственная постоянная h* », говорит, что эта постоянная, универсальная и фундаментальная, выражает природу волн и корпускул и является, без сомнения, ключом к строению материи и распространению энергии в плане микрофизическом.

Говоря о загадочных физических открытиях, надо сказать еще несколько слов о *плазме* и о *космических частицах*.

В последние годы в поле зрения ученых вступает все больше *плазма* — ионизированные газы. Это «четвертое состояние материи (три других — твердое, жидкое и газообразное) люди наблюдали изредка еще давно в шарообразной молнии. Кстати, и явления шарообразной молнии многими учеными отрицались как невозможные... Чего, чего только «наука» ни отрицала, и чего, чего ни провозглашала! А с другой стороны, невежественный (по сравнению с любым школьником нашей эпохи) древний философ Гераклит уже утверждал, что особенно тонкий огонь первооснова всех вещей!.. И теперь ученые готовы считать, что 99% материи (по нашему — вещества) во Вселенной состоит из плаз-

мы. При этом далеко не все ученые определяют плазму одинаково. Не полноценные атомы — ионы — и освободившиеся из атомов электроны, результаты разложения молекул газов, обычно смешаны с полноценными газовыми молекулами. И вот, одни физики считают, что газы должны быть почти полностью ионизированы, чтобы назвать эту материю плазмой, а другие находят, что достаточно, чтобы 10% газов было ионизировано, и мы уже имеем дело с плазмой. Это состояние материи весьма интересно и, повидимому, в масштабах астрономических предшествует созданию миров, и в свою очередь миры могут превращаться в плазму. С другой стороны, плазму умеют вызывать искусственно в лабораториях, и теперь ее применение сделалось в лабораториях обычной процедурой.

Приводим несколько строк о плазме из научно-популярного журнала. В ней автор говорит о необычайной электропроводности плазмы в противоположность газам (которые, как известно, непроводники). Затем:

«... Уже это свойство замечательно. Но плазма имеет и другие, и... некоторые из них до сих пор сбивают с толку физиков. В самом деле, можно почти что говорить не о свойствах, а о поведении плазмы: как если бы мы находились перед необыкновенным существом с неожиданными реакциями; не перед манифестациями материи, а перед манифестациями жизни.

Так, в то время как газы имеют тенденцию расширяться во всем им доступном пространстве, плазма, наоборот, стремится к сжатию. При перемещении заряды, которые ее составляют, создают ток. Этот ток сам по себе является генератором магнетического поля. Это поле, в свою очередь, влияет на траекторию других заряженных частиц и их сгибает. И так, все ближе и ближе, оно может сжаться в шар и таким образом создать то целое, которое называется плазмой.

Итак, можно начать понимать (!), что одна из выдающихся характеристик плазмы состоит в сложности ее структуры; в противоположность газу, плазма не единообразна; в каждой точке ее температура, а потому и реакции, различны. Между «провинциями», которые создаются в ее недрах возникает бурный обмен энергий. Больше того: даже собранная плазма неустойчива: чем больше она разогревается, тем больше, вместе со степенью ее ионизации, увеличивается ее движение.

.....

Итак, далеко от того, чтобы быть четвертым состоянием материи, плазма скорее первое. Первое, как по своей значительности во Вселенной, так и по своей первичности; три

классические состояния по сравнению с ним всего лишь вторичные и . . . второстепенные».

(Ж. Эвора, «Плазма, 99% материи вселенной», «Науки и Будущее», июнь 1963).

Философы могут посчитать движение плазмы (как, впрочем, и всякое движение) одним из доказательств жизни Вселенной. Ученые пока такого вопроса не только не решают, но и не ставят.

В наше время ученые особенно много усилий употребляют на уловление и изучение следов, которые оставляют таинственные «частички», движущиеся в атомных и вселенских пространствах. Для этого строятся специальные институты и лаборатории с инструментами колоссальной мощности. Самих «частичек» увидеть невозможно, но можно увидеть их следы. Некоторые «частички» обладают огромной энергией, и масса их обусловлена только движением, то есть они уж никак не могут быть названы веществом. (Собственно, масса атомов, протонов, и других «весомых» частиц, кончая электронами, самыми легкими, до того ничтожна, что их охотно называют тоже «зернами энергии»; энергия их неизмеримо выше того, что в них «вещественно»). С одной стороны, многие из следов частичек получаются физиками искусственно с помощью разбивания атомов электронными ускорителями, а с другой, такие же частички, то есть их следы, улавливаются на поверхности океанов, на высотах гор, в верхних слоях атмосферы, в едва достижимых глубинах Земли и т. д. с помощью самых оригинальных технических методов.

К частицам без «массы покоя» (то есть невесомым) принадлежат фотоны, о существовании которых догадывался еще Лукреций, но которые продолжают и теперь быть одной из загадок физики. Еще более загадочны, только в нашем веке открытые, нейтрино. Несмотря на сходство в названиях нейтроны и нейтрино не имеют ничего общего. Нейтроны и протоны, частицы с массой почти в две тысячи раз большей, чем масса электрона (которую принимают в расчетах за единицу), составляют ядра атомов, а нейтрино — «частицы» без массы, энергия, летящая со скоростью света всюду и везде.

Нейтрино прилетают на Землю (вернее, пролетают Землю) из звездных недр, где они зарождаются, в том числе и из нашего Солнца. Не имея никакой массы покоя, они в то же время обладают такой энергией, что пронизывают насквозь не только планеты, но и звездные системы, и даже галактики. Так, некоторые «частички» пролетают нашу га-

лактику неизвестно откуда. В то время как для фотонов света в мире вещественном находится много препятствий, для нейтрино они не существуют. Считается, что открытая ладонь получает каждую секунду 500 миллиардов «частиц» нейтрино от нашего Солнца, причем мы пронизаны ими и ночью, так как потоки нейтрино беспрепятственно пролетают сквозь Землю. (Между тем, и эти нейтрино ученые ловят, то есть стараются запечатлеть в особых аппаратах их следы). Нейтрино, как и фотоны, концентрация энергии, ее капли, сгустки, странности, поля, особенности, зерна, пакеты, — называют разно, зная, что все это не то, и потому снова употребляют привычные слова частица и корпускула.

Читателя не специалиста не должно вводить в заблуждение то, что в популярных книгах и научных статьях по электронике часто употребляются слова атом, электрон, фотон и т. д. в единственном числе. На деле современный физик никогда еще ни в какие микроскопы не видал даже отдельного атома. Все эти физические реальности до такой степени малы, что — практически — физик имеет дело всегда с их великими множествами. Говорить о них в единственном числе можно только или в результате математических исчислений, или в результате наблюдений над реакциями, начало которым кладет действие даже одной «частички», например, фотона на эмульсию фотографической пластинки. У Де Брой, в его «Критическом рассмотрении баз современной интерпретации волновой теории» (1963), приводится именно этот пример. Дело в том, что (как считают современные физики), когда фотон производит в атоме эмульсии фотоэлектрический эффект, выбивая из него электрон, то дальше следует своего рода цепная реакция: излученный из этого атома электрон выбивает электроны соседних атомов, эти электроны, в свою очередь, ионизируют соседние атомы, их электроны продолжают то же, и так далее, вплоть до того, что явления микрофизического мира принимают такие размеры, что их можно наблюдать уже и в нашем мире: на фотопластинке появляется темное пятнышко.

Де Брой подчеркивает, что этот процесс «снежного кома» или цепной реакции (вне зависимости от того, идет ли дело о фотонах, электронах, или других микрочастицах) есть *единственный доступный наблюдению процесс, который позволяет нам узнавать о том, что происходит в микромирах*. На том же принципе работает и камера Вильсона.

Национальные и интернациональные Институты изучения следов действия энергетических концентраций (или, как их чаще всего называют, частичек) стоят народам огромных

денег, но правительства передовых стран денег на эти исследования не жалеют: ведь опыт показал, что разрешение задач, казалось бы чисто научного интереса, приводило к фантастическому прогрессу в технике, индустрии и в самых разнообразных областях науки и жизни.

Загадка таинственных частичек энергии стоит в современной физике на самом видном месте. Она сейчас модна, о ней говорят повсюду — в лекциях, по радио и в телевизионных программах, в популярных и научных изданиях... Гораздо меньше внимания уделяется популяризаторами проблеме энергетических волн, которая, между тем, тесно и нераздельно связана с проблемой частичек.

Если раньше спорили о том, правильна ли волновая или корпускулярная теория света, то теперь признают и волны и корпускулы, а сам свет отнесли к явлениям электромагнитным. Мы в этой главе не посвятили должного внимания волнам, потому что тему о волнах еще труднее сделать популярной. Надо признаться, что между рассуждениями даже и самых известных ученых об электромагнитных волнах и частичках бывают кричащие противоречия. Особенно, когда дело идет о теории.

Никто никогда не наблюдал ни энергетических частичек, ни энергетических волн, наблюдают только изменения и события в физическом мире. Поэтому большинство западных физиков (так называемые формалисты) считает, что безусловно и бесспорно реальны только законопослушные действия энергии, а волны и частички (пока) лишь очень правдоподобные и еще более удобные для расчетов предположения. А потому вовсе не обязательно стараться их изображать наглядно, а лучше всего представлять события в мире микрокосмов формально математически.

В общем, все загадки волн и частичек являются лишь частью общей научной и философской проблемы: что за реальность находится за известным нам веществом?

Глава IV

ОТ ФИЗИКИ К ФИЛОСОФИИ

Физика в нашу эпоху сделалась чем-то вроде науки наук. Какие только специалисты ни нуждаются в ее услугах и открытиях! И химики, и биологи, и физиологи, и психиатры, и агрономы, и геологи, и астрономы, и космологи, и самые разнообразные техники и инженеры . . . да просто не перечислить всех ученых, которых волнуют и оплодотворяют новыми идеями открытия физики.

Как же не интересоваться открытиями физики философам? При этом не только материалистам, которые интересовались ею всегда, но и тем, которые смотрели на физику раньше немного сверху вниз. Тем более, что современная физика изменила прежнему материализму . . .

На пороге XX века физики вступили в лабораторию природы, в которой вещество превращается в энергию, а из энергии строится вещество. И строится оно по законам, частично уже найденным.

Законы квантовой механики приложимы и к движениям энергий в вакууме, и к энергиям, пронизывающим вещество. Даже кристаллы и макромолекулы генов пронизаны квантовым движением энергий.

Пусть правоверные диалектики ленинисты стараются обходиться без слова энергия, но что же описывают они (например, те же Фурман и Соколов), когда говорят, что «воз-

бужденные поля» могут порождать частицы? Или что вакуум — «является системой с неограниченным числом виртуальных частичек, откуда извлекаются реальные частицы»? Что же это значит, как не рождение вещества из энергии?

Пусть такие же догматики создали слово «квазичастицы» вместо «кванты энергии». Дело от этого не меняется. Квазичастицы, как и всякие частицы без массы покоя, это ничто иное, как порции энергии, которых ученым еще не удалось понять, но в существовании которых сомневаться невозможно.

Научное и техническое значение открытия превращения вещества в энергию и обратно неизмеримо. Это знают все. Но и другое его значение огромно.

В свое время между множеством голосов, приветствовавших это открытие не только с научной, но и с философской точки зрения, было немало и таких, которые оценивали его по достоинству. Это были прежде всего голоса энергетистов. Но беда в том, что часть знаменитых энергетистов того времени была под влиянием кантовской и неокантовской гносеологии и, благодаря этому, ввела в философские вопросы физики немало рассуждений спорных и даже неверных. Они бывали иногда настолько натянуты и туманны, что это дало возможность Ленину избрать их мишенью для насмешек над энергетистами . . . Другого энергетизма, который мы можем назвать реалистическим, Ленин «не замечал».

Вторым обстоятельством, пошедшим на пользу тогдашним материалистам в их борьбе с энергетизмом, является неясность в определении материи (особенно трудно излечимая в тех странах, где отдельного понятия «вещество» нет). Это дало возможность Ленину опять-таки издевательски третировать тех физиков, которые тогда писали, что материя исчезает. Целая глава в «Материализме и эмпириокритицизме» (самом философском произведении Ленина), посвящена этому вопросу. О выходе, который нашел Ленин для спасения материалистического знамени, мы уже писали: Ленин объявил, что все гносеологи, будто бы, всегда подразумевали под материей все существующее, а потому материя никак исчезнуть не может.

С тех пор материалисты начали называть «другим видом материи» все то, что не марксистские ученые называли «нематериальной физической реальностью» . . . Итак, в спорах с энергетистами старое марксистское понятие материи-вещества превращалось в новое: материю-реальность. Однако, материя-вещество продолжала царить в книгах и душах

марксистов-ленинистов-сталинистов и только приобретала «диалектически» все новые свойства. Путаница между этими двумя понятиями никогда не распутывалась, во-первых, потому что была им выгодна, а во-вторых из благоговения перед своими учителями.

Когда классики марксизма писали и повторяли, что «мир есть ничто иное, как вечно движущаяся материя», то что подразумевали они под материей? «Все объективно существующее», или вещество? — Несомненно именно вещество, вечно движущиеся атомы в их разнообразном сочетании и диалектическом развитии.

Было бы совершенно ненужно, бессмысленно и в высшей степени не талантливо, если бы в этом изречении они подразумевали под материей все существующее. Это значило бы просто громоздкую переделку гениального гераклитовского «все течет»: — «мир есть ничто иное, как вечно движущееся все существующее».

Нет, изречение это не было таким бесцветным и бездарным. Классики марксизма повторяли его в пику тем, кто верил в Бога, душу и тому подобные «идеалистические глупости». Только атомы и их комбинации, только вещество реально — вот что подчеркивали в нем материалисты. Вещество было для них «первичное», основа мира.

И именно против такого сухого и грубого представления о мире мы и боремся, а вовсе не против *гносеологического* материализма, который является лишь другим названием для обыкновенного реализма.

Подход к вопросу о физической реальности за привычным нам миром вещества издавна сопровождался для мыслителей двумя трудностями, так сказать, логического порядка.

Для материалистов-веществовистов, отрицавших пустое пространство и видевших вещество повсюду, трудность заключалась и заключается до сих пор в невозможности бесконечного деления вещества и заполнения пространства все уменьшающимися частичками.

А для философов, признающих «дематериализацию» вещества, существование «чистой энергии» и абсолютного вакуума, трудность заключается в том, что энергию *ни чего* тоже представить себе невозможно.

Однако, нам кажется, что положение вторых лучше, чем первых. К этой дилемме мы будем возвращаться не раз.

Наука не ставит нашего вопроса в таком обобщении: «Что за реальность находится за веществом?» Но отдельные области этой реальности ученые изучают уже очень давно: световые явления с их таинственными волнами, пронизывающими неизмеримые пространства Вселенной, и с не менее таинственными «бессмертными» фотонами (бессмертными, покуда они не сталкиваются с чем-то, чему они передают свою энергию); «небесную механику» или попросту астрономию, всю базирующуюся на самом необъяснимом и самом фундаментальном законе притяжения; электромагнетизм, который обнимает и световые явления, но в который входит еще множество других... и т. д. А теперь к этому прибавляется изучение внутриядерных энергий и тех частиц без массы покоя, которые являются уже частицами энергии, а не вещества. Их часто называют общим именем фотоны.

Несмотря на то, что по вопросу, существует ли абсолютный вакуум, ученые еще к соглашению не пришли, с развитием науки известный компромисс получился сам собой. Сторонники обоих решений признают, что всякое пространство является или может являться силовым полем и содержать в себе поля. Но для защитников возможности абсолютно пустого пространства поле в вакууме есть часть пространства, в которой может проявляться какая-то энергия или сила. А для отрицателей — поле это всегда «другая форма материи» (то есть вещества, если оставаться верным духу марксизма-ленинизма... Поэтому марксистские ученые так долго не могли примириться с невесомостью таких частиц, как фотоны и нейтрино, и говорят до сих пор: «если действительно они не имеют массы покоя»).

Само собой разумеется, мы не претендуем исчерпать все распространенные точки зрения различных ученых на вопросы о вакууме.

На практике ученый имеет всегда дело не с совершенно пустым пространством, или, вернее, он его не замечает: ведь не только макрокосмы (планеты, звезды, галактики) повидимому отделены друг от друга колоссальными пустыми пространствами, но и микрокосмы. Загадка пустых пространств распространяется и на микромиры. Например, расстояние между ядром атома водорода и его единственным электроном, при пропорциональном сравнении с Солнечной системой, соответствует расстоянию между Солнцем и Землей, помноженному на 30.

Распространение энергий и сил и в заполненном пространстве достаточно загадочно, а тем более в пустом. Тут мы наталкиваемся на отпор множества ученых, которые, казалось бы, вопреки очевидности, но в согласии (опять-таки, ка-

залось бы) с логикой, утверждают, что действие энергий через пустоту просто невозможно. Отсюда некоторые отбрасывают самое понятие энергии. Отбрасывают, как мы видели, и понятие пустого пространства. Отсюда выросла уже давно гипотеза эфира, будто бы заполняющего всю Вселенную. Отсюда же вера части ученых в гравитоны, которые объясняли бы действие притяжения подобно электронам в явлениях электрических.

И отсюда же вошедшее в моду в нашем веке понятие «кривых пространств», с помощью которых пытаются обойтись без понятия притяжения.

Как будто, ни одно из этих объяснений не выдерживает критики.

О том, что понятие энергии совершенно законно и в науке необходимо, мы уже говорили достаточно. Понятия пространства мы пока касались слегка и будем еще о нем говорить. Пока скажем только, что понятие «кривых пространств» — физическая условность не исключающая, а включающая в себя действие энергий.

Что касается эфирной гипотезы, то после многих перипетий она, повидимому, окончательно отброшена. Впрочем, говорить в науке об решениях навеки невозможно. Быть может, и теория эфира вернется когда-нибудь видоизмененной.

Так же неизвестно будущее теории гравитонов. Но покамест никакие гравитоны наукой не найдены. А главное, гравитоны ничего не изменили бы в нашей проблеме, даже если бы и нашлись. Потому что нет принципиальной разницы между притяжением друг к другу макрокосмов (например, солнц и планет) и притяжением друг к другу микрокосмов, включая сами гравитоны. Взаимодействие тех и других одинаково необъяснимо. Пожалуй, гравитоны внесли бы только большее осложнение в загадку притяжения, так как это были бы посредники, сами нуждающиеся в посредничестве. Ведь и между ними должно было бы быть пустое пространство. Или, если не пустое, то заполненное, например, «субквантовыми хаотическими частицами», или «бесконечно малыми объемами со скоростями не превышающими скорости света», как предполагают многие современные космологи. (Кстати, если это «объемы», то в них должно быть еще что-то меньшее внутри? Меньшее, чем бесконечно малое? Или опять-таки, пустота? Но не будем на этом задерживаться). В настоящее время на смену теории гравитонов приходит волновая теория энергии притяжения, при чем считается, что гравитационные волны распространяются с быстротой света. Как будто такое признание облегчает нам понима-

ние действия притяжения через пустые пространства. Однако, теория эта еще экспериментально не подтверждена.

Понятие «кривых пространств» связано, с одной стороны, с отрицанием «ньютоновского» абсолютного пространства, а с другой, с теорией относительности. Поэтому мы не будем о нем говорить подробно. Но мы считаем (и мы, конечно, не одиноки) что ссылка на «кривые пространства» загадку действия сил и энергий на расстоянии не уничтожает, а обходит. Отрицание же «ньютоновского», вернее, вселенского пространства, по нашему мнению, имеет только научно-практическое значение, но неприемлемо для философа, представляющего себе (или лучше — чувствующего) Вселенную как Единство. Пусть наука не умеет до абсолютного пространства добраться (вернее, за него ухватиться, на него ориентироваться — в самом деле как ориентироваться и за что ухватиться тогда, когда это пустота?) это не значит, что оно не существует. И проявляется оно, надо думать, не только в величайшем макрокосме — Вселенной —, но и во всех ее частях, вплоть до последних глубин микрокосмов. Потому что и они являются частями Вселенной и подчиняются ее законам.

Аргумент против абсолютного пространства, заключающийся в том, что наука не может нигде найти абсолютного движения, то есть движения, ориентированного на абсолютное пространство, а не на отдельные системы, совершенно не убедителен. Такой аргумент мы находим у многих современных ученых. (См. например, интересную статью «Относительность» профессора Факультета Наук в Дижоне, Луи Марио, в очень известном и славном сборнике «Современная Наука», том 2, 1965. *La Science Contemporaine*).

Точно так же неубедительна ссылка на то, что мы никогда не можем оперировать с абсолютным временем. Еще у Ньютона являлась мысль, что абсолютное время и пространство могут оказаться для человека неизмеримыми, но он всегда прибавляет, что существовать они должны во всяком случае, (об этом убеждении Ньютона упоминает и Луи Марио). Если мы скажем вместо «абсолютное» пространство и время, просто «пространство и время Вселенной», то правильность и логичность этого утверждения Ньютона станет очевидной. Однако, мы не должны их считать неподвижными и неизменными, как считали в прежние времена.

Как существует свое время и пространство у микромиров, у Земли, у звездных систем, галактик и мегагалактик, так же оно не может не быть у Вселенной в целом. Правда, мы тут встречаемся с трудностью понять, что такое вечное время и бесконечное пространство, но нет сомнения, что Все-

ленная несет в себе все существующее. Есть история Вселенной, ничтожную часть которой мы переживаем, но в целом совершенно для нас непостижимая, и это *длние* Вселенной можно назвать абсолютным временем. И есть *протяженность* Вселенной, частью которой являются известные нам вещи и миры, но в остальном тоже для нас непостижимая, и эта протяженность Вселенной (или, как мы говорим иногда «тело Вселенной») и есть абсолютное пространство.

У Луи Марио несколько пренебрежительное отношение к истинам, которые ученые не могут использовать. Этот прагматизм нам чужд, тем более, что никто не знает будущего, и нет принципиальной невозможности в том, что когда-нибудь человек поймет лучше, что такое «тело Вселенной». Ведь мы тоже оно!

О времени и пространстве, и об их кардинальном отличии друг от друга мы хотели бы говорить еще... Удается ли это нам, неизвестно.

Но как же понять действие энергии вне вещества? Через пустоту? Возможно ли это логически? Не столько логически, сколько фактически наука уже дала на это ответ, найдя кванты энергий, или частицы без массы покоя; указав, что само вещество является концентрацией энергии; и доказав, что лучи и волны, то есть пути энергий, невещественны.

Однако, на вопрос о действии притяжения на расстоянии мы видим еще два ответа.

Первый, самый законный и самый вечный, так как может повторяться на всех ступенях науки перед каждой, еще не освоенной ступенью: «— нам это непонятно теперь, но, вероятно, когда-нибудь мы это поймем»... То, что мы не знаем, почему тела притягиваются друг к другу согласно ньютоновской формуле — «сила притяжения прямо пропорциональна массе тела и обратно пропорциональна квадрату расстояния между ними» — никак не значит, что этого закона не существует.

Второй ответ уже возможное предположение: — «если Вселенная представляет из себя Величайшее Поле сил, то в нем тоже должны действовать энергии, хотя бы и не точно так, как они действуют в заключенных в нем меньших полях сил». В самом деле, даже марксисты постепенно примирились с невещественными полями электричества и магнетизма. Волны, фотоны, сгустки поля, квазичастицы, кванты и даже электроны (не те, что входят в состав атомов, а те, что считаются проводниками электрической энергии) — все эти физические термины относятся к энергиям, а не к веществу. Стоит только это допустить, и становится понят-

ным, почему с притяжением и отталкиванием мы встречаемся всюду. Сила притяжения пронизывает все, а так же и абсолютно пустые пространства, потому что и они являются частями Вселенского Поля. Или вернее, его основным (тридимензиональным) фоном.

Можно, конечно, возражать против Единства Вселенной. И такая точка зрения существует. Спорить тут трудно. Никакая космология не может доказать ни Единства Вселенной, ни его отсутствия. Сами создатели «моделей Вселенной», начиная с Де Ситтера и Эйнштейна, не принимали свои «модели» слишком всерьез. Решается этот вопрос не объективной наукой, а чем-то субъективным, чем-то в самих людях. Нам кажется, что уравновешенность, широта кругозора и отвлеченность от эгоцентризма способствуют уверенности в Единстве и Гармонии Вселенной.

Многих мыслителей, в том числе и знаменитых философов, отталкивало представление об абсолютно пустом пространстве. Нас — никогда. Абсолютный вакуум нам не кажется враждебным, мы его предполагаем всюду, даже в атомах; он для нас — условие роста, движения, первой и последней свободы... И когда мы углубляемся мыслью во внутриатомный и междузвездный вакуум, нам хочется воскликнуть «какой простор!», а не «какая пустыня»... Конечно, это всего лишь субъективная интуиция, и возможна она только потому, что за «телом Вселенной» мы — вслед за Декартом, Лейбницем, Эйнштейном и многими, многими другими — всегда чувствуем ее дух.

И этот вопрос решали по разному философы и мыслители на протяжении всей нам известной истории философии. Не могу отказать себе в наслаждении повторить отрывок из знаменитого произведения, сожженного в 1600 году, религиозного пантеиста, Джордано Бруно:

«Только на словах можно отрицать бесконечное пространство, только на словах его отрицают упрямые умы, которые заявляют, что Пустоту мы не можем себе представить... Если правильно, что наш Мир существует, то не менее правильно, что есть другие Миры, огромное множество Миров...

... Бесконечный Творец был бы несовершенным, если бы творение не было пропорционально его могуществу. Разум и деятельность Бога неукоснительно требуют веры в бесконечность его творения.

Ничто не менее достойно философа, чем приписывать отдельные фигуры сферам и признавать разные небеса. Есть только одно небо, то есть один свод, одна атмосфера, где они движутся; остальные Земли, которым несть числа, имеют каждая свое небо; но эти различные небеса состав-

ляют одно и то же небо: звездный океан. Небесные тела бесконечно следуют в огромном пространстве, которое содержит Миры и всевозможные роды их обитателей».

(Джордано Бруно, „De Revolutionibus Orbium Coelestium“).

В сущности, вопрос о том, существует ли пустота, не так уж для нас важен. Потому что есть только две возможности: или абсолютный вакуум существует, или «глубокий» вакуум заполнен движением каких-то энергий. При этом, все, что мы подозреваем в нем — лучи, волны, частицы энергии, наконец, поля сил — все это во всяком случае не вещество.

Таков итог, который подводит наука XX века философскому спору между материализмом и энергетизмом. Однако, чтобы быть правильно понятыми, уточним: таков итог борьбы между домарксистским и начальным марксистским Материализмом и не смешанным с идеализмом теории познания Энергетизмом.

Логически материализм побежден и может считаться не побежденным лишь в том случае, если под словом материя подразумевается буквально все существующее, включая и проявления энергий. Одним словом, если это чисто формальный (наш) *монистический* материализм. Но ведь это реализм! И в таком материализме нет места борьбе между материализмом и энергетизмом, так как энергия должна тоже называться материей. Логически остается возможной только борьба между энергетизмом и вещевизмом, которая и велась ряд столетий, но в которой, без всякого сомнения, уже одержал верх, благодаря развитию науки, энергетизм.

Глава V

ОТ ФИЗИКИ К ПСИХИЧЕСКОМУ ВО ВСЕЛЕННОЙ

Само собой разумеется, для материалистов-веществов вопроса о нематериальной энергии не существует. Какая там «чистая» энергия, скажут они с презрением и категоричностью, их вообще характеризующей. Никакой чистой энергии нет и не может быть, как не может быть и чистого от материи пространства. Нам так же невозможно представить себе энергию *ни чего*, как невозможно себе представить *ничью* идею, или движение *ни чего*.

Вы правы, могут ответить им философы других направлений, когда говорите, что энергия должна быть непременно энергией *чего-то*. Мы только прибавим «или *чьей-то*». Энергия обязательно должна иметь какой-то источник, должна быть *чьим-то* действием, или функцией, будь то корпускула, или атом, или молекула, или растение тянущееся к свету, или животное с его нервной системой, или человек с его мозгом, или Солнечная Система, или, наконец, Вселенная . . . И даже — Бог.

Но вы не правы, когда, путая понятия вещества и материи, говорите, что в мире нет ничего, кроме материи, «а *потому*» не может существовать ни Бога, ни психической энергии, ни витальной.

Основные догматы диалектического материализма допускают возможность какого угодно диалектического разви-

тия «праматерии» со все большим и большим разнообразием, утончением и совершенствованием ее качеств. Все, что в мире вам удалось увидеть, вы объясняете именно этим «диалектическим развитием материи»: и жизнь растений и животных, и мышление человека, и появление гениев в человеческом обществе... Но если так, то ваше отрицание психической энергии происходит только от того, что вы ее «не увидели», так же как не увидели и не почувствовали Бога. Вам мешает их признать не диалектический материализм, а страх и отталкивание перед идеализмом (в этом случае не гносеологическим, а моральным и религиозным) да еще старая механистическая инерция. А с помощью диалектического материализма можно объяснить что угодно...

Психическая энергия так же реальна как и все вещественное, если не больше. Наши мысли, чувства, вообще — наши психические состояния движутся, переходят одно в другое. Они представляют из себя тоже движение энергии особого рода, происходящее в живом человеке и, конечно, не в нем одном. Тот, кто отрицает энергию, например, ненависти и любви, поистине, восстает против очевидности... Так могли когда-то наши пра-предки, дыша воздухом, его не замечать и принимать за пустое пространство... Но о психической энергии мы будем говорить аргументированно и подробно дальше, а пока вернемся к нашей проблеме.

Что за энергии находятся в вакууме? То есть в междузвездных и внутриатомных пустых пространствах? Как они действуют? В чем их роль? И, главное, *чьи* же это энергии, или *чего*?

Человек непричастный к науке, или во всяком случае к ее сегодняшним методам, сказал бы, вероятно, что «энергия, творящая вещество из ничего, исходит от Бога». В этом далеко не академичном ответе несомненно больше правдоподобия, чем в утверждении, что источник всех энергий — мельчайшая частица вещества. Однако, ни философ, ни тем более ученый удовлетвориться таким ответом не может. (Мы не говорим о самой постановке вопроса, которая тоже «не идет в ногу» с постановкой вопросов современными учеными. Это последнее нас не смущает: у нас свой собственный шаг. А постановка вопросов в физике менялась уже не раз и не остается зафиксированной навеки).

Почему же мы не можем удовлетвориться простой ссылкой на Бога?

Да потому, что мы принадлежим к тому «огромному промежуточному большинству», которое, твердо веря, что причиной причин является Бог, все же не объясняет Божией волей все непонятные явления, а ищет им вполне реалисти-

ческие объяснения. И все величайшие ученые, как подчеркивающие свою веру в Бога, так и не подчеркивающие, всегда стремились разобрать основательно всякое встававшее перед ними препятствие и найти ему эмпирическую причину, чтобы можно было в познании идти все дальше и дальше. Даже агностики и гносеологические идеалисты, отрицавшие объективность науки, шли, занимаясь ею, все же путем обычным для всех ученых, то есть путем эмпирических наблюдений, логических выводов и математических расчетов.

Так, самая твердая уверенность Канта в невозможность разумом постигнуть «вещь в себе» (при вере в постижение Бога и мировой гармонии с помощью врожденного «категорического императива»), не помешала ему научно работать и создать свою теорию происхождения планет в Солнечной Системе.

Самая явная, торжественная и торжествующая религиозность Ньютона нисколько не мешала ему быть гениальным ученым, открывшим законы гравитации, дифференциальное исчисление и многое другое. Самая разработанная философская религиозность Лейбница не мешала ему быть таким же гением, усовершенствовать, независимо от Ньютона, дифференциальное исчисление и быть основателем математики бесконечного... Кстати, честь замысла дифференциального исчисления принадлежит Паскалю, прославившемуся еще в юности на весь мир своими математическими работами, а затем своей религиозной философией... Самая горячая и искренняя вера Декарта не помешала ему создать аналитическую геометрию и быть великим физиком и математиком. И так далее, и так далее.

А в наши времена число ученых, которые могут про себя сказать: — «верую и исповедую», пожалуй, еще больше, чем в XIX веке, когда многим казалось, что наука и религия несовместимы. Не будем продолжать называть имена: так мы не кончили бы никогда.

Никакого противоречия между верой в Создателя миров и научной любознательностью нет. Это подтверждают не только биографии великих и величайших ученых, но и жизнь обычных работников науки, и деятельность первых самоотверженных просветителей, которые почти все были монахами, или другими представителями религии. Вера в Совершенного Бога только придавала им сил, поддерживала в трудные минуты, вдохновляла и окрыляла в лучшие.

Да, люди защищают и распространяют религию совсем не потому, что религия помогает им одурманивать народ и держать его в подчинении... Это пошлейшая и грубейшая

клевета. Клевета очевидная, потому что верующие, во-первых, принадлежат к самым разным группам общества, а во-вторых, они больше всего заботятся о своей собственной религиозности и религиозности своих детей. Объясняется же это тем, что переживания, связанные с религией кажутся им самыми прекрасными переживаниями, придающими смысл, поэзию и ценность жизни даже тогда, когда она полна прозы, и спасающими от отчаяния при самых страшных несчастиях... Не говоря уж о том, что религиозные люди *верят!* Верят, как ни разнятся друг от друга их представления о Боге, и как ни различны уровни их культуры и образования.

Ни одного ученого не останавливала мысль о том, что в конечном итоге ни один волос не падает против воли Бога: ведь Божия воля в том, чтобы человек был свободен. Религия не узкий старый механистический детерминизм. Религия не отвергает причинность, как уверяют некоторые; но свобода воли заключается в причинной зависимости от высшего в нас самих... Однако, мы очень отвлеклись от наших тем.

Итак, остановиться на том, что непонятная нам «чистая» энергия есть проявление Божией воли, значило бы именно остановиться в научных исканиях, отказаться от дальнейшего научного прогресса. Надо решать вопросы о вакууме и об энергиях так, чтобы камень преткновения превратился из заграждающей стены в отправной пункт для новых философских и научных исканий.

Раз наука человека к этому камню подвела, то уж человек перешагнет через него обязательно... если, конечно, доведенная до абсурда теория борьбы противоречий не восторжествует и не приведет всю культуру и цивилизацию к полной гибели...

Быть может, для того, чтобы перешагнуть наш камень преткновения, философам реалистам нужно перестать играть роль Ахиллеса из зеноновского рассуждения, Ахиллеса, который все дробит да дробит свои шаги и потому никак не может перегнать черепахи?

В самом деле, если энергия всегда является чьим-то действием или функцией, то почему мы должны непременно искать источник энергии в микроскопически ничтожном, а не в большом и великом? Почему нужно принимать как должное и всё объясняющее огромную энергию микрокосмов? Разве не загадочна она сама?

А что, собственно, объяснит та, еще не окончательно построенная, гипотеза «субквантового мира», которая предполагает, что под известными науке микрочастицами находится еще хаотическое движение неизвестных ничтожно малых

частичек? Из них, будто бы, должны выделяться более крупные образования, как бы выплывающие на более доступную нам поверхность?.. Но совершенно непонятно по каким причинам эти частички вдруг стали бы выделять из хаоса строго упорядоченные, всегда послушно подчиненные ядерным, электрическим, магнитным, гравитационным и т. д. энергиям, системы?

Смысл наших вопросов вовсе не в отрицании возможности существования субквантового мира. Быть может, он и существует. Но он не объяснит философу ни того, откуда взялся он сам, ни появления в нем новых образований, ни, главное, тех законов, которые вдруг появились в хаосе.

Невозможно объяснить мир снизу. Это пытаются делать диалектический материализм, но для этого надо допустить диалектические законы, происхождение которых неизвестно, ... но и они не ответили бы на недоумение: откуда взялись сами частички, сам хаос и само движение ...

Но как же пытаться раскрыть эти загадки *сверху*, идя путем науки, а не религии? Путем разума, а не веры? Хотя бы и признавая, что окончательных ответов наш разум дать не в состоянии? — Да исходя из всеобщих, царствующих во Вселенной законов.

Таковыми законами являются прежде всего законы логики. С одной стороны, мы должны подчиняться им, если хотим понять что бы то ни было. А с другой, существование этих законов говорит о том, что Вселенная логична: не мы вносим логику в мир, логика разлита в мире.

На втором месте мы можем поставить законы энергий. Даже те материалисты, которые избегают слово энергия, волей-неволей опираются на эти законы. И, насколько важна работа с энергиями в науке и технике, настолько же важно, по нашему мнению, признание ценности понятия *энергия* в философии. (Здесь мы не отделяем *энергию* от *силы*).

Но совершенна ли современная систематизация энергий в науке? Мы твердо уверены, что она еще не точна и не полна даже по отношению к нашему обычному миру, не говоря уж о мире микрокосмов.

Не удивительно ли, что электромагнитная энергия была открыта не так давно? И что энергия (или сила) притяжения была царственно введена в поле зрения всех ученых только Ньютоном? (Закон гравитации или мирового тяготения). А ведь явления магнетизма, электричества и, тем более, притяжения были известны испокон веков, и отдельные ученые ими интересовались, не отдавая себе отчета во вселенской распространенности таящихся в них энергий! А чего стоят попытки свести все энергии к «механической»?

После Декарта, который видел в мире два начала: духовное (душа, мысль, дух) и материальное (тела и, вообще, все «протяженное»), и считавшего, что в материальном мире надо все явления объяснять механистически, долгое время господствовала тенденция толковать все физические феномены именно механистически. Механистическая точка зрения была доведена до своих крайних форм теми материалистами, которые пытались и психику объяснять механистически. В диалектическом материализме виден известный прогресс в смысле ограничения механицизма, от которого, впрочем, диалектические материалисты полностью не избавились до сих пор.

Отметим здесь вкратце, что Декарт не разделял так уж категорически мир только на две субстанции, как это изображают в сокращенных историях философии. Нет, интересуясь душевно-телесными реакциями и физиологией, он допускал существование третьей, промежуточной субстанции, которую он называл «единением души и тела». Но в таком облике идея эта казалась чисто словесной, и на нее не обратили серьезного внимания. Даже картезианцы сочли ее несовершенной и продолжали и дальше ломать голову над отношением души и тела. Однако, если бы Декарт говорил не о субстанциях, а об энергиях, то он несомненно высказался бы за витальную энергию, отвергнуть которую было бы не так легко. Но в те времена в философии было принято задумываться над вопросами о субстанциях, а не об энергиях.

О витальной энергии, которую называли иногда жизненным флюидом, а иногда просто творческой силой природы и т. п., говорилось особенно много в XIX столетии самыми знаменитыми философами и учеными. А, начиная с древности, многие мудрецы говорили о духовной силе, «принципе» или «Духе», создавшем всё и управляющем всем...

Наука с давних пор интересовалась также световой энергией, которая оказалась подразделением электромагнитной... что не мешает световой энергии обладать своими, особыми, замечательными свойствами.

И нельзя же забыть об тепловой энергии, которую тоже можно «свести» к кинетической, то есть к энергии движения. «Сведение» световой энергии к электромагнитной и тепловой к кинетической, в общем, весьма относительно.

То же можно сказать и о химической энергии.

Выражение «механическая энергия» в наше время начинает подвергаться критике: наука механика включает в себя рассмотрение эффектов самых различных энергий и соотношений движений и сил.

Из этого поверхностного и слишком краткого перечисления видно, до какой степени еще несовершенна картина найденных наукой энергий, и как вероятно открытие новых энергий даже в нашем обычном мире. Да и по поводу этих, нами названных, ученые еще не пришли к соглашению. Больше всего нападков вызывала витальная энергия. А между тем, биологические феномены вполне заслуживают выделения в особую мировую систему вместе с отличающей их витальной энергией.

Стремление некоторых ученых (и даже очень знаменитых) сводить все энергии к одной, нас никогда не воодушевляло. Раньше хотели свести всё к механическим причинам или «механической энергии». Теперь больше всего — к электромагнитной. До сих пор предпринимаются очень тщательные и трудоёмкие попытки объединить в одной общей теории электромагнетизм и гравитацию. И до сих пор эти попытки не увенчались успехом... Нам кажется, что в будущем ученым предстоит, наоборот, открывать новые энергии. А удастся ли им свести все к одной неизвестно.

Но мы не кончили перечисления энергий. Техника XX века раскрыла перед человеком новые миры и новые энергии.

Так, изучение микромиров привело к открытию ядерной энергии, отличающейся от электромагнитной и гравитационной особыми свойствами: будучи почти в тысячу раз сильнее электромагнитной, она зато действует лишь на самых коротких расстояниях. Кроме того, она способна к «насыщению»: и на этих коротких расстояниях, связав определенное количество нуклонов, она перестает действовать на других.

Но в микромирах изучаются не только электромагнитная и ядерная энергия, но еще и «слабые взаимодействия»... Одновременно с изучением микромира физика проникла и в космос. В нем нашлись те же частички, о чем мы уже писали... Можно говорить об энергии альфа, бета и гамма лучей, появляющихся в распаде атома (только гамма лучи невещественны и необычайно сильны). Об энергии космических лучей, икс лучей, энергии нейтрино... Почему не об энергии спина? Быть может, существуют и другие микрокосмические энергии, которые уже никак нельзя свести ни к электромагнитной, ни к гравитационной. Быть может, часть микрокосмических энергий можно объединить под названием «строительной» энергии? Мы уже встречали слово строительная в применении к ядерной энергии в книгах физиков специалистов... и даже советских.

Замечательно, что часть западной научной и философской элиты видит в микрокосмах некий «психизм». По французски *psychisme*, и по русски надо бы перевести «психика» или «психическое». Но почему бы не сказать «психическая энергия»? Ведь это же должно быть не нечто бесильное, а какой-то активный принцип?

К сожалению, нам не удалось найти книг, в которых описывалась бы сущность, или роль этого психического в микрокосмах. Признаемся, что мы их особенно и не искали, во-первых, потому, что убоялись слишком большой премудрости для не специалиста по микрофизике, а во-вторых, потому, что убеждены в том, что никакой специалист не может утверждать с уверенностью, что все, или некоторые движения в микрокосмах суть движения, обусловленные именно психическим. Тут можно только гадать. Отметим, однако, что в очень нелегкой для чтения книге французского известного физика и философа Борегара «Понятие Времени» замечается (вскользь!) не раз, что «все работники Теории Относительности считаются с психическим воплощенным в материи».

Само собой разумеется, это психическое не может быть похоже на человеческую психику. Но в том, что «оно» признается в микрокосмах, в сущности, нет ничего неожиданного или нового: «оно» признавалось уже давно философами самых разных направлений. Это не доходило только до широкой массы.

Так, в древности философы и поэты воспевали дух, или духовный принцип, пронизывающий и строящий все миры.

О «нем» же говорили и дальше пантеисты (включая Спинозу), чувствующие, как и древние, что все во всем мире есть божественное проявление Вселенной-Бога.

В «него» же верили монадологи (включая Джордано Бруно и Лейбница), учившие, что Вселенная состоит из монад, духовных сущностей, начиная с ничтожно малых микрокосмов и кончая наивысшей Монадой монад — Богом.

Его же допускал в материи энциклопедист Дидро.

О том же загадочном психическом писали изредка классики диалектического материализма (вспомним еще раз фразу Ленина — «Неужели в самом деле только Плеханов, или впервые Плеханов выставил тот материалистический тезис, что сознание есть внутреннее состояние материи!»).

О нем же говорили виталисты (включая Вундта, Паульсена, Фехнера и Бергсона).

О нем же писал наш русский философ интуитивист Лосский и французский палеонтолог и философ Тейяр де Шарден.

О нем же говорят некоторые современные идеал-реалисты и многие последователи Эйнштейна . . .

Нет сомнения, что мы пропускаем целые течения, особенно плохо зная, к нашему сожалению, американскую философию, не говоря уж о философах остальных материков . . . Увы, нельзя объять необъятного . . . Но уже перечисленные имена и системы гарантируют полную серьезность и высокую логичность допустимости психического в недрах физической реальности.

Здесь надо сделать необходимую оговорку: мы расположили в один, более или менее хронологический, ряд философов, признающих в материи духовное, или психическое начало, но по своему мирозранию совершенно разных. А потому и ценность их высказываний никак не равна. И, самое главное, она не равна по роли, которую играют их утверждения о психическом в материи в их собственных философских системах.

Так, для Лукреция и древних основным было чувство непобедимого мистического духовного начала (принципа, сущности), и чувство это придавало пафос и величие их пониманию мира. Для монадологов в признании духовности всего существующего была основа их оптимистической, проникнутой любовью к Богу и восхищением перед Его созданием, философии. Для пантеистов это было логичным следствием их представления о всей Вселенной, как о Божественном Существо. Для виталистов и идеал-реалистов, так же как и для пантеистов, эта уверенность вытекала из их представления о мировой гармонии и из любви к жизни, ко всему живому. То же, может быть, надо сказать и о современных последователях Эйнштейна, физиках-математиках, но автор знаком с их работами слишком мало, чтобы что-нибудь определенное о них утверждать. Во всяком случае, пантеизм самого Эйнштейна никаких сомнений не возбуждает. (Кстати, Эйнштейн, относившийся критически к математическому формализму, говорил шутя: — «С тех пор как математики принялись за изучение теории относительности, я сам ее не понимаю»).

Но совсем другую роль играет утверждение, что «сознание есть внутреннее состояние материи» у марксистов-ленинистов. Оно не только не входит в основной фундамент их философской системы, но даже не является какой бы то ни было ее частью. Можно смело сказать, что оно не играет в ней никакой роли, за исключением, изредка, полемиче-

ской. А именно, как и Дидро, оно им было нужно, как ответ на вопрос: — если мир есть ничто иное, как движущаяся материя, то откуда же в нем появился человек с его психикой? Вопрос этот задавался критиками материализма еще до Маркса и Энгельса, которые прибавили к этому старому ответу энциклопедиста еще другой, чисто диалектический. Он и разрабатывался в дальнейшем марксистами, что позволяло им забывать о старом ответе.

Новый ответ состоял в приспособлении знаменитой гегелевской формулы (относившейся у Гегеля к духу) к материи-веществу. Гегель писал, что развитие идеи или понятия идет через борьбу тезиса и антитезиса, которая порождает синтезис. Синтезис, в свою очередь, становится тезисом, этому новому тезису противостоит новый антитезис, их борьба приводит к новому синтезису... и так далее, без конца. Классики диалектического материализма учили, что именно таким образом, путем раздвоения единого и дальнейшей борьбы, образовалось из праматерии все разнообразие в мире. Так, и психическое появилось, как «продукт высокоорганизованной материи». Этот диалектический ответ был легко совместим с, тогда еще новой, теорией эволюции, и пришелся марксистам очень по душе. С тех пор и поныне именно этот ответ разрабатывается по требованию коммунистических партий всего мира подчиненными им учеными и философами, можно сказать, без передышки. А насчет «чего-то сходного с ощущением и сознанием» в самом веществе рядовые коммунисты даже ничего не слыхали.

Но зато сколько самой скверной ругани и клеветнических обвинений обрушивалось на виталистов, идеалистов, реалистов и т. д. Реалистов брали в кавычки, как будто это были не настоящие реалисты, а вездесущие прислужники буржуазии. О монадологах и пантеистах старались умалчивать так, как будто их и на свете не было, и это затушевывание легко удавалось в отношении большей части новой интеллигенции. А поскольку приходилось о них все же вспоминать, то и они обливались презрением, или в лучшем случае о них снисходительно уверялось, что это были «бессознательные материалисты». Как правило, ругали продажными негодьями всех «кто не с нами», особенно, если не признающие марксизма мыслители еще не отошли в область безвредного прошлого.

Пафос марксистов-ленинистов, в противоположность упомянутым философам, заключался не в любви к живому и не в приятии мира, а в ненависти к миру такому, как он есть, и в уверенности в том, что его нужно переделать какую угодно ценою... и что именно они, с помощью непогрешли-

мых теорий Маркса и Ленина, могут его прекрасно переделать . . . И людей тоже. И тоже какую угодно цену.

Итак, «психическое» во Вселенной признается не только древними мудрецами, и не только пантеистами, монадологами, виталистами, идеалистами и спиритуалистами, но и марксистами — диалектическими материалистами. Но этому психическому марксисты предоставляют вторичную роль в человеческом обществе и в поведении человека. Тем меньше оно признается коммунистами рефлексологами в царстве животных . . . И оно уж никак не может принадлежать, по мнению марксистов, Вселенной как Целому . . . Психика как функция Вселенной? — Такой мысли доступ в их головы был забаррикадирован: ведь это же было бы признанием Бога!

Больше того: психическое допускается ленинистами только как «отражение»! И никогда его загадочная роль в недрах материи их не интересовала, и материалистические ученые над ней не задумывались. Наоборот, все попытки других философов и физиков отыскать в микрокосмах психическое встречались ими язвительными насмешками.

Между тем, они не отказывались от высказываний своих «классиков», что психическое «есть внутреннее состояние материи» . . . Это одна из многих непоследовательностей коммунистической философии, непоследовательностей, впрочем, разума, а не чувства; потому что диалектический материалист казенного образца, то есть вылитый по форме приготовленной Институтом изучения марксизма-ленинизма, остается в глубине души близоруким догматиком.

Будучи не специалистом по физике, а мыслителем, автор этой книги не разделяет все же идею, что психическое, как бы его ни называли, существует и на самых низших ступенях бытия как свойство микромиров.

Считая невозможным не только для себя, но и для других, что-либо в этом плане категорически утверждать, он высказывает другое предположение: быть может, психическое, пронизывающее все миры, есть какой-то отсвет, или какое-то проявление психики самой Вселенной? В этом проявлении нам доступно не все, а лишь то, что нашему разуму понятно, а именно — логичность, закономерность и целесообразность. О целесообразности и, тем более о логичности и закономерности, можно говорить без боязни ошибиться в отношении даже и неорганического мира, а в мире орга-

ническом они бросаются в глаза. Что касается индивидуальной психики, то ее зачатки появляются, вероятно, только в мире органическом, все больше и больше развиваясь в течение его эволюции. . . . Кстати, такое понимание инстинктивно присуще и дорогому для автора огромному большинству, поскольку этот здоровый первичный инстинкт — подтверждаемый и биологией — не заглушается какой-нибудь другой теорией. . . . Таким образом, автор чувствует себя ближе к виталистам, чем к монадологам.

О том, что наша логика черпается из мировой логики, мы говорить не будем: это ясно само по себе (по крайней мере для не агностиков и не гносеологических идеалистов). Но многие ученые отрицали целесообразность в природе, а некоторые даже и закономерность. Поэтому скажем вкратце, в чем мы видим закономерность и целесообразность.

Кроме подчинения законам логики, закономерность наглядно видна и в циклах времен года, и в циклах жизни, и в любой науке. Достаточно вспомнить таблицу Менделеева, образование кристаллов и математическую последовательность в химических преобразованиях. Но это лишь иллюстрации наиболее бросающиеся в глаза: закономерность открывается, или подразумевается наукой всюду. Если бы мир вокруг нас не подчинялся законам, мы не могли бы ступить ни шагу. Да и нас не было бы, как и самого мира.

Исключением был бы весьма проблематический хаос. . . . Что касается загадочных вечнодвижущихся объемиков, то они (поскольку они не фантазия, а нечто существующее, то есть поскольку мы это допустим) просто еще не изучены. Между тем, и они должны были бы иметь свои причины и свои следствия, то есть находиться во взаимосвязи друг с другом и с другими явлениями, и, следовательно, подчиняться законам Вселенной. . . . Обозначало ли бы это детерминированность каждого движения? В очень широком смысле — да. Но никто не может теперь и предположить, чем были бы детерминированы их движения. Быть может, какой-то особой энергией? Или целым рядом энергий?

Что касается целесообразности, то она тесно связана с закономерностью. Но о какой цели, или о каких целях мы имеем право говорить? Само собой разумеется, мы не можем утверждать, что мы знаем первые и последние цели Вселенной или Бога. Только в метафизике можно о них гадать, понимая отлично, что слабый человеческий ум не дорос до решения этих вопросов. . . . Но зато в науке мы имеем полное право указывать на цели там, где они явственно видны в самой природе.

Так, всякая возможность эволюции, даже в неорганической природе, получается благодаря определенным законам, властвующим в материи. Следовательно, уже и об этих законах физики и химии мы можем предположить, что они имеют целью, эволюцию, разнообразие и какие-то определенные циклы в природе. Так, закон всемирного тяготения вместе с другими законами образует всю величественную феерию движения астрономических тел, так что и о нем можно сказать, что он имеет целью красоту и гармонию Вселенной... Замечательно интересна целесообразность того единственного исключения, которое представляет из себя вода. Ведь все тела в мире от холода сжимаются. Вода тоже сжимается от холода, но лишь до плюс 4° по Цельсию. Дальше она начинает расширяться, при замерзании особенно сильно, и, как всем известно, лед занимает значительно больше места, чем превратившаяся в него вода. Почему это важно? Потому что, расширяясь, лед становится легче, чем вода, и поэтому остается наверху. Если бы было иначе, то жизнь не могла бы существовать: лед опускался бы на дно, и постепенно все реки, моря, озера и океаны промерзли бы насквозь. В этом удивительном законе о воде мы видим проявление воли Вселенной к сохранению и развитию жизни в ее недрах. Но и другие физикохимические законы на Земле, не будучи исключениями (впрочем, каждый из них в своем роде исключение), точно так же создают условия для появления на ней жизни.

Еще гораздо очевиднее целесообразность в мире органическом, там, где появляется, развивается и передается по наследству жизнь. Исследователей не перестают поражать все те разнообразные, сложные и удивительные способы передачи индивидуальных свойств, с которыми им приходится сталкиваться в природе. Людям кажутся особенно чудесными метаморфозы насекомых, но «чудесами природы» являются, — и это ясно, когда разбираешь их подробно — буквально все эти способы: и у одноклеточных, и у растений, и у пресмыкающихся, и у рыб, и у птиц, и у млекопитающихся — вообще у всех живых, включая беременность и рождение человека. Отрицать в них целесообразность может только упрямая тупость. Нахождение в генах знаменитого «кодекса» — аргумент, конечно, за целесообразность, а не против... (К сожалению и у гениев, еще больше чем у мудрецов, «довольно простоты»).

И что еще совершенно ясно: никуда не годится объяснение жизни только одной целью — продолжения рода. Продолжение рода тоже нужно для чего-то. И у каждого из живых существ есть еще много целей, и главная — жить по

своему, жить как можно лучше. Это «лучше» чувствуется, конечно, по разному разными особями и на разных ступенях развития. Но все здоровые и свободные действия живого существа ему подчинены. Да и больные стремятся к выздоровлению, а поработанные к свободе. Или хоть к тому, что им кажется лучшим в данный момент.

Можно подумать, что Вселенная, волю которой мы называем на Земле законами природы, сначала организовала грандиозную декорацию для появления на ней действующих лиц, а потом дала возможность образоваться им самим, заботясь больше всего о том, чтобы они не были роботами, а вырабатывали свою собственную, самостоятельную психическую энергию.

В земной эволюции уже в первичной клетке органической материи появляется особая чувствительность, своя особая «воля», индивидуальная целесообразность, то есть причинность, исходящая из стремления жить... Причинность совсем другого рода, чем та, что действует в неорганической материи.

Вселенная поистине не фабрикует марионетки, а рождает живые творения.

И заботиться не только о том, чтобы они могли жить, но и жить красиво!

Примером такой заботы Вселенной о высших живых существах на Земле могла бы служить и та великолепная декорация, которую представляет для них небо. Небо с его изменчивыми цветами, зарницами, облаками, молниями и радугами, с его восходами и заходами солнца, с его полярными сияниями и кометами, с его зорями и звездами... А луна? Кто только не подвластен ее магии, начиная с человека и наземных зверей и кончая обитателями рек и океанов... Монадолог видит в луне особую монаду, а мы представляем себе луну, как декорацию, чудесную лишь издалека и почти безобразную вблизи... Но ведь ничего с достоверностью утверждать нельзя, и, быть может, монадологи правы, и луна, по крайней мере наша луна, это чувствующая духовно-телесная сущность, что-то вроде милой няни с некрасивым, изрытым оспой лицом, преданно изливающая свой волшебный отраженный свет на ее любимую Землю?

Да простят мне настоящие монадологи эту маленькую вольность!

Впрочем, что такое «настоящий монадолог»? Никакая академия не устраивает ведь экзаменов по монадологии и не выдает дипломов на звание монадолога. И само лейбницевское утверждение, что в монадах нет окон, можно толко-

вать по разному. А большая часть современных монадологов просто его отвергает, или смягчает.

Кстати, в связи с утверждением о непроницаемости монад, можно отметить тот парадокс, что наука, в общем, подтверждает оба, казалось бы противоположных принципа: и принцип отдельных замкнутых миров (начиная с микрокосмов, продолжая человеком и кончая галактиками), и принцип всеобщего взаимодействия.

На эту тему можно было бы писать книги и книги. Это такая же, если не еще более неисчерпаемая тема, как, например, единство в многообразии . . . (Чудесная тема, и очень любимая множеством высокообразованных профессоров. Но нас не тянет развивать уж слишком необъятные абстракции даже тогда, когда они верны, и когда их разработка не запутывает, а проясняет ум. В противоположность марксистским диалектическим темам, «единство в многообразии» несомненно тема полезная. Нам кажется, что в основе всех наших размышлений, как бы они ни были отвлечённые, лежит сочувствие к страданиям и радостям живых существ).

Еще о луне.

Как ни старается человек все объяснить, как ни работает над овладением и эксплуатацией природы, а связь между луной и Землей остается таинственной и прекрасной. *Отрицает тайну и красоту не тот, кто многому научился, а тот, кто лишился способности тайну и красоту чувствовать.*

Между тем, мы не принадлежим к тем счастливым, которые видят в природе только прекрасное, а безобразного не замечают. Безобразное есть, и больше всего его в царстве живых. Мир, где действуют живые, это Великий Театр, на котором непрестанно сменяются сцены созидания и разрушения, рождения и умирания, нежности и жестокости, остроумия и тупости, свободного творчества и рабской покорности, геройского самоотвержения и расчетливого злодейства . . . И все это разыгрывается бесконечно и повсюду . . . Что же удивительного в том, что лучшим людям всегда так страстно хотелось и хочется, чтобы существовал Великий Зритель и Ценитель, умеющий понять до конца все, что переживают действующие лица, и как-то вознаградить их за напрасные страдания?

Глава VI

ПРОСТЕЙШАЯ ГИПОТЕЗА О ПСИХИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ

Нет, это не о нашем представлении о психической энергии будет речь в этой главе. И не о теории какого-то определенного ученого. Это просто набросок очень вероятной эволюции взглядов некоего собирательного материалиста, естественной эволюции, происшедшей благодаря новым открытиям в науке. Основным условием для такой эволюции является полная независимость и бесстрашие такого материалиста, единственной директивой которого является самая широкая любознательность.

Его материализм, так же как и диалектический, вырос, конечно, из механистического материализма . . . Кстати, напомним читателю, или его ознакомим с официальным отношением диалектических материалистов (коммунистов) к механистическому материализму.

«Механистический (механический) материализм — одна из ступеней и форм развития материалистической философии . . . Механистический материализм пытается все явления природы объяснить при помощи законов механики и свести все качественно разнообразные процессы и явления природы (химические, биологические, психические и др.) к механическим . . . Механистический материализм отрицает внутренние источники движения предметов, их качествен-

ное изменение, скачкообразность развития, развитие от низшего к высшему, от простого к сложному. Зачатки механистического материализма имелись еще в философии Демокрита. Расцвет механистического материализма падает на 17—18 вв. (Гоббс, Декарт, Спиноза, английские и французские материалисты 18 в.) . . . Маркс и Энгельс, опираясь на развитие естествознания, преодолели механистическую ограниченность старого материализма и создали учение диалектического материализма . . . В Советском Союзе . . . группка механистов была разоблачена как антимарксистская».

(«Краткий Философский Словарь, Москва, 1955).

Упомянутая

«группка (Л. Аксельрод, Варьяш и др.) пыталась ревизовать диалектический материализм с механистической точки зрения. Эта группка извращала науку . . . и по ряду вопросов . . . она смыкалась с идеализмом». (Там же).

Само собой разумеется, строчки здесь приведенные пристрастны и неточны, как и очень многое другое в этом Словаре. Однако, мы не собираемся выступать в защиту прежних материалистов. В их теориях не было единомыслия и разбираться в них завело бы нас слишком далеко. К тому же мы не пишем истории идей, и наконец, мы никогда не чувствовали никакой симпатии к механистическому материализму.

Но прежде чем перейти к тому, как наш эволюционировавший материалист дошел до признания психической энергии, скажем очень вкратце о том, почему он не сделался материалистом диалектическим.

Во-первых, хотя это не так уж важно, потому, что у коммунистов философия была служанкой политики, и философы должны были пресмыкаться перед политическими вождями.

А во-вторых, с чем уже никак нельзя примириться, потому что марксистские догмы не внушали ему никакого почтения и казались шарлатанством.

Он возражал на них приблизительно так:

«Количество превращается в качество», да еще «скачками», — какой абсурд! Количество и качество всегда меняются вместе. Иначе в мире давно не было бы количеств, остались бы одни качества. У Маркса нелогичная формулировка всем известных процессов, происходящих в природе, которые изучались и до Маркса, и после него, без помощи этой плакатной «диалектики». На самом деле с переменой количества меняется и качество (или, если угодно, наоборот, так как они меняются вместе) причем перемены эти гораздо ча-

ще происходят постепенно, чем внезапно. Так, вода постепенно превращается в пар при большом количестве ветра или времени, просто высыхая. Марксу и марксистам нужна была эта догма, чтобы склонять к революционным методам людей, желавших добра народу и боявшихся крови и тех несчастий, которые приносит «скачек» революции. Тут на помощь марксистам, добивавшимся власти во что бы то ни стало, приходила эта, будто бы научная, формула, магически верная как для физики, так и для социологии.

«Свобода это осознанная необходимость». — Ну и ну! Ведут тебя под конвоем в тюрьму или на казнь, ты сознаешь, что бороться невозможно, и, по этому определению, ты свободен! . . . Кажется, фраза, ставшая после Октябрьской революции очень ходкой, — «ехать, так ехать, как сказал попугай, когда кошка тащила его за хвост» — была придумана в ответ на эту ленинскую детерминистическую премудрость.

«Истина это реальность». — Фу, какая ученическая ошибка. Реальность не может быть ни истиной, ни ложью. Реальность это то, что существует, а истина и ложь это человеческие утверждения о реальности.

«Борьба противоположностей ведет к прогрессу». — Позвольте, гораздо чаще она ведет к взаимному уничтожению, или калечеству . . . Если дело касается социальной жизни, то взаимопомощь и солидарность неизмеримо полезнее, чем борьба. (Но пока коммунисты не захватили власть в свои руки, доказать им такую простую истину было невозможно, ими привлекалась на помощь «научная» диалектика, вроде разных вариаций на тему Гегеля «тезис и антитезис дают синтезис», или «минус на минус дает плюс». Причем минусом был, конечно, старый мир, уничтожающим его минусом был террор, а плюсом обещанный коммунизм . . .) — А поскольку подразумевается борьба в самой материи (долженствующая объяснить, как из «праматерии» выросло все разнообразие природы), то на самом деле в недрах материи идут совсем другие процессы. А именно те, о которых говорили материалисты еще до Маркса, плюс те, которые были открыты физиками после него. То есть процессы движения и перемещения мельчайших частичек. От свойств, размещения, комбинаций и скоростей движения зависят все качества изучаемых людьми процессов и вещей . . . И мы, старые механисты, никогда не отрицали качественного развития от низшего к высшему, это о нас диалектики врут. Однако, мы не умалчиваем, как они, что так же часта и дегенерация от высшего к низшему. Самый простой пример: рождение, рост, старость, смерть. Что касается эволюции на Земле, то вся она объясняется усложнением отношений между частица-

ми, разнообразием и богатством этих отношений. Никакого общего диалектического закона, объясняющего все развитие с помощью именно раздвоения единого и затем борьбы между получившимися противоположностями (как утверждают марксисты), нет. Ни в природе, ни в человеческих лабораториях не творится новое при сталкивании раздвоенных частей; наоборот, при правильном их сталкивании получается или снова то, из чего они произошли, или полное разрушение и даже аннигиляция (примеров без конца и в обычной жизни, и в химии, и в физике). Новое творится благодаря новым сочетаниям, а не благодаря борьбе противоречий... Как Кант со своей вещью в себе, так и Гегель со своим тезисом, антитезисом и синтезисом, надолго навредили развитию философской мысли».

Мы не будем продолжать. На эти и другие темы, начиная с XIX века, написано немало серьезных критик марксизма и диалектического материализма известными авторами. Коммунисты постарались создать в народе рефлекс отталкивания к их именам: «реакционеры, мракобесы, враги рабочего класса» и т. д. На самом деле люди эти были часто и морально, и интеллектуально выше марксистов, потому что их вдохновляла любовь к народу и к правде, а не стремление к власти. Марксисты же прежде всего добивались власти, а когда ее добились, то все усилия направили на ее утверждение и распространение... И жертвовали при этом и народом, и правдой...

Но зато у коммунистов была захватывающая миссия — переделать человечество! И чудный способ переделки — изучение классиков марксизма... и насилие... еще более захватывающее.

Итак, под влиянием научных открытий нашему собирательному материалисту пришлось бы отказаться от мечты объяснить мир с помощью одной механики, так что он отказался бы и от самого названия «механист», но зато он остался бы атомистом, или вернее корпускуляристом до конца. Своим стремлением объяснить психические явления движением корпускул он отличался бы и от нас. Мы ведь совершенно согласны с Энгельсом, написавшим в какой-то особенно счастливый день своего творчества, что никакие движения частиц не объяснят нам сущности психических явлений. Правда, Энгельс верил, как и другие ученые материалисты XIX века, что частицы, соответствующие нашим мыслям будут непременно будущей наукой найдены, а с

этим мы уже не соглашаемся. Зато наш материалист остался верен этой идее и даже в большей мере, чем Энгельс, как мы увидим дальше.

Само собой разумеется, наш бывший механист был бы хорошо знаком с физиологией мозга и кибернетикой; восторгался бы достижениями этих наук; но объяснение специфичности психологической деятельности он искал бы не столько в них, сколько в особых корпускулах, которые и представляли бы, по его мнению, психические переживания.

В защиту этой мысли он приводил бы следующий аргумент: между веществом и мыслью как будто нет никакого сходства, они как бы несоизмеримы. Однако, связь между нервной системой и психикой доказана, и никто теперь оспаривать ее не может. Но в чем же эта связь? Как превращается движение вещества в психическое явление? Не может быть, чтобы между тем и другим была непроходимая пропасть! Вот эту пропасть и заполняют психические частицы, то есть частицы психической энергии, в которую превращаются другие энергии, действующие в веществе мозга.

Что же это были бы за частицы?

Прежде всего, их надо было бы как-то назвать. Назовем их «психонами». Эти психоны должны были бы иметь такую необыкновенную тонкую организацию, что мы уж никогда не могли бы их увидеть ни в какие, самые усовершенствованные электронные микроскопы. Между тем, ученые могли бы производить с ними такие же расчеты, как производят теперь с атомами, которых ведь тоже еще никто не видел. Психоны были бы совсем непохожи на материю в старом смысле слова и обладали бы еще более «странными» свойствами, чем те мельчайшие частицы, которые найдены физиками в самые последние годы. Но, в отличие от атомов, из психонов составлялись бы не тела, а чувства и мысли.

Конечно, нашему бывшему механисту пришлось бы отказаться не только от веры во всеобъясняющую механику, но и от веры в то, что частицы должны непременно иметь массу. (Надо признать, что понятие массы гораздо уязвимее, чем понятие силы или энергии).

На вопрос, каким образом комбинации психонов могут оказываться чувствами и мыслями, «корпускулярист» ответил бы, что нас смущать не должно то, что нам это себе представить трудно. Ведь несколько не легче себе представить, что материальные волны одних составов и скоростей это звуки, других — цвета, и т. д. Да и мало ли чего мы себе не можем представить наглядно! Ни вечности, ни беско-

нечности, ни даже тех астрономических и микроскопических величин, которые мы выражаем математическими знаками... Нам надо просто признать, что наша психическая жизнь и есть движение психонов, с той же объективной точки зрения, с какой свет и звуки — колебания волн.

И факт, который признается всеми, что ощущение, то есть явление психическое, рождается благодаря действию на живой организм материального мира, был бы совершенно необъяснимым, если бы мы не предположили, что физиологические энергии переходят в психическую.

То, что мы сознаем, как идею, или ряд идей, есть сложная работа психонов. Одним из видов психической энергии, вообще сложной, может быть эмоциональная энергия, и материальные частички (не вещественные, конечно!) из которых она состоит, наш эволюционировавший материалист, может быть, выделил бы и назвал «сентонами». В свою очередь, они могли бы делиться еще, так как материя неисчерпаема, или во всяком случае, неисчерпаемо корпускулярна (по мнению корпускуляриста), а следовательно и психическая материя. Вообще, психонов разных видов должно быть много уже в одной человеческой психике, не говоря о других проявлениях психической энергии, с человеком не связанных.

Дальше корпускулярист должен бы был допустить, что психоны могут, в разных видах, пронизывать всю остальную материю Вселенной. Это помогло бы ему согласиться с мыслью Дидро, с которой соглашаются и классики диалектического материализма, а именно, что и в первобытной материи должно существовать нечто сходное с ощущением и сознанием... С другой стороны, иначе окрашенное утверждение многих философов (начиная с древности и по сию пору), что мир пронизан психической энергией (как бы ее ни называли), тоже может быть поддержано и оправдано существованием психонов.

Наконец, он признал бы, что вся материя может быть построена из них... Да, да, построена, а не пронизана. Это в том случае, если кинетическая энергия (не в узком смысле, а как энергия всякого движения вообще) является вторичным производением психической энергии, то есть, если вся пра-пра-пра-материя состоит из психонов. Ведь принцип взаимодействия всех энергий (который давно принят всеми учеными, как бесспорно научный) не исключает возможности преобладания той или иной энергии. И наука еще не от-

крыла самую фундаментальную . . . то есть ту, которая стоит за кинетической энергией.

Одним словом, последовательный и объективный материалист мог бы прийти до признания возможной правды за спиритуалистами. (Положительного или отрицательного решения этого вопроса он ждал бы в будущем от науки). Дальше ему оставалось бы сделать только шаг для того, чтобы согласиться с тем, что Вселенная может быть излучением психонов из некоего психического центра, психонов, которые затем превращались бы в ряд других энергий.

Такой шаг был бы для корпускуляриста трудностью, по крайней мере в наше время, когда материализм упорно связывают с атеизмом: ведь такая точка зрения была бы сродни основной идее неоплатонизма. Плотин и его последователи учили, что весь мир является эманацией Божества. Да и не они одни: идея эта близка многим великим религиозным мыслителям и философам . . . Но трудность эта была бы для материалиста скорее эмоционального характера, чем логического: и логика, и здравый смысл говорят за то, что естественнее предположить, что во Вселенной есть некий психический центр, или что существует некая основная причина, которой объясняется и движение галактик, и законы, которым они подчинены, и все развитие миров, чем считать, что вся грандиозная и величественная картина бытия возникла из неизвестно откуда взявшихся и неизвестно по чьим законам действующих частичек. К тому же это последнее представление не согласуется с убеждением в вечности Вселенной — ведь в вечности никакого начала начал нет. Между тем, представление о Вселенной, как о материализованной Божественной Энергии, совместимо и с вечностью и бесконечностью Вселенной, и с ее ограниченностью.

Наши сомнения

Мы не «корпускуляристы» до бесконечности и во что бы то ни стало и поэтому перейдем здесь к критике гипотезы психонов.

Что, собственно, мы можем против нее возразить?

Мы не можем отказать ей в совершенной логичности. Но логичность не всегда совпадает с истиной. Известно, что магики нередко рассуждают удивительно логично, но в основе их рассуждений лежит нелепая идея. Если предпосылки неверны, то самые правильные дедукции будут ложны, и достаточно одной неверной предпосылки, чтобы целая раз-

работанная теория оказалась несоответствующей действительности.

Мы, конечно, не оспариваем существования психической энергии: она для нас очевидная реальность, которую только почему-то принято игнорировать. Но вот «психоны» для нас весьма сомнительны, хотя, на первый взгляд, они придают научный облик утверждению о психической энергии.

Напрашивается аналогия между психонами и атомами. Целыми тысячелетиями не было доказано и существование атомов, а теперь их нашли. Правда, между теперешними атомами и атомами древних философов, в сущности, нет никакого сходства, но все же атомы послужили науке и раньше их окончательного утверждения как единицы измерения.

Возражая против психонов, мы становимся как бы в положение тех ученых, которые возражали против существования атомов. Тем не менее, мы именно в психоны не верим. Для психической энергии нужны, по нашему мнению, какие-то другие измерения, более нам понятные, более «психические» и, как это ни странно, все же измеримые.

Измерять, конечно, пришлось бы не самую неуловимую психику, а какие-то ее признаки или действия в нашем организме. Так, все знают, что бреду во время болезни соответствует сильное повышение температуры, и следят при помощи термометра за ходом ее развития... Было бы величайшим открытием в истории человечества изобретение такого «психометра», которым можно было бы точно измерять психические состояния радости и страдания. Только умея их познавать и нелицемерно служа уменьшению страданий, можно добиться какой-то, хотя бы относительной справедливости на Земле...

Покамест ни электроэнцефалография, ни электрокортикография, ни электроэнцефалоскопия не дали такого «психометра». Между тем, зарегистрированием электроэнцефалограмм занимается множество ученых уже около сорока лет, и их методика все время совершенствуется. История ее вкратце такова: в 1929 году впервые немецкий ученый Ганс Бергер доказал, что мозг производит своего рода излучения. Он начал регистрировать осциллографом ритмические колебания электрических потенциалов человеческого мозга. Мечтой Бергера, как и многих ученых после него, было найти психический смысл знаков, зарегистрированных электроэнцефалограммой, т. е. понять, какие чувства и мысли выражают волнообразные линии на ней. В те времена аппараты устанавливали на оголенной поверхности черепа, затем и

непосредственно под черепом. А теперь стало возможным вводить ничтожно малые микроэлектроды и в глубины мозга. Такие опыты производятся как с животными, так и с людьми. При удачном эксперименте микроэлектроды могут оставаться в мозгу довольно долго, не причиняя особого беспокойства. Этот метод исследования электрических потенциалов в нервных клетках глубин мозга называется электрокортикографией. А электроэнцефалоскопией называется регистрация следов, которые дает множество (иногда больше ста) одновременно действующих электродов. Надо сказать, что с разных мест мозга они дают не одинаковые, а очень разные энцефалограммы, повторим, *одновременно* . . . Бергер давно отказался видеть в записях электроэнцефалограмм изображение мышления, но это не мешает другим ученым не терять надежды, писать на эти темы книги и собираться на специальные конгрессы, что, может быть, и приведет в конце концов к каким-нибудь, более достоверным, чем сейчас, результатам. А покамест мнения ученых во многом противоречивы и спорны. Поэтому не следует уж слишком доверчиво опираться на электроэнцефалограммы, как на показатели психических состояний . . . Сам по себе метод регистрации электрических потенциалов мозга надо считать гуманным, и родился он, в противоположность вивисекции, из стремления уловить специфическую энергию мозга. Тогда как вивисекция родилась из биологического механицизма, и, без всякого сомнения, потрясаяще увеличила количество страдания на Земле.

«Психоны» нашего эволюционировавшего материалиста не могут служить единицами измерения не только потому, что их нельзя будет никогда ни взвесить, ни пространственно измерить, но еще и потому, что их слишком трудно себе представить (даже чисто отвлеченно) составляющими все разнообразные психические состояния. Никакой психометр не сможет базироваться на психоны, они просто науке не нужны. И то, что оперировать с понятием «психоны» легко, только приближает «простейшую» теорию к другим упрощающим и удобным, но неверным теориям, которыми полна история человечества. (Например, можно говорить, что мозг создает психоны, но и сам создан под влиянием действия других психонов. Что в низших организмах психоны не централизованы, а в высших они локализуются в нервных клетках и мозге. И так далее. Возможно, что теории психонов принадлежит будущее . . . на какое-то неопределенное время. Кажется, она уже носится в воздухе. Автору этой книги она пришла в голову буквально «из воздуха» в

1949 году. Но с тех пор он встречал слово психоны раза два у других авторов).

Для того, чтобы какая-нибудь теория стала модной, совсем не нужно, чтобы она была точной, достаточно, чтобы она чем-то нравилась и увлекала. История показывает, что даже самые странные утверждения, противоречащие логике и здравому смыслу, могут надолго захватывать образованное большинство (и тем более — полуобразованное), если в них есть что-то отвечающее настроениям этого большинства. И опять-таки история показывает, что самую нелепую идею и идеологию можно облечь в привлекательные и научнообразные формы, если этим занимаются специалисты. . . . Итак, ни логичность, ни гладкость теории психонов не служат никакой гарантией ее соответствия с действительностью.

Глава VII

ЗАЧАТКИ СЛОЖНЕЙШЕЙ ГИПОТЕЗЫ О ПСИХИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ

Чем отличается наше представление о психике от представления о ней тех материалистов — в том числе и классиков марксизма, — которые видят даже в «праматерии» нечто похожее на ощущение и сознание?

Прежде всего тем, что мы считаем психику обязательно особенностью личности (подразумевая под личностью всякий живой индивид), особенностью, функцией, свойством, главным признаком. Затем, мы представляем себе психику не «отражением», не пассивным и «вторичным продуктом» и не каким-то загадочным и бездействующим «внутренним состоянием» любой материи, а активной силой, направляющей жизнь индивида. (Кстати, между отражением, продуктом и внутренним состоянием, по смыслу этих слов, дистанции огромного размера, это почти исключают друг друга понятия).

А чем отличается наше представление о психике от учения монадологов, которые видят монады (то есть духовные и духовно-телесные сущности) повсюду, начиная с Бога, величайшей Монады монад, и кончая электронами и микрочастицами? Только тем, что мы выносим за границы нашего мировоззрения то, что нам абсолютно недоступно, и стара-

емся говорить лишь о такой психике, которая хоть чем-то напоминает нашу.

Поэтому физические свойства вещества *притяжение* и *отталкивание* — эти два кита, на которых держится вся Вселенная — мы относим не к психике, а к явлениям именно физическим, хотя и можно провести параллель между ними и любовью и ненавистью в мире живых существ.

Между тем, мы сознаем, что в этом нашем утверждении — а именно, что притяжение и отталкивание надо отнести к физическим, а не психическим явлениям — у нас нет под ногами твердой почвы. Это скорее условие, чем доказанный факт. Потому что никто не может знать достоверно, не является ли притяжение и отталкивание каким-то проявлением психической энергии Вселенной? . . . Во всяком случае, если бы даже, как почему-то мечтают некоторые, все физические законы можно было бы вывести из притяжения и отталкивания, сами они остаются тайной, ни из чего физического не выводимой. Они могут быть только: или проявлением жизни Вселенной, или фундаментальным законом божественного творения . . . или тем и другим вместе.

Таким образом, название этой главы «зачатки сложнейшей гипотезы» оправдывается уже тем, что психическая энергия доступна нам лишь в ограниченной области жизни людей и немного животных, а дальше находится неизвестная бесконечность. Не говоря уж о том, что и человеческая психика известна нам далеко не полно.

Чтобы стать индивидом, надо, по крайней мере на Земле, быть органическим целым, биологической единицей, умеющей испытывать психические состояния. И тут приходится тоже оговориться, что мы не можем быть стопроцентно уверены, что всюду необходим именно знакомый нам из биологии организм с его нервными клетками для того, чтобы чувствовать и мыслить. Критерием жизни для нас должно быть не строение, а психика. Если бы где-то существовали мыслящие и чувствующие куклы, нам пришлось бы их признать личностями, хотя бы они были сделаны из глины. Мы не затрагиваем здесь вопроса о том, насколько это вероятно.

С какого момента эволюции на Земле зарождается в организмах что-то похожее на индивидуальную психику, мы не знаем, но, повидимому, гораздо раньше, чем считали в прежние времена. Покамест человек может лишь уславливаться о границе, за которой, с одной стороны действуют, как многим кажется, только механические рефлексy (вер-

нее, химические реакции) организма, а с другой — появляется в нем и что-то психическое. Не природное или вселенское психическое, которого мы не умеем различать, а индивидуальное, связанное с данным организмом. По вопросу о начале жизни на Земле среди ученых идут и еще долго будут идти горячие споры. Вопреки механистам и прежним рефлексологам, очень многие считают, что индивидуальному психическому предшествует в организмах какое-то другое психическое. В самом деле, иначе трудно ответить на вопрос, почему все процессы и движения в живых организмах, начиная с самых первичных, уже так безусловно направлены к двум целям: самосохранению и размножению. Одни ученые говорили о духе Земли или природы — Психее,— другие о духе рода (особенно, когда никак невозможно было объяснить некоторые таинственные действия инстинктов насекомых), третьи предполагали витальную энергию, четвертые мировую волю, пятые верили (и верят), что каждая монада стремится к самосохранению и развитию, шестые утверждали (и утверждают), что психика существует даже в микромирах, так почему бы ей не быть в первичных организмах? И так далее. Объяснить можно, как мы видели, и с помощью гипотезы психонов.

Часть этих ученых не была религиозной, другая была. Но никого из вторых не удовлетворяла мысль «так создано Богом». — Да, создано, но как именно? На то и наука, чтобы узнавать!

При попытке решить этот вопрос надо принимать также в соображение, что в первичных организмах может действовать не непосредственно какая-то психика, а ведущие законы формирования организма, законы, созданные чьей-то загадочной психикой. Мы, например, не верим во всепронизывающие психоны, но верим во всепронизывающие законы, созданные чьей-то личной творческой волей. Разум не может быть ничей.

«Моя религия, говорит Эйнштейн, состоит в том, что я смиренно преклоняюсь перед наивысшим безграничным духом, который проявляется во всем, вплоть до мельчайших деталей, уловимых нашим слабым и хрупким разумом. Это глубокое эмоциональное убеждение в наличии разума могущественного и наивысшего, открывающегося в непостижимой Вселенной — вот в чем моя идея Бога».

Параллельно всем этим объяснениям принимается другими учеными и материалистическое объяснение эволюции, базирующееся на время и какой-то процент вероятности удачных, то есть строящих, оформляющих сочетаний в вечно движущейся материи. Материалисты ставят вопрос о

появлении и развитии первых организмов в «праматерии» совершенно иначе, чем ученые с более живым и романтическим воображением. Сухо и «трезво», с ссылками на огромные числа, они утверждают, что в бесконечных движениях и комбинациях первоначальных, находившихся на остывающей Земле, частиц должны были иногда образовываться более устойчивые комбинации. К ним, опять-таки в ничтожном проценте в течение миллионов лет, присоединялись новые устойчивые частицы, образуя еще более сложные устойчивые комбинации. Так, из атомов образовывались молекулы, из молекул в конце концов клетки, из них первичные жизнеспособные организмы и т. д. Когда узнали о сложном строении атомов, стали считать, что таким же образом из простейших атомов (водорода) постепенно образовывались все более сложные атомы.

Для нас не важны названия частиц, организаций и организмов, важен сам принцип: существует только «естественный отбор», никакого «духа», никакой «витальной энергии» и даже никакой направленности в живой природе к цели жить и размножаться. То есть близорукий детерминизм, исключающий детерминированность целью: зародыши животных, зерна растений, метаморфозы насекомых — все это получается без всякой связи с целью создать животное, растение, бабочку...

Термин «естественный отбор» вошел в науку только после Дарвина, но мы можем его употреблять и в отношении всякой теории эволюции, построенной по тому же принципу. Само собой разумеется, объяснение естественным отбором особенно привлекало атеистов, однако, не будучи доведено до крайности, оно может быть совместимо с религией. Так, сам Дарвин, его биография, подтверждает эту мысль.

Идея о создании миров и жизни в них таким «самогонным» способом очень стара. Мы встречаем ее у древних атомистов (Леукиппа, Демокрита, Эпикура), у диалектика Гераклита и в их школах. Она встречается на протяжении всей истории философии. Получает большое подспорье в диалектическом материализме марксистов. И теперь появляется в усовершенствованном виде у множества философствующих профессоров во всем мире. Если не ошибаюсь, самое модное ее издание — теории профессоров Свободного Университета в Брюсселе и некоторых французских Университетов.

Усовершенствование ее идет, конечно, по линии приспособления старой теории детерминизма и самозарождения к новейшим открытиям науки. Так, западные ученые несколько не избегают слова энергия, наоборот, постоянно опе-

рируют понятием энергии (как и советские ученые, не слишком правоверные марксисты). И причину развития элементарных систем видят не столько в механическом взаимодействии вещества, сколько во взаимодействии энергетическом. Потому что и химические реакции (например, первобытной земной «праматерии» под влиянием солнечных ультрафиолетовых лучей) сводятся в конце концов к действиям энергий.

Одним словом, даже на Востоке детерминизм атеистических ученых становится менее узким, чем был в прежние века.

Но что такое «индетермизм»?

Можно ли себе представить что бы то ни было абсолютно беспричинное? Пожалуй это еще труднее, чем представить себе вечность или бесконечность. С тою лишь разницей, что вечность и бесконечность мы все же можем логически допустить, а абсолютную беспричинность не допускает сама логика.

Мы считаем, что никакого «индетерминизма» нет и никогда не было, и слово это вносит в философию только путаницу. Все имеет причину, вернее, причины, и вопрос надо ставить не об возможности беспричинности (индетермизма), а о том, каковы эти причины.

Ученые занимаются главным образом проблемами узкого, привычного для них, детерминизма, ища *causa efficiens*, а не *causa finalis*. (Кстати, противопоставление Причины Действующей и Причины Конечной, так часто появлявшееся в философии, тоже неоправдано, потому что конечная причина, то есть цель, сплошь да рядом бывает действующей причиной). О целях, впрочем, они говорят иногда тоже; например, когда описывают развитие органов пищеварения, дыхания, передвижения или чувствительности животных. Тут, вне всякой философии, признаются объяснения целью. Точно так же большинство признает объяснения целями деятельности высших животных и особенно человека. Но, как только дело идет о мировых законах, то вступает в силу абсолютное всеобщее молчаливое запрещение видеть в них какую бы то ни было цель. Все, что мы видим во Вселенной, мы обязаны объяснять причинами наинизшего порядка. Всякая мысль о мировом разуме, о мировой воле должна быть исключена! Табу! Иначе, по мнению атеистов, был бы смешной и страшный антропоморфизм, то есть суждение о природе или миру по человеку. А мир мы, видите ли, должны судить по машине. Попроще, с вычетом духа.

Возьмем простейший пример: атом, состоящий из одного протона (ядро) и одного, летающего вокруг него электрона, это атом водорода. Атом, ядро которого состоит из восьми протонов и восьми нейтронов, и вокруг которого мчатся восемь электронов, это атом кислорода. Один атом кислорода в соединении с двумя атомами водорода дает такую необходимую для всякой жизни воду... Другие комбинации атомов дают такой же необходимый для жизни воздух... Все это ученые отлично знают гораздо подробнее, чем мы здесь описали, но никто не смеет сказать, что химические и физические свойства атомов созданы для того, чтобы на планетах могла развиваться жизнь. Даже религиозные ученые этого не говорят вслух. Мы думаем, что придет время, когда это будут говорить без всякого колебания: слишком уж неудовлетворительна та детерминистическая (по старинке) картина бытия миров, которую предлагает нам современная наука в ее атеистическом аспекте. В сущности, она сводится к следующему:

Бессмысленное хаотическое движение (причиной которого не интересуются) материи (о происхождении которой не спрашивают) постепенно превращает элементарные формы материи и (сплошной вопросительный знак) в более сложные... Количество превращается в качество по законам, заложенным в материю никем. И так, сами собой, строятся в материи организации, в которых ниоткуда появляется сначала жизнь, а потом и психика.

Некоторые ученые прибавляют, что создавшиеся и эволюционировавшие таким образом миры в один непрекрасный момент гибнут, и история начинается сначала. Мы находим такую мысль и у Энгельса. Говоря о детерминизме и, конечно, о материи, он пишет:

«С той же самой железной необходимостью, с какой она когда-нибудь истребит на земле свой высший цвет — мыслящий дух, она должна будет его снова породить где-нибудь в другом месте и в другое время».

Откуда забралась в хаос первобытной праматерии «железная необходимость», Энгельс вопроса не задает, но сильное выражение это импонирует ученым до сих пор.

Вероятно, наши потомки будут очень удивляться, что их предки могли удовлетворяться таким представлением о мире, да еще считать себя очень передовыми.

Между тем, наука в ее открытиях и ее технике расцвела в XX веке, как никогда, и достижения ее не вызывают ни-

каких сомнений. Неужели можно совместить такие успехи практической науки с ее теоретической отсталостью? — Увы, можно, и это понимают и об этом пишут лучшие умы среди ученых, даже настроенные материалистически. Их беспокоит, что человек теперь не в состоянии охватить разумом и подвести итоги всему, что он узнал, открыл и соорудил. Ученые принуждены углубляться в бесчисленные детали даже одной специальности; у них просто нет возможности думать обо всех «проклятых вопросах» в широких перспективах, как думали еще в XIX столетии, кстати, давшем так много интереснейших философов. Изучение какой-нибудь одной отрасли естествознания, но доскональное, захватывает все время и силы талантливого работника науки.

Мы просим потерпеть еще немного нашего добросовестного читателя, который, может быть уже давно, задает себе вопрос: — но причем же тут «зачатки сложной теории о психической энергии?» . . . Приходится отстранять недоразумения, которые стоят на дороге к простоте и ясности.

Нас премного удивляет, что современные французские и бельгийские ученые (не все, конечно, и не только они) ставят вопрос о том, является ли жизнь *случайностью*, или *необходимостью*? Сам вопрос этот совершенно искусственен. Атеистические ученые стремились уже давно показать детально, как могла появиться на Земле жизнь. Теория Опарина восхитила многих. Эта теория была, конечно, в показном согласии с диалектическим материализмом, и прославлялась атеистами по всем странам. «Случайности» в ней были необходимы благодаря огромным периодам времени. Случайности и в обычной жизни людей, если она не слишком статична, *необходимы*, то есть *обязательны*, то есть *детерминированы*. И чем больше движения и времени, тем больше этих случайностей. Как же можно противопоставлять случайности необходимости?

В журнале «Науки и Будущее» в статье под названием — «*Случайна ли жизнь или детерминирована?*» за подписью Франсуа Клозе, от июля 1966, мы читаем, что идея детерминированного проявления жизни на Земле (а следовательно и на других планетах с подходящими условиями), это что-то совершенно новое, появившееся всего несколько месяцев назад и полностью переворачивающее старые научные представления! Ни слова о прошлых детерминистах, ни о диалектическом материализме (хотя теория Опарина упоминается).

Статья Клозе богата научными подробностями, которые мы пересказывать не будем. Ясно, что в теперешнем науч-

ном изложении детерминистическая теория о самозарождении жизни чрезвычайно усовершенствована, об этом мы уже писали. Однако, называть ее совершенно новой довольно удивительно. Впрочем, мы заметили, что многие теперешние ученые и философы почему-то избегают упоминать о своих идейных предках и о том громадном пути, который проделала до них человеческая мысль. Рассуждения Клозе об энтропии и открытых и закрытых системах могут отвлечь от основной идеи, но ничего в ней не меняют по существу.

Клозе пишет, что вопрос о том, детерминировано ли появление жизни, ставился много раз на Коллоквиуме ученых в конце 1965 года при Факультете Наук в Пуатье. Мы смеем думать, что настоящая научно-философская проблема заключается не в нем, а в вопросе, чем детерминирована сама эта неизбежность? Иначе говоря, почему существуют именно данные законы, почему, например, число протонов и электронов определяет химические качества атомов? Почему законы химии и физики неизбежно ведут к появлению жизни во Вселенной? Почему атом, придуманный прежними материалистами *для упрощения* картины мира, оказался не простейшей частичкой вещества, а целой маленькой вселенной? В атоме поражает всё: и концентрация энергии, и закономерность систем, и богатство микрочастиц, и потрясающая скорость движения электронов вокруг ядра, и относительно колоссальное расстояние между ядром и электронами при совершенно ничтожной величине атома, и сила ядерной энергии, и еще многое, о чем знают специалисты, и что менее известно широкой публике. Вместо упрощения мира получилось его усложнение... Вместо сведения мира к веществу, сведение его к энергиям... Но это несколько не смутило материалистов атеистов... Если бы из недр атомов раздалась божественная симфония, и тогда, вероятно, им не пришлось бы в голову, что они могут ошибаться.

Еще не настало время для интегральной гипотезы, затрагивающей всю психическую энергию во Вселенной. Именно «затрагивающей», а не захватывающей или обнимающей. *Потому что никогда существо с психикой более узкой и слабой не может охватить и хорошо понять психику более широкую и сильную. Особенно, когда силы несоизмеримы. (И в этом объяснение и оправдание того, что верующие в Бога ученые обычно не примешивают к своим научным исканиям религиозных соображений. Однако, если они не делают этого теперь сознательно, то бессознательно религиозная интуиция может оплодотворять их научную мысль).*

В начале этой главы мы подчеркнули что не признаем психической энергии ничьей. Не может быть чувства или мышления самих по себе. Но могут быть сами по себе плоды, или следы чьей-то психики. Так, на мертвой планете могут оставаться следы деятельности когда-то живших на ней живых существ. Так, земная атмосфера полна построений, звуков, движения и огней, созданных человеком... Поэтому искания в сложнейшей теории о психической энергии должны быть направлены не на уловление психонов или психических волн, а на улавливание и расшифровывание следов действия психики живых существ, психикой обладающих. Насколько это трудно, и как легко тут фантазировать и ошибаться, можно себе представить, вспомнив хотя бы трудность познания самого себя и всевозможные теории бессознательного. Трудно нам часто понять и своих близких, еще труднее — далеких. И уж безнадежно невозможно понять психику тех, кто стоит выше нас. (Нельзя понять, но можно судить о ней по ее плодам, или иногда ее касаться. И она может касаться нас).

Таким образом, создание всеобъемлющей и полноценной теории о психической энергии сопряжено не с временной трудностью, а с принципиальной невозможностью.

Нам могут заметить, что о психической энергии мы говорим почти то же, что мы читаем иногда у материалистов об электрической энергии: нет общей, «ничьей» психической энергии, есть лишь ее эффекты или проявления, и они объясняются «потенциальностями» или «факторами характеризующими» только не частицы, не физические тела, а живые существа. Но, как в отношении электричества мы защищаем понятие «энергии», точно так же мы поступаем и в отношении психики. Следующая глава будет посвящена защите понятия «психическая энергия».

Следующая глава, вообще, будет гораздо более эмпирична и конкретна, потому что в ней пойдет речь о самой близкой для нас психике — человеческой.

Само собой разумеется, мы никак не разделяем приятной уверенности некоторых философов и писателей, что человек есть царь природы, ее наивысшее завершение и т. д. Наоборот, мы уверены, что кроме человека есть много существ, обладающих психикой, как менее, так и более сложной, чем наша... Было бы весьма грустно, если бы человек, способный так высоко летать, но и так страшно низко падать, был наивысшим достижением вечной и бесконечной Вселенной... Решает этот вопрос, понятно, не наша грусть, а то, что представление о жизни, зародившейся только на нашей Земле и нигде больше, совершенно неправдоподобно:

мы знаем теперь, что планет, на которых могла развиваться жизнь, во Вселенной бесчисленное количество.

Но что же такое те «зачатки» теории о психической энергии, которыми мы озаглавили эти страницы? Когда же, наконец, они будут автором открыты?

Быть может, мы разочаруем читателя, сказав, что зачатки вовсе не открытие автора, а существовали они всегда, то есть, вероятно, с появления мыслящего человека на Земле. Впопад или невпопад, чаще, надо думать, невпопад, уже первобытный дикарь чувствовал вокруг себя веяние психической энергии каких-то мистических существ, или Существа. Даже если считать все мистические переживания дикаря сплошь плодом его фантазии, надо признать, что они наверное делали его жизнь куда полнее и интереснее, чем если бы их не было... Но оставим в покое дикарей, о которых писалось и пишется слишком много необоснованного, вернее, основанного на очень уж бледном и прозаическом воображении современного исследователя. В сущности, наука ничего достоверного о психологии первобытного дикаря не знает, если не считать тех элементарных чувств — голода, сытости, страха, удовольствия от хорошей погоды и т. д., — которые мы имеем право им приписывать с уверенностью, благодаря сходности наших организмов. Судить, например, об их религиях только по остаткам их искусства не слишком ли просто?

Зато множество поэтов, писателей, ученых и философов, оставивших свой след в истории человечества, видели и видит в природе не механические комбинации вещества, а проявления жизни природы, или Вселенной. И представляют себе Вселенную не как некое бессмысленное *вместилище* для вечно движущейся материи, а как *таинственное целое, движимое духовным принципом*, или *Мировой Волей*, или *Творческой Энергией*... Названия могут варьировать, но поэтическая и философская интуиция, вероятно, приблизительно одинакова у Вергилия, который писал до Рождества Христова:

«— И небо, и землю, и полные влаги долины,
И лунный светящийся шар, и титан, что над нами сияет,
— Дух движет все части великого тела и их изменяет,
— Вся масса проникнута принципом духа единым»...

и у Пастернака (1890—1960):

Как будто внутренность собора
Простор земли, и чрез окно
Далекий отголосок хора
Мне слышать иногда дано.

Природа, мир, тайник вселенной,
Я службу долгую твою,
Объятый дрожью сокровенной,
В слезах от счастья отстою.

Замечательно, что и Эпикур (341—270 до Р. Х.), атомист, которого коммунисты весьма одобряют, был гораздо шире, чем они, и признавал существование богов. Правда, борясь с религиозными предрассудками, он учил, что боги не вмешиваются в людскую жизнь. В этом смысле он был исключением: почти все религии трактуют о творчестве, разуме и воле Бога или богов, и о соприкосновении их духа с духом человеческим, иначе говоря, об их влиянии на человеческие судьбы.

В общем, на протяжении веков и тысячелетий люди всегда стремились увидеть за «видимым» «невидимое» и имели на это полное право. В этих догадках, частью безусловно нелепых, но частью, вероятно, верных, — уже кроются «зачатки» сложнейшей теории о психической энергии.

Наука должна быть объективной. Она тоже ищет невидимое, но базируется на факты, а не на интуицию и поэзию... Однако, это не значит, что она должна поэзию и интуицию изгонять и уничтожать во что бы то ни стало. Она может найти оправдание одним «зачаткам» — догадкам и отбросить как невозможные другие. Но прежде всего она должна собирать факты, факты и факты. Факты проявления психической энергии, как безусловные, так и неопределенные, не доказанные, но возможные. Безусловным проявлениям психики нет числа в человеческих обществах. Тут они бесспорны, и наличие психической энергии подтверждается самыми обычными житейскими явлениями. Объективное, сравнительное, честное, глубокое изучение психики хотя бы лишь одних правителей и правительств государств уже могло бы оказать человечеству огромную услугу. Если бы к этому прибавить такое же честное, смелое и открытое изучение психологии их подданных и их слуг, мир мог бы быть спасенным от величайших катастроф. Надо было бы сравнить характеры, методы управления и пропаганды, стратегию и тактику, идеологию и практику — потому что все это вырастает из человеческой психики и ее ошибок — и людское общество, без всяких войн и революций, стало бы на путь разумного прогресса.

Мы понимаем, что осуществление этой идеи невозможно, пока ей могут противостоять обман и ложь. Далеко человеку до державинского идеала:

— Кому, о, Господи, доступны
Твои вселенские высоты?
— Тому, чьи мысли неподкупны,
И целомудренны мечты,

Кто дел своих ценою злата
Не взвешивал, не продавал,
Не искушался против брата
И на врага не клеветал...

Но хоть бы это последнее «на врага не клеветал», даже не на врага, а на конкурента на социальном поприще, хоть бы это ведь мог бы осуществить современный человек!? Увы, клевета является самым мощным орудием для властолюбцев... Но мы отвлеклись от тем этой главы... Отвлеклись потому, что знаем и всегда чувствуем, что в клевете — самая страшная опасность для жизни отдельных людей и всего человечества...

Итак, никакой абстрактной, ничьей, физически разлитой в мире психической энергии мы не признаем. Физически разлита она могла бы быть, если бы была правильна теория психонов (или психических волн, что сводится к тому же перемещению в пространстве), или если бы можно было как-то разработать совершенно голословное утверждение, что психика есть внутреннее состояние материи... Нет, в нашей «сложнейшей теории» мы всегда ищем признаки или следы психики живых личностей. Психическая энергия связана с личностями, ею обладающими, так же, как световая или электромагнитная энергия связана со своими источниками. И, так как непосредственного восприятия чужой психики у нас почти никогда не бывает, то мы узнаем ее по ее плодам.

Перед нами открывается, во-первых, широчайшее поле индивидуальной и социальной психики, и во-вторых, уж совсем необъятное поле психики, как атрибута Вселенной.

Третьей области — психики существ высших, чем человек, мы здесь касаться не будем: наука еще до них не доросла, а аргументами мистическими, или религиозными мы в нашем этюде принципиально не пользуемся. (Что не значит, что мы отрицаем их возможность).

Так как следующая глава будет основана не на теоретических догадках, а на самых обычных житейских фактах, то в этой мы имеем право выйти за границы хорошо известного и высказать наши предположения о психической энергии уже не человеческой, а мировой. Идея, что *мышление*, или *духовный принцип*, или *Душа мира*, или *Мировой разум*, или, как мы говорим, *психическая энергия* существует на ряду с материей-веществом, — идея старая и в истории философии повторяется бесчисленное множество раз. В этом сходятся самые разнообразные мыслители — и Виргилий, и Декарт, и Спиноза, и Ломоносов, и Конт, и Вундт, и Пирогов, и Соловьев, и Эйнштейн. Но философы определяли эту Душу Мира, или этот Мировой Разум с очень большими вариациями, что неудивительно: ведь нельзя и ожидать, чтобы кто-то мог точно определить, что такое, или каков он, этот Мировой Разум. Немудрено, что каждый, пытаясь облечь в словесные формы свои глубочайшие, но неясные интуиции, выражал их по разному. (Только отдельные высшие религии имеют свои, раз навсегда установленные, догмы, да и в религиях признается невозможность выразить Божественную Сущность).

Нисколько не отрицая важности интуиции и возможности откровения, мы хотим здесь опираться только на факты.

Из каких же фактов черпаем мы наше представление о психической энергии Вселенной?

Прежде всего из факта законопослушного существования мира и закономерного в нем движения.

Затем из факта существования в мире великолепных, поражающих своей красотой, гармонических систем, начиная с «маленьких вселенных» атомов и кончая тем «звездным океаном», в котором плывет Земля.

(Кант считал доказательством бытия Бога, кроме «звездного неба над нами», еще «нравственный закон внутри нас». Кант, как и большинство людей, судил по себе. Увы, в XX веке акции кантовского «категорического императива» стоят очень низко) . . .

Наконец, из факта появления жизни и психики на Земле. Мы отбрасываем, как неудачную, ссылку на огромные периоды времени, в которых чисто механически «случайно» могла образоваться жизнь. Потому что при удлинении времени должно увеличиваться количество не только «удачных» столкновений и комбинаций в вечно движущейся материи, но и разрушающих столкновений и уничтожающих комбинаций. Еще Лев Толстой, да и не он один, замечал, что заменять Бога-Творца творцом-временем нелепо . . . Время само по себе лишь пустая «форма событий» (мы сказали бы

«отсчет дления»). Создают что бы то ни было лишь творческая воля и творческие законы. Если бы не было их, то бессмысленное и бесцельное движение ничего, кроме хаоса; создать не могло; наоборот, там, где нет законов, помогающих созданию и охраняющих уже созданное (или создавшееся), там время разрушает, а не создает.

Мы считаем, что психическая энергия является таким же (если не более примарным) атрибутом Вселенной, как и энергия притяжения. И мы рассматриваем появление жизни и психики на Земле не как случайное явление, а как часть жизни Вселенной.

Это не мешает тому, что живые существа являются индивидами, обладающими собственной психикой. Выражаясь языком слишком сухим, мы можем назвать каждое живое существо производителем или генератором его собственной психической энергии... Начиная с низших организмов (энергию которых мы называем обычно витальной), продолжая животными и человеком, затем неизвестными нам высшими существами и кончая самой Вселенной.

Мы предполагаем, что фабрику первичной протоплазмы на Земле с ее великим множеством одновременных химических реакций создало не время, не бесцельное движение атомов в течение миллиардов лет, а Чья-то психическая энергия и творческие законы Вселенной. Законы, целью которых является создание разнообразных, живых и, главное, самостоятельных психических субъектов... Чья же именно энергия? Покамест наука на это ответить не может. Но люди думающие могут строить предположения: то ли энергия самого Бога, в самом традиционном смысле слова, как Творца всего и всех; то ли энергия Вселенной; то ли (если отвечают монадологи) нашей галактики, или Солнца, или Земли... Все эти ответы не только возможны, но могут быть и совместимы.

Наконец, появлению органического мира на Земле могли содействовать какие-то личности, высшие чем человек. Нельзя забывать, что существа, гораздо более совершенные, чем люди, то есть имевшие более длинную или более счастливую историю развития, должны быть как в нашей галактике, так и в других. Человек уже стоит на пороге создания живого организма. Почему какие-то высокомогущественные существа не могли бы производить свои опыты на Земле так же, как человек производит свои эксперименты в земных лабораториях?

Мысль эта на первый взгляд еще более обидна для человека, чем его происхождение «от обезьяны». Однако, почему объективный и передовой ученый мог бы посчитать

это предположение абсолютно невероятным? Нет, оно вполне логично. Надо только допустить, что эти высшие существа, будучи, как и мы, детьми Вселенной, умеют использовать ее законы построения вещества и законы энергий лучше, чем мы.

Между тем, предположение, что нас создали какие-то высшие, чем мы, существа с других планет, нам не кажется правдоподобным, так как оно противоречит нашему представлению об самостоятельном развитии индивидуального «я».

Сама медленность выработки в организмах нервной системы является признаком их собственных усилий. Роботы-механизмы могли бы создаваться и очень быстро при искусственной помощи со стороны. А зарождающийся вселенской психической энергией психический субъект творит свое тело в течение многих миллионов лет. Это обеспечивает его самостоятельность, его особую «заслуженную» индивидуальность, его, хотя и связанную с остальным миром, но все же принадлежащую ему одному, лично ему, волю.

И, так как мы твердо уверены в целесообразности мировых законов, мы объясняем колоссальность расстояний между солнечными системами и галактиками именно заботой Вселенной о «невмешательстве во внутренние дела» каждой системы со стороны слишком любопытных и властолюбивых исследователей из других систем.

Такую антропоморфическую мысль мы имели право выставить, потому что эта глава посвящена не только утверждениям, но и догадкам. Пусть с точки зрения догматиков веры догадка эта дерзка, а с точки зрения догматиков марксизма и ненавистников религии «мракобесна».

Я надеюсь, что найдутся люди, которым наша мысль о Вселенной, как о Величайшем Художнике, Математике и Творце, заботящемся о максимальной достижимой свободе и персонализации всего живого, покажется правдоподобной и более привлекательной, чем догматизм... чей бы то ни было.

Так называемая научная элита часто поддается увлечениям какой-нибудь яркой, но поверхностной аналогией. Так защитники узкого механистического детерминизма любили повторять «меткое» сравнение человеческой свободы воли со свободой камня, летящего на Землю из каких-то далеких пространств. Они уверяли, что, если бы этот камень мог думать, то воображал бы, что летит он по своей воле... Откуда такая уверенность? Мы считаем, что, если бы этот камень мог думать, то он был бы очень недоволен тем, что не может выбирать направления и летать, как птицы.

С другой стороны, мы верим, что Бог, независимо от того, тождествен ли Он со Вселенной, или нет, не требует от человека бездумного и бессмысленного рабства . . .

Но здесь не место говорить о том, во что мы верим и не верим.

Постараемся сделать наше представление о психической энергии еще более ясным в двух словах.

Психическая энергия, быть может, не перемещается в пространстве в отличие от других энергий. Но она способна перемещать в пространстве материальные тела . . . Это проще простого, это даже не открытие Америки, а открытие послушного движения руки, которое впервые замечает младенец у себя в кроватке. И этот волевой акт младенец повторяет и наблюдает, словно философ, с удивлением и интересом, не имея еще и года от роду . . . А затем психическая энергия (иначе говоря — инстинкт, подсознание, воля, чувство, разум, интуиция и т. д. в разных комбинациях — люди еще не очень в своей психике разобрались) руководит ребенком и взрослым человеком, и, через него, вещами, природой, изобретениями и жизнью индивида и общества.

Подчеркиваем, что мы не делаем никакого открытия, мы только указываем на факты. Что наша психика не падает нам с неба, а тесно связана с нашим организмом и окружающим миром, — это очевидная истина, которую излишне доказывать. Доказательствами этой связи, впрочем, полны бесчисленные книги, но в них могут быть интересны только способы взаимодействия между веществом и энергией, а сам факт взаимодействия в доказательствах не нуждается. Психика и организм растут вместе.

Чем выше на лестнице развития личность, тем могущественнее ее психическая энергия, тем больше ее размах и тем величественнее открывающиеся перед нею горизонты.

И, если, как мы предполагаем, Вселенная обладает психической энергией, то судить (или гадать) о ней мы имеем право не только по аналогии с физическими энергиями, но и по аналогии с наивысшим, что мы знаем в человеке.

Глава VIII

НЕСКОЛЬКО АРГУМЕНТОВ ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ ПСИХИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ

I — Аргумент формально-материалистический.

Прежде всего разберем вопрос, достаточно ли научно само выражение «психическая энергия»? Имеют ли основание материалисты, чтобы его отвергнуть?

Для этого проанализируем сначала одно определение психики у такого известного авторитета как Рубинштейн:

«Психическое есть одна из форм деятельности одной из форм материального мира». (Стр. 318, «Бытие и Сознание»).

Это определение еще не успело стать классическим в коммунистической литературе. Ничего нового оно, впрочем, не вносит, разве еще больше абстрактной сухости в утверждение Ленина, считающееся классическим:

«Ощущение, мысль, сознание есть высший продукт особым образом организованной материи. Таковы взгляды материализма вообще и Маркса и Энгельса в частности». (Ленин, «Материализм и Эмпириокритицизм», изд. 1951 — ГИПЛ, стр. 39—40).

Попробуем заменить в определении Рубинштейна выражение «форма деятельности» более ясным и более соответствующим духу русского языка выражением «вид деятельности». Нет сомнения, что и сам Рубинштейн нам бы это раз-

решил. Итак, психическое это один из видов деятельности одной из форм материального мира... Читатель, конечно, понимает, что эта «одна из форм» есть ничто иное как мы, то есть человек, или шире — живое существо, с его мозгом. Если мы выбросим форму и из второй половины фразы, оставаясь верными ее смыслу и заменив ленинской формулировкой, то мы приходим к следующему определению:

Психическое есть один из видов деятельности особым образом организованной материи.

Никто из материалистов ничего против такого определения психики возразить не может. Больше того: мы уверены, что мы далеко не первые, определяющие психику именно так... между материалистами, конечно.

А теперь вспомним, как образовалось в человеческой науке понятие энергии, и что оно из себя представляет? — Да ничто иное, как выделенные в отдельные системы виды деятельности материи! И как раз материи «особым образом организованной».

Итак, нет никакого сомнения, что мы имеем право называть психическую активность энергией: — *«Психическая энергия это один из видов деятельности особо организованной материи»*... По крайней мере так было бы по самому традиционному материалистическому пониманию. Правда, это определение относилось бы (пока!) только к деятельности нервной системы (человеческой или в лучшем случае и животных), только ее материалисты считали бы производительницей психических явлений. Но хотя бы в этих рамках оно остается для них совершенно законным. И нет решительно никаких препятствий к тому, чтобы во Вселенной нашлись и другие производители психической энергии.

Само собой разумеется, материалисты избегают до сих пор выражения «психическая энергия», но фактически они ее признают как функцию нервной системы... В сущности, и «функция нервной системы», и «функция высокоорганизованной материи» (что одно и то же), и «нервные возбуждения, вызванные биотоком нашей нервной системы», и «психические проявления нашей нервной деятельности», и «отражательная деятельность мозга в целом в ее психологической характеристике» (Рубинштейн), и «продукт, свойство и внутреннее состояние материи» — все эти выкрутасы обозначают ничто иное, как ту же психическую энергию, только замаскированную!

«Мозг мыслит» подчеркивает Маркс и за ним все его последователи, не замечая всей грубости и неточности этого выражения. Мыслит человек, а не мозг. Даже с точки зре-

ния теории отражения просто мозг мыслить никак не может: ведь для отражения внешнего мира нужна вся нервная система вместе с периферическими перцепторами и телом, с которым она растет и живет . . . . .

Кстати, тем, кто сравнивает психику с огнем свечи (свеча догорает, и огонь угасает . . . так же, дескать, со смертью тела гибнет и дух) можно ответить, что с таким же основанием можно сравнить нашу психику и с огнем или теплом в печи. При этом можно прибавить, что тепло есть свойство, продукт и внутреннее состояние топящейся печи; что оно есть функция особо организованных печных материалов; что существуют огненные проявления печной деятельности; что они зависят всецело от подкładaывания топлива из внешнего мира, и т. д., и т. д. — одним словом, что никакой тепловой энергии не существует, а тепловые феномены это просто «отражательная деятельность печи в ее тепловой характеристике» . . . В этом сравнении сразу бросается в глаза нелепость вывода и комичность формулировки . . . но только потому, что никто не считает необходимым возражать против существования тепловой энергии.

Вместо «психическая энергия» некоторые говорят еще «нервная энергия». Не только материалисты. Это выражение можно встретить всюду. Но удовлетворительным его можно считать лишь постольку, поскольку оно относится к физиологическим феноменам, а не к психическим. Не скажем же мы об электрической лампе под потолком, что в ней светит проволочная энергия, или про ручной электрический фонарь, что в нем горит батарейная энергия? Только курьеза ради можно сказать вместо тепловой энергии печная энергия. В тепловой энергии, да и в каждой другой, характерно не то, что ее в каждом отдельном случае вызывает, а то, что мы в тепле чувствуем и еще больше то, что мы о тепле знаем. Мы судим об энергиях не столько по их частному происхождению, сколько по особым их проявлениям и особым свойствам. Так же мы можем судить и о психической энергии. Первичное происхождение ее теряется в космической неизвестности так же, как и происхождение всех энергий.

Прояснению этой истины мешает диалектическая близорукость, теория отражения и рефлекторных дуг. Так, любая искаженная картина, твердо запечатлевшаяся в мозге, вытесняет верную. Так например, совершенно не соответствующее действительности представление о психике мла-

денца, будто бы подобной белому листу, на котором жизнь, среда и воспитатели могут писать что им угодно, долго вредило в науке и до сих пор вредит в политике . . .

Можно надеяться, что выражение «психическая энергия» и все от нее производные, например, эмоциональная, интеллектуальная, творческая, энергия отчаяния, любви, ненависти и т. д., и т. д., — вернуться в наш говор, как вернулись уже многие слова, раньше коммунистами гонимые (например, родина, честь, душа, интуиция, подсознание и др.). Будучи яркими и красивыми, выражения касающиеся энергии психического к тому же и точны.

II — Аргумент биологический.

Почему еще мы имеем право называть психическую деятельность энергией? В этот раз будем опираться не на марксизм-ленинизм, а на обычный здравый смысл. — Да потому что по простейшему определению энергии, принятому всем миром, кроме некоторых ученых, энергия это то, что движет . . . Наличие в нас психической энергии подтверждают очевидные и бесспорные факты влияния наших чувств и мышления на наши поступки и движения нашего тела. Все попытки отрицать влияние нашей психики на наше поведение, представить нашу психику в виде какого-то жалкого, подобного тени, бессильного эпифеномена жалки и смешны. Это покушения с негодными средствами . . . Психическая энергия говорит сама за себя, как говорит само за себя движение в споре между Зеноном и Диогеном. (Между прочим, интересен один вариант этого мифа: Зенон будто бы, доказывал вовсе не отсутствие движения, а несовершенство нашего разума, способного запутываться в собственных измышлениях. И Диоген, двигаясь, лишь иллюстрировал мысль Зенона).

Даже у Рубинштейна мы можем найти строчки, в которых отрицаются «эпифеноменалистические тенденции» (сказать иначе, может быть, ему и нельзя):

«Отправной пункт для устранения всех эпифеноменалистических тенденций лежит в элементарном и капитальном факте афферентации движения ощущением».

(«Бытие и сознание», стр. 244).

— Эти труднопроизносимые тенденции, в сущности, ничто иное как тенденции старого материалистического детерминизма, считающего нужным искать причины явлений не-

пременно в движении вещества . . . Но после десятков и даже сотен лет споров между детерминистами и индетерминистами, думающая элита все больше приходит к выводу, что все наши поступки и движения «детерминированы» — да, но детерминированы они, главным образом, нашим внутренним содержанием, как физиологическим, так и психическим. Повторим, что в этом понимании заключается и решение старой проблемы свободы воли. Свобода выбора не значит выбор беспричинный. Беспричинности в мире нет. И само наше «я», то есть психо-физическое целое, тоже образовалось благодаря множеству физических и психических причин. Но оно есть, и оно действует. Это не просто проводник внешних раздражений через «рефлекторные дуги». Это активное целое со свойственной ему волей.

В двух словах: свобода нашей воли и наших действий не обозначает недетерминированность, но детерминированность нашим «я», в противоположность несвободе, которая заключается в принуждении совершать нежеланные, или неестественные для нашего «я» поступки, или в удержании от желанных и естественных . . . Когда принуждение диктуется обстоятельствами, выбор все же исходит из нашего «я». Истинное принуждение и истинная несвобода выражаются обыкновенно в насилии человека над человеком . . . Такое простое решение, и так сходится оно с нашим внутренним чувством и здравым смыслом!

И все старания Сеченова и других доказать (опираясь, кстати, на совершенно наивные представления о развитии ребенка), что произвольные движения, в сущности, тоже непроизвольные и «роковые», так как когда-то они имели корень во впечатлениях внешнего мира, бьют мимо цели и нашей свободы воли не опровергают.

Нужно ли прибавить, что у Рубинштейна Сеченов и Павлов оказываются противниками «эпифеноменалистической тенденции»? . . . Рубинштейн старается облагородить и очистить от некоторых старых ошибок и сам диалектический материализм. А так как гораздо легче убедить «ведомых» и даже «ведущих» отказаться от прежних ошибочных догм, чем разбить их веру в непогрешимость кумиров, то приходится, исправляя ошибки старых учений, находить подтверждения правильности изменения взглядов у тех же старых авторитетов . . . Признаться открыто, что ошибались и путали сами эти кумиры еще невозможно.

Точно так же и новым партиям приходится говорить, отказываясь от старых заблуждений марксистского учения, что ошибались не его создатели, а его толкователи. Так рас-

плачивается теперь и сама партия в коммунистических странах за те, отлично сфабрикованные, но лживые мифы, с помощью которых она в течение десятков лет воспитывала народ. Впрочем, это не первая и наименее тяжкая ее расплата за обожествление вождей... Да простят меня читатели за это отступление.

В итоге, наш аргумент № 2 заключается в следующем: вся потрясающая, хотя далеко еще не изученная, сложность жизни нашего тела, включая работу клеток нервной системы — всё это находится в зависимости от психической энергии, но и она от них. Она — это то, что командует нашими произвольными движениями, что повелевает шевелиться нашему языку, поднимает руки и ноги, и т. д., а для этого заставляет работать и все то, что с этими движениями сопряжено. Психическая энергия тесно связана с витальной, а ей подчинена вся жизнь нашего тела. И в то же время между всеми энергиями, действующими в нашем теле, бесспорная связь. Закон сохранения и превращения энергий осуществляется и в нас. Но энергии нашего существа не равноправны, и у каждой — атомной, химической, электромагнитной, тепловой, витальной и психической — своя роль. И, хотя физико-химические энергии лежат в основе нашего тела, произвольными движениями командуют не они, а наш дух, который есть ничто иное, как проявление наивысшей энергии, связанной с нашим телом. Наша психика чувствует, мыслит и ставит цели. На наше тело она действует через витальную, а витальная опирается на остальные.

Аргументы социальные.

Наши первые два аргумента были посвящены вопросу, законно ли выражение «психическая энергия». Мы нашли, что оно законно во всяком случае по отношению к индивиду, обладающему психикой. Посмотрим дальше, приложимо ли понятие психической энергии к социальным явлениям, и какую роль играет психика в социальной жизни... Само собой разумеется, ничего нового, о чем бы не знали обыкновенные люди, а тем более такие гении, как Маркс, Энгельс и Ленин, мы говорить не будем. Но бывает, что факты простые как падение яблока с ветки не привлекают внимания мыслителей, а бывает и так, что факты, не вмещающиеся в гениальную теорию, сознательно ими игнорируются.

III — Психическая энергия основа экономики.

Множество потребностей нашего тела дают о себе знать в ощущениях, которые уже нельзя отнести к просто переходной витальной энергии, но именно к психической. Ощущения приятные и неприятные, удовлетворения и неудовлетворения, голода, жажды, холода, утомления, страха и т. д. — одним словом ощущения со знаком минус и им обратные ощущения со знаком плюс, и отсюда стремление к насыщению, отдыху, ограждению себя и своих близких от перемен температуры и всевозможных опасностей вместе с желанием всевозможных удовольствий — все эти психические явления служили и служат постоянным импульсом для создания оружия и орудий, для постройки жилищ, приобретения одежды и т. д. со времен доисторических и по наше время. Удовольствие и неудовольствие со всеми оттенками и во всех степенях — основа всей экономики.

Начиная с элементарного удовлетворения при насыщении и согревании, включая все ощущения и желания, вызываемые велениями традиций, моды и всякими лжепотребностями, и кончая самыми высокими интеллектуальными наслаждениями духовно-этического порядка — все они толкали на добывание необходимого или желанного, на обмен добытым, на поиски, путешествия, труд, создание денежных знаков, на все более широкий товарообмен и торговлю, на создание различных предприятий и обществ и даже стимулировали творческую работу во всех областях искусства. Всей теперешней экономической системы с ее отдельными работниками и производителями, с ее союзами и компаниями, со всеми промышленными предприятиями, фабриками и заводами, с бесчисленными разнообразными товарами, с ее товарохранилищами, магазинами, базарами, продавцами, посредниками, биржами, банками, трестами, рекламами, способами сообщениями и т. д., и т. д. — всего этого не могло бы быть, если бы у людей не было соответствующих потребностей и спроса. И, прежде всего, с одной стороны вполне законного желания обеспечить себя и свою семью, а также социально полезной предпринимательской энергии, а с другой — слишком неумеренной жажды наживы, роскоши и власти.

Человек с его потребностями, стремлениями и психическим содержанием «определяет бытие», то есть создает общественное устройство, а не наоборот. (Что не значит, конечно, что среда не влияет на формирование человека). И в мире животных: не муравейник создает муравьев, а му-

равьи муравейник. Только метафорически можно говорить, что муравейник «создает» муравьев. Буквально, то есть на самом деле, муравьи строят муравейник благодаря особым, заложенным в них свойствам, которые мы называем инстинктами . . .

Даже рефлексологи принуждены признать, что «приятные или неприятные ощущения являются сигналами для соответствующих рефлексов нервной системы» . . . И это не очень-то согласуется с теориями крайних рефлексологов, так как, если бы они потрудились подумать в этом направлении и дальше, то они должны были бы признать, что «психическое» управляет телом.

И само изобретение денежной системы явилось положительным результатом стремления человека, свободно, по своему выбору, приобретать нужные ему товары, разумно экономя свой труд и время. Упразднение правительством денежных знаков поставило бы народ в полную зависимость от правительственных чиновников.

И судьбы имуществ, орудий производства и капиталов, права на них и переход из одних рук в другие (продажа, наследование, перераспределение, экспроприация, грабеж и т. д.) зависят не от законов какой-то абстрактной экономики (как учили когда-то некоторые экономисты), а от множества условий, имеющих корень в психике человека: от законов и постановлений, от традиций или реформ, от войн и революций, от процента граждан честных и бесчестных, знающих и невежественных, от умения или неумения вести дела и т. д., и т. д.

В итоге: психическая энергия лежит в основе всей экономики.

IV — Психическая энергия основа социальных отношений.

Пророки, мудрецы и полководцы
Пришли, прошли и след их уничтожен.
Другим черед за новое бороться,
Но в новом повторяется все то же.

. . . . .
Истлеют в прах сокровища искусства.
Империи рассыплются на части.
Текуче все. Бессмертны только чувства,
Простые человеческие страсти.

М. Волкова.

Этот четвертый аргумент посвящен у нас одному из подвидов психической энергии, как самому распространенному и яркому — ненависти и любви. Некоторые рефлексологи

отрицают их в мире животных, но даже и они не пытаются их отрицать в мире человеческом: в своих теориях они о них только не упоминают . . . Мы не будем здесь останавливаться на других сходных социальных чувствах отдельно, как например, симпатия и антипатия, доверие и недоверие, сочувствие и зависть, эгоизм и альтруизм, сострадание и злорадство, властолюбие и жажда справедливости, скромность и стремление возвыситься над другими и т. д. — не будем просто потому, что невозможно в этой маленькой книжке объять необъятное. Между тем, все эти чувства настоящие двигатели социальной жизни.

Нужно ли напоминать, какую огромную роль, роль как раз двигающего фактора, то есть энергии, играют любовь и ненависть в человеческих взаимоотношениях? Как в личных, так и в общественных, национальных и даже расовых? Увы, нужно, несмотря на все наше уважение к читателю, который не может этого не знать и сам. Нужно потому, что в некоторых учениях и особенно в марксистской истории человеческого общества этот фактор сознательно игнорируется. А между тем, все построено на нем больше, чем на манипуляциях с капиталом. Еще не было ни денежных знаков, ни капиталов, а любовь и ненависть уже образовывали семьи и группы, объединяли в труде и веселье, поднимали на войны и восстания. И то же они делают и теперь.

И разве могли бы побеждать и распространяться сами коммунисты, если бы они базировались только на марксистскую, будто бы научную и будто бы стройную, теорию, а не делали ставку на ненависть пролетариата к «угнетателям», цветных народов к «колонистам», атеистов к «религиозным ханжам и мракобесам»?

А покорность ведóмого большинства, падающего ниц перед обожаемыми Марксом, Энгельсом, Лениным, Сталиным-Мао-Дзе и т. п., разве не основывается на их разукрашенных портретах и биографиях больше, чем на восприятии их учения?

И наконец, разве хитрые правители, исподтишка подготавливая войну, не проводят в своих народах кампанию возбуждения ненависти к будущим противникам? И не эксплуатируют при этом, с помощью лжеинформаций, самые благородные чувства возмущения «бездушием», «несправедливостями», «зверствами», а так же чувство любви к родине?

Но довольно, довольно, ведь все это известно с давних времен! И только простого вывода из этих фактов почему-то не делают. А вывод этот тот, что психическая энергия любви и ненависти руководит социальными движениями и группировками и отношениями между ними.

V — Психическая энергия основа культурного прогресса человечества.

Очень распространено весьма педагогичное мнение, что основа развития общества труд. Без оговорок и объяснений это утверждение очень поверхностно, и часто дает возможность власть имеющим им злоупотреблять. Отметим прежде всего, что в основе не машинообразного труда тоже лежит психическая энергия — это для нашей темы, пожалуй, самое главное. Но нам хочется поговорить и о роли труда в человеческом обществе, вообще.

Нельзя, конечно, отрицать, что разумный труд — одно из условий поддержания жизни и процветания индивидов и обществ (хотя и в этом правиле есть исключения). Но условия жизни это одно, а условия прогресса другое. Трудятся и пчелы, и муравьи, но что-то за тысячелетия не заметно в их обществах никаких прогрессивных изменений. Труд даже для поддержания жизни не всегда обязательная необходимость. Количество необходимого труда стоит в прямой пропорции не с прогрессивным развитием общества или индивида, а с тяжестью жизненных условий: чем легче удовлетворяются потребности, тем меньше нужно труда, и наоборот: чем тяжелее борьба за существование, тем больше надо работать, чтобы выжить. Во время войн, всяких катастроф и бедствий больше всего приходится напрягать усилий, чтобы выжить самому и спасти других.

Количество труда необходимого для поддержания жизни зависит и от климата, и от сезона, и от географических и геологических условий, и от густоты населения, и от действий друзей и врагов, и от принадлежности к той или иной социальной группе, и от технических средств, облегчающих жизнь, работу и борьбу, и наконец, от здоровья, физических и умственных сил индивида, его пола и возраста. При особенно неблагоприятных условиях женщины работают за всю семью, стареют к 20 годам, а к тридцати умирают; а при особенно благоприятных могут жить, как бабочки, и даже предоставлять другим женщинам заботиться о своих детях, как кукушки. При особенно неблагоприятных условиях

мужчины начинают тяжелую работу в детском возрасте и умирают от перегруженности трудом преждевременно; а при особенно благоприятных — могут жить, как паразиты или трутни, главным образом «перелетая с цветка на цветок и жужжа».

При этом надо сознаться, что некоторые женщины бабочки и некоторые мужчины трутни могут блистать красотой и остроумием и приносить свою утонченностью или мудростью известную долю радости или даже помощи окружающим и обществу. Справедливости в этом мы не видим, но факт остается фактом. Впрочем, для всестороннего разрешения проблемы о роли труда в обществе, надо было бы, прежде всего, точно определить, что мы называем трудом. Невозможно, вместе с Марксом, то совершенно не замечать и не принимать во внимание интеллектуального труда, то вдруг о нем вспоминать. Например, было бы кричащей несправедливостью считать учащуюся молодежь всех общественных групп, корпящую над книгами с шести-семи-летнего возраста, не трудящейся. В наше время дети и юношество работают гораздо интенсивнее, чем большинство взрослых. То, что их работа не столько творческая, сколько планированная, делает ее еще тяжелей.

Наконец, надо принять в соображение также, что нередок и бесполезный, и вредный труд. Очень возможно, что в современном человечестве количество бесполезного труда даже превышает количество полезного.

Однако, нельзя не признать, что труд — одно из условий поддержания жизни индивида и, тем более, общества, несмотря на все исключения. Но условий для поддержания жизни очень много, и даже еще более необходимых, чем труд (например, подходящий для жизни воздух, климат и почва, возможность пропитания и др.), мы же хотим указать на специальные условия для продвижения вперед человеческой культуры. Понятно, они не отрицают условий нужных для жизни, наоборот, они их подразумевают, но сами они представляют из себя нечто большее. Марксизм видит эти условия, во-первых, в создании технических орудий, а во-вторых, в борьбе. Верны ли эти утверждения?

Можно согласиться, что технический прогресс есть одна из сторон общего прогресса, тесно связанная с остальными. Остальные были бы прогрессом интеллектуальным (или научным), этическим (или социальным) и эстетическим (или художественным). Разделение это условно, не категорично, все эти стороны, несмотря на взаимопроникновение, прогрессируют по разному, но все же они существуют. Что же ле-

жит в основе их всех? — В основе технического прогресса — изобретение, открытие, сознание своей и общей пользы, то есть разум, то есть интеллектуальная энергия. В основе этического или социального прогресса — силы добра, то есть те чувства со знаком плюс, о которых мы уже говорили, — сочувствие, солидарность, любовь. Они побуждают к уступкам в ссорах, к забвению пустяковых недоразумений и обид, которых возникает так много между людьми против их желания, к солидарности в работе, к помощи в беде... О том, что в основе интеллектуального или научного прогресса лежит сознание общей пользы и разум, даже смешно упоминать. Наконец, в основе художественного прогресса лежит чувство красоты и восхищения перед не утилитарным творчеством. Одним словом, в основе культурного прогресса вообще, включая и технический, находится всюду и всегда психическая энергия.

Что касается марксистского утверждения, что прогресс является результатом борьбы, то оно просто скверная пропагандная фикция. Культ борьбы, как таковой, еще более бессмысленен, чем культ работы, как таковой, и гораздо опаснее.

Бесспорно вредного труда не так уж много. (Например, производство опиума и других наркотиков в количестве большем, чем требуется в медицине). А о бесполезности труда можно часто спорить. (Например, можно говорить, что, казалось бы, бесполезный труд мореплавателей, отправляющихся искать жемчуга, заморские ароматы-приправы к пище богачей, страусовые перья и т. д., привел к развитию мореплавания и открытию новых земель. Точно так же очень спорна полезность или бесполезность современной астронавтики: труда и денег на нее тратится очень много, а ведь она, может быть, ни к чему хорошему человечество не приведет. Наконец, можно даже защищать гонку вооружения, так как необходимо же обороняться от возможного истребления своего народа врагом... И так далее. Впрочем, последний пример уже относится больше к борьбе).

Между тем, бесспорно и безусловно вредной борьбы в истории человечества не счесть. Взаимное оклеветывание и портящие социальную жизнь интриги и мелкие пакости, драки, побоища, войны, — сплошь да рядом начинающиеся из-за пустяков и недоразумений, или из-за гордости, зависти, властолюбия, жадности, авантюризма, стремления к славе, а еще чаще из-за оскорбленного самолюбия вождей и владык, сжигание поселений и городов, уничтожение целых племен и народов, пытки и невообразимые зверства во время борьбы, а после нее — торжество победителей и

страшное рабство не уничтоженных во время войны, или сразу после нее, побежденных... Какая жуткая и, увы, обычная картина в истории человечества! Если прибавить к этому злодеяния религиозного или политического фанатизма основанного, как всегда всякий фанатизм, на предрассудках и слепой ненависти к думающим иначе, к чужим и непохожим, то картина получится еще верней.

Но марксистам культ борьбы был нужен для революционной пропаганды, и они подперли его приспособленной к их политике диалектикой. В самой материи, дескать, происходит раздвоение на противоположности, и борьба между этими противоположностями приводит к новым высшим формам организации материи. Так, дескать, и борьба между противоположными классами обязательно приводит к прогрессу с помощью именно революционных «скачков». Эта уродливая и бесчеловечная софистика, заменившая вождям партии религию, оправдывала все методы для раздувания ненависти к другим прогрессивным, но более умеренным партиям и даже не только к «реформистам», но и революционерам. И сам так называемый «исторический материализм» Маркса построен по этой же программе, имеющей целью доказать историческую законность и необходимость борьбы, неизбежность Революции с большой буквы. (Западным мыслителям, недостаточно осведомленным об этой стороне ленинизма, следовало бы познакомиться с самой знаменитой вещью Сталина: «О диалектическом и историческом материализме», или с очень известной книгой М. Розенталя «Марксистский диалектический метод». Приходится поражаться тому, как мало интересуется Запад той духовной пищей, которой вынуждены питаться народы под властью коммунистической партии. Это невежество западных политиков, философов и общественных деятелей тем более не имеет оправдания, что в коммунистической диалектике, по откровенному признанию самих коммунистов, «острейшее оружие» в борьбе против старого мира).

Не знаю, будет ли когда-нибудь произведен более объективный подсчет или сравнение того добра и зла, которые принесла человечеству победа ленинского «маленького отряда»? Теперь на это трудно надеяться, так как победители приняли все меры, чтобы выставить в розовом свете годы своего владычества и в черном свете все, что было до них. Говорить нелестную о партии правду считается преступлением и теперь. Но на самом деле результаты Октября были катастрофичны. К сожалению, ставка на невежество народа, перед которым закрыты все возможности для объективного сравнения, и раздувание ненависти ко всем, не

принимающим марксизма-ленинизма, продолжается и теперь всюду в странах под властью коммунистической партии. Западные благодушные и доверчивые оптимисты могут меня осудить за то, что я в философском труде говорю о политике. Но тут я рассчитываю на поддержку Ленина и ленинистов, которые не отделяют философию от политики непреходимой чертой... С другой стороны, политика для меня не «грязное дело». Политикой должны, по моему, заниматься только люди с чистыми руками и непоколебимой любовью к правде... В этом я с коммунистами расхожусь... Но я верю, что только правда и лучшее знакомство друг с другом настоящих и так называемых «врагов» может спасти мир от последней катастрофы...

Честное соревнование в работе и игре и честная борьба идей несомненно ведут к прогрессу. Но «борьба», состоящая в удушении свободного слова и уничтожении своих критиков самыми низкими способами, ведет к интеллектуальному и моральному упадку.

Изобретатели технических орудий и изобретение вообще — великие двигатели вперед всюду. Но чтобы изобретение, как и труд, как и борьба, приносило пользу, а не вред, нужен не только творческий ум изобретателя, но и моральная направленность всего общества, и особенно его руководителей, которая дается воспитанием в человеке чувств со знаком плюс... Чувства эти развивали и поддерживали в людях все высшие религии. Это была их главная задача, и в этом их колоссальная заслуга в истории человечества. Кроме того, все высшие религии канализировали мистические склонности человека и уничтожали жестокие и нелепые суеверия, которые играли такую огромную роль в жизни всех народов.

Воспитание социальных чувств — правдивости («дьявол отец лжи»), любви к ближнему, скромности и прощения обид, медленно, в течение веков, шлифовало человека с его шершавой эгоистичной природой и, главное, с его неумением быть справедливым, властолюбием, жадностью и воинственным задором.

Специальной заслугой христианского воспитания было развитие чувства братства всех людей, сострадания, презрения к богатству и определение ценности человека не по принадлежности к той или иной нации, классу или полу, не по его званию, силе и могуществу, а исключительно по его «добродетели», то есть по его вере в учение любви и делам любви.

Поэтому в христианстве (даже пошедшем на компромисс с государством, даже изобилующем недостойными предста-

вителями), никогда не было культа вождей и власть имущих как таковых, а был культ святых и мучеников. В том, что вождей слишком часто признавали святыми, меньше всего виноват Христос и христианство... Но, как бы ни дискредитировали церкви и секты самих себя, какие бы ни попадались в истории «попы и папы», — Евангелие пронесло за две тысячи лет откровение любви, благотворно влиявшее на неисчислимое множество людей, помогавшее им работать и бороться за правду и добро, самопожертвовано служить больным и нуждающимся, распространять грамотность и культуру среди диких народов и, наконец, терпеливо и красиво умирать... Когда марксисты судят о христианстве, они игнорируют все эти факты и всех этих людей, а замечают только фанатиков и лицемеров, — таково марксистское зрение.

Но какое всемирно распространенное учение гарантировано от того, что среди его последователей не окажется множества поверхностных формалистов, тупых фанатиков и хитрых лицемеров? И какая истина не может быть искажена?

Вся историческая судьба христианства была судьбой человеческой со всеми присущими человеку блужданиями и ошибками. Но это не мешает тому, что Христос, «Бог раненый жалостью», является для христиан как бы центром излучающейся энергии любви, одно прикосновение, к которой просветляет и преобразует.

И нужно ли считать историческим парадоксом, что народы, исповедовавшие христианство, оказались на нашей планете самыми культурными и передовыми?

Непонятно, как можно не восхищаться самим духом христианства и направлять борьбу не против фанатизма и лицемерия, а против него самого!

Быть может, коммунисты спросят, в чем же заключается этот дух? Не в рабской ли покорности? И не в пренебрежении ли земными делами ради «небесного царства»? — Но и эти и другие выпады против христианства опровергаются самой жизнью: подлинники христиане отдают свой труд и делятся своим имуществом с нуждающимися. («Вера без дел мертва есть». «Возлюби ближнего своего, как самого себя»)...

Дух христианства выражен лучше всего в Нагорной Проповеди и Заповедях Блаженства Христа... А в чудесной молитве народного просветителя IV века, Ефрема Сирина (которая читается ежедневно в церкви во время великого поста,

и которую недаром любил Толстой и многие другие наши писатели) говорится:

Господи, владыка жизни моей, дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не дай мне. Дух же целомудрия, скромности, терпения и любви даруй мне, рабу твоему. Ей, Господи, дай мне видеть мои прегрешения и не осуждать брата моего...

Правда, такое стремление к самосовершенствованию не способствует насильному совершенствованию других с помощью пули и голодного пайка! Да и «рабы Божьи», пожалуй, не захотят беспрекословно подчиняться земным божкам...

Сколько было среди христиан революционеров, но революционеров любви и гнева, а не марксистской диалектики! Приведу здесь слова одного из них, быть может, самого героического и чистого из знаменитых революционеров XIX века, Иосифа Мадзини:

«Никогда не было ни одного серьезного шага в деле усовершенствования человеческого общества без того, чтобы главной причиной этого усовершенствования не была вера. И потому всякое учение, не основанное на вере, всегда было и будет бессильно улучшить общественный строй. Ему, может быть, удастся создать прекрасные формы, но этим формам будет вечно недоставать той искры, которую Прометей похитил с неба».

Но предположим, что представление о положительной роли религии в воспитании человека и истории человечества неправильно. Пусть я и миллиарды верующих вместе со мной ошибаемся. Это не мешает истинности утверждения, которое выставляет мой пятый аргумент: так или иначе, с помощью религии или без ее помощи, но движут человечество вперед разум и социальность, то есть психическая энергия.

Мы можем продолжать наши перечисления и дальше: поместить, например, под VI описание роли властолюбия, низкопоклонства и интриг в семье, обществе, государстве и на международной арене; под VII указать на особые свойства человеческой психики в толпе, в семье, в одиночестве, в армиях, коллективе, партии и т. д.; под VIII напомнить о влиянии на нашу жизнь с одной стороны инстинкта самосохранения, а с другой — энтузиазма, с одной стороны подража-

тельности, а с другой — самостоятельного свободного творчества, и т. д., и т. д. . . . Наконец, под X^n — о катастрофических последствиях невежества, заблуждений и глупости как вождей, так и масс, в истории целых народов . . . Но нужно ли это?

Всякий, кто знаком с литературой и искусством, тысячи раз мог читать и видеть талантливейшие иллюстрации той простой истины, что история делается людьми. Даже те, кто не имел возможности научиться грамоте и приобщиться к культурной жизни, и те испытывают на собственных боках и видят вокруг себя постоянное действие «простых человеческих страстей», то есть феноменов психической энергии.

Подведем итоги.

После всех сенсационных открытий нашего века имеем ли мы право говорить об энергии так, как говорили до них? Несомненно имеем, если только это понятие мы будем употреблять с достаточной строгостью. Нельзя забывать, что наука открыла сначала разные родственные феномены и системы изменений в видимых нами телах и причину этих изменений назвала силами или энергиями, а потом уже добралась до атомных и внутриатомных движений субмикроскопического порядка. От этих открытий не потеряли объективности изменения в видимых телах. Именно они важны для человека, и в конечном итоге, именно ради нашего видимого мира, а не ради невидимого, создалась все наша сказочная техника. Все удивительные открытия и теории физики и электроники несколько не уничтожили реальности систем существующих в нашем обычном мире. «Головокружение от успехов» науки не должно доходить до отрицания ее основ.

А если так, то остаются правильными и прежние подразделения на различные энергии и всё, что мы знаем об их превращениях и изменениях . . . покуда, конечно, факты нашего же мира им не противоречат.

Однако, это не значит, что мы не можем выделять новых энергий там, где для этого находится основание. Так выделены были уже в нашем веке внутриатомные и внутриядерные энергии, о характере которых еще можно спорить, сводя их к уже известным энергиям. Да и сами понятия электромагнитной энергии и силы притяжения (всемирного тяготения) появились в науке только в последние века.

Как ученые приходят к признанию энергий? — Выделяя разные взаимосвязанные феномены, эффекты и изменения

в системы, имеющие свое, особое, влияние на окружающую среду и, главное, на родственные феномены. Пользуясь этим критерием, посмотрим еще раз, существует ли психическая энергия.

Связаны ли друг с другом психические явления, или они связаны только с раздражениями, идущими из внешнего мира? — Как бы ни трудились рефлексологи (определенной формации) доказать обратное, но психические феномены связаны так же, и даже в высшей степени, друг с другом. Неподвижны ли они? — Конечно, подвижны. Отличаются ли они от мира вещественного? — Да, отличаются. Подчиняются ли они своим особым законам? — Да, подчиняются.

Тот факт, что психические явления связаны не только друг с другом, но и с нашей нервной системой и также с внешним миром, нисколько не мешает их выделению в отдельную систему: ведь явления всех энергий тесно связаны со своими генераторами и тем, что их окружает.

Производят ли, наконец, психические феномены особое действие на окружающую среду и на родственные феномены? Иначе говоря, является ли психика силой, влияющей на существование людей и среды? — Да, является. И не только «влияющей», но творчески определяющей жизнь человека и общества и творчески изменяющей окружающую среду.

Итак, у нас есть все основания для того, чтобы выделить психические феномены в особую энергию . . . даже опираясь только на самые обыкновенные, неоспоримые факты.

Между тем, существуют явления более редкие (или реже нами замечаемые), о которых всегда велось и ведется до сих пор немало споров, как среди ученых, так и среди простых граждан.

И именно эти необыкновенные явления служили — для одних — подтверждением то ли их религиозных убеждений, то ли веры в «сверхестественное», в духов, в сношение с загробным миром и т. д. А для других они казались загадками, которые надлежало объяснить с научной точки зрения.

Самое простое это без долгих размышлений отвергать все то, что не укладывается в современные научные представления. Так многие и поступали в прошлом веке, когда им говорили о гипнозе, о предчувствиях опасности, о телепатии, о том, что люди нередко оборачиваются, когда чувствуют на себе чей-то взгляд, и о гораздо более редких случаях ясновидения, необъяснимых галлюцинациях или видениях, удивительных пророчествах и пророческих снах, о чудесных излечениях и т. д. — Все вранье, и баста! Документы? Свидетели? — Вздор!

Однако, явления гипноза теперь наукой признаны и рационалистически объяснены. О гипнозе мы читаем и в медицинских учебниках как о факте неоспоримом. Телепатия признана пока не всеми, но постепенно и она (то есть передача мысли, чувства или образов на расстоянии без посредства слов, мимики, каких-либо знаков, одним словом без вещественной сигнализации) входит как научная отрасль в сферу лабораторного изучения.

Само собой разумеется, «серьезные ученые» подходят к телепатическим явлениям, так сказать, снизу, начиная с явлений простейших. Например, в помещении одной лаборатории сидит лицо (индуктор), мысленно внушающее другому (перципиенту), находящемуся в другой лаборатории — за несколько стен, или километров, или даже сотен и тысяч километров — какие-то несложные действия: двигать такие-то вещи, воспроизводить такие-то жесты, нарисовать несложные геометрические фигуры или вещи и т. д. Принимаются меры, чтобы никакого сообщения между первым и вторым возникнуть не могло. Ясно, что телефоны, радиоаппараты и т. д. исключены. Оба сидят взаперти, без свидетелей или с наблюдателями, которые не знают задания. И вот выясняется, что перципиент иногда более или менее правильно исполняет задание индуктора. Так как такие опыты производились в очень большом количестве, исключая возможность случайного совпадения, — оно могло бы быть по теории вероятностей лишь в ничтожном проценте успешных исполнений задания — то ученые были принуждены признать факт передачи мыслей на расстоянии.

Ясно, что такой статистический и строго доступный проверке подход в наше время единственный, с которым материалистически настроенные люди могут считаться. Но он совершенно не удовлетворяет тех, кто был свидетелем или испытал на себе явления необъяснимые, потрясающие и гораздо более замечательные.

Известно, что каждая наука начинается с собирания материалов. Нельзя сказать, чтобы для парапсихологии, то есть науки, изучающей явления, которые раньше назывались сверхъестественными, материала не хватало. Наоборот, его всегда было слишком много: сколько фантастических рассказов, сознательной и бессознательной лжи! И, между ними, действительное пережитое и безусловно переданное людьми несомненно честными и способными относиться критически даже к своим собственным воспоминаниям и наблюдениям . . . иногда и слишком критически благодаря скептицизму нашего века.

Задача выбрать жемчужные зерна из кучи, нагроможденной самовнушением, воображением, доверчивостью, желанием подтвердить или опровергнуть какую-нибудь гипотезу и всякого рода шарлатанством, так трудна, что мы можем назвать ее почти неразрешимой.

А с другой стороны, люди с наиболее интенсивной духовной жизнью естественно не хотят отдавать на суд толпы и на суд современных ученых свои самые глубокие и интимные переживания. Что более чем оправдано.

Поэтому — несмотря на изобилие книг, написанных на парапсихологические темы, несмотря на издание серьезных парапсихологических журналов, специальные машины и лаборатории и работу очень авторитетных ученых — я не включаю в эту главу никаких парапсихологических доказательств существования психологической энергии.

Оно очевидно и без них.

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Здесь я освобождаюсь от условного согласия с монистическим материализмом, по которому все реальное есть материя, и поэтому могу, как большинство, говорить материя и материальное вместо вещество и вещественное.

В том, что психическая энергия существует, у меня нет никакого сомнения. Только по недоразумению в науке о ней не говорят до сих пор, как не говорили раньше и о тяготении и об электромагнетизме. Признание ее вопрос времени. Но психическая энергия должна быть непохожей на физические энергии, и с этим ученым надо будет считаться всегда.

Читатель может спросить: зачем же было столько писать о физике и о современных открытиях и зачем задавать вопрос о том, что находится за веществом, если никакого ответа автор не дает? И даже не склонен поддерживать гипотезу, по которой в основе материального мира находятся психоны (или волны, или психоны, движущиеся волнообразно) психической энергии?

Я пишу о физике потому, что в XX веке она вступила твердо в область той физической реальности, которую уже нельзя считать материальной (на языке моего монистического материалиста «вещественной»). Иначе говоря, физика очень приблизилась к тому, что является уже темой за-физики, то есть метафизики. Превращение материи в энергию и энергии в материю, доказанное Эйнштейном в 1905 году, может служить как бы прообразом, или иллюстрировать физически и математически возможность «объективации» той божественной эманации, о которой писали некоторые великие философы. Но, как ни замечательны современные физические открытия, они оперируют только физическими, а не психическими реальностями... если не принимать во внимание «психизм» микромиров (по Борегару и др.), или то, что законы природы можно отнести к психической реальности (см. пятую главу). Идея, что мир является

одним из атрибутов Божества, и сходная с ней идея, что мир есть излучение или эманация Божества, живет на протяжении всей истории философии, включая XIX и XX век, так же как и идея «объективации», которую можно сравнить с превращением энергии в материю.

Все это очень соблазнительно для умов, ищущих истину на путях науки. Нельзя не признать, что представление о мире, как об «объективированной» (материализованной) божественной эманации, величественно и грандиозно. И если я не принимаю его всецело, если мне ближе не столько *мета* или *за-физическое*, сколько простое и привычное (но не антинаучное!) представление о психической энергии, как о свойстве личностей и Личности, то это не значит, что я категорически отрицаю возможность и божественной эманации философов . . . Когда-то, может быть, эта концепция будет и доказана . . . вряд ли все же лабораторными методами.

И когда я соглашаюсь с тем, что психическая энергия «пронизывает Вселенную», то подразумеваю под этим не психоны и не волны, а законы, созданные Творцом Миров, Величайшим Художником и Математиком.

СПИСОК ИМЕН

- Аксельрод — стр. 80.
 Аристотель — 25, 31.
 Ахиллес — 40, 67.
 Барнье — 35.
 Баум — 37.
 Беккерель — 44.
 Бергер — 86, 87.
 Бергсон — 71.
 Блохинцев — 48, 49.
 Бор — 35, 50.
 Борегар — 71, 125.
 Брой (Louis de Broglie) — 29,
     36, 37, 39, 47, 49, 50, 53.
 Бросе (электронич. словарь)
     — 25.
 Бруно — 62, 63, 71.
 Бюхнер — 26.
 Варьяш — 80.
 Вижье — 36, 37.
 Виргилий — 98, 101.
 Волкова — 112.
 Вундт — 71, 101.
 Гегель — 73, 81, 82.
 Гейзенберг — 21, 42.
 Гексли — 12.
 Гельмгольц — 25.
 Гераклит — 26, 50, 92.
 Герцен — 17, 32.
 Гоббс — 80.
 Дарвин — 33, 92.
 Декарт — 39, 62, 66, 69, 80,
     101.
 Демокрит — 80, 92.
 Державин — 100.
 Дидро — 8, 71, 73, 84.
 Диоген — 108.
 Дицген (отец) — 15, 16.
 Дицген (сын) — 16.
 Дюкрок — 35, 36, 37, 39.
 Евтушенко — 17.
 Жолио — 36.
 Зельманов — 40.
 Зенон — 40, 108.
 Кант — 66, 82, 101.
 Кийе-Фламарион (краткий
     энц. словарь) — 25.
 Клозе — 95.
 Конт — 101.
 Кюри — 44.
 Лавуазье — 44, 47.
 Ларусс (энциклопедия) — 25,
     26.
 Лейбниц — 26, 62, 66, 71.
 Ленин — 5—8, 11—17, 20, 21,
     23, 24, 38, 56, 71, 74, 105,
     110, 113, 118.
 Леукип — 92.
 Ломоносов — 101.
 Лосский — 72.
 Лукреций — 52, 72.
 Мадзини — 120.
 Мао-Дзе — 113.
 Марио (Луи) — 60, 61.
 Маркс — 5, 12, 15, 16, 32, 48,
     73, 74, 80, 81, 105, 106, 110,
     113.
 Мах — 20—21.
 Менделеев — 75.
 Минковский — 40.
 Ньютон — 40, 60, 66, 68.
 Овчинников — 20, 24.
 Опарин — 33, 95.
 Оппенгеймер — 49.
 Павлов — 109.
 Паскаль — 66.
 Пастернак — 98.

- Паульсен — 71.
Пирогов — 101.
Планк — 49, 50.
Плеханов — 8, 71.
Розенталь — 118.
Рубинштейн — 9, 105, 106,
108, 109.
Сеченов — 109.
Синельников — 38, 39.
Сирин (Ефрем) — 119.
Ситтер (de) — 62.
Соколов — 41, 55.
Соловьев (Вл.) — 101.
Спенсер — 26.
Спиноза — 71, 80, 101.
Сталин — 20, 24, 113, 117.
Толстой — 16, 17, 30, 101, 120.
Томсон — 25.
Фехнер — 71.
Фурман — 41, 55.
Христос — 119.
Чернышевский — 17.
Шадвик — 36.
Шарден (Тейяр Де) — 72.
Шеле (Ив.) — 45, 46.
Шредингер — 50.
Эвора — 52.
Эйнштейн — 10, 21, 39, 44,
45, 48, 50, 62, 72, 91, 101,
125.
Энгельс — 5, 10, 12, 14, 16, 20,
32, 73, 80, 82, 83, 94, 105,
110, 113.
Эпикур — 92, 99.
Юм — 31.
-

**ФИЛОСОФСКАЯ
ТЕТРАДЬ**

1 июня 196 ..

Я разболелся всерьез за границей и, по удивительному стечению обстоятельств, попал на воды не в Крым или на Кавказ, а за границу.

Вряд ли я тут долго задержусь, но надо признаться, что в этом курорте далеко не плохо, а главное, я могу осуществить свою давнюю мечту — завести себе «философскую тетрадь» . . . Я, понятно, не сравниваю себя с Лениным: Ленин это солнце, а я всего лишь капля росы, в которой на миг отражается солнце, и которая через миг исчезнет. Но и капля приносит какую-то пользу, и я надеюсь послужить хоть немного прекрасному, вечно зовущему на подвиги работы и борьбы, коммунизму.

Я даже доволен, что заболел. Чуть ли ни всю вторую половину моей жизни я мечтал подумать спокойно и без помехи над одной философской проблемой. Никогда не хватало времени. Когда раньше я успевал читать наших философов, многое интересовало и задевало очень, но не хватало решимости писать самому и им отвечать. А потом меня засадили за планирование . . . тут уж и читать пришлось бросить. Планирование для того, кто выносит на себе черновую работу, каторжный труд. Лучше воду носить в дырявых ведрах . . . Кажется, у меня начинается припадок . . .

Хоть был я и невеликой шишкой, но неприятности, когда план оказывался негодным, получал я, а похвалы, когда выходило впопад, доставались моему начальнику. Он больше разглагольствовал и подписывал, а я занимался до поздней ночи сводкой и сверкой . . . Уф, определенно припа-

док . . . попробую еще побороться . . . Знаете, старый анекдот? Жена спрашивает мужа — «ты почему это возвращаешься в три часа ночи?» — «А я занимался сводкой и сверкой». — «С водкой и с Веркой?! Ах ты негодяй, циник» и т. д. Но я был честен, работал и больной, не спал ночами, корпел над тысячами бумажек без всякой водки и Верки. Никогда меня на попойки не тянуло . . . И все-таки эта желчь . . .

3 июня.

Позавчера, к счастью, припадок помешал продолжать Ужасно я начал: все о себе да о своих незадачах, не для того я завел эту тетрадь. Но не буду вырывать первую страницу, оставлю, как написано: видно уж очень накопилось. Прорвалось, так прорвалось, это тоже жизнь . . . Главное, дальше не отвлекаться никакими своими болячками или диагнозами, а сконцентрироваться на том, что важнее жизни отдельного человека, на правде . . . которой, увы, столько, столько приходилось изменять. Хотя чаще всего во имя чести родины, а это, так сказать, святая ложь. Впрочем, точнее не «родины», а партии, но ведь это почти все равно: партия — это лучшее в родине. Но сейчас, здесь, хочу быть правдивым до конца.

Итак, дальше самое важное, что меня беспокоило давно. Представляю себе, что я пишу диссертацию, но не для Университета, а для своей совести. Начну с того, в чем я уверен, на чем базируюсь, только так я смогу разобраться в своей проблеме. И значит, лишь отсюда начнется моя

ФИЛОСОФСКАЯ ТЕТРАДЬ

Утверждая, что я материалист, сделаю ударение на «диалектический», как говаривал иногда сам наш великий учитель Ленин.

Ядро диалектики есть учение о единстве противоположностей. Раздвоением единого на противоположности и борьбой между ними объясняется появление новых качеств. Отсюда прогресс есть результат борьбы. И отсюда необходимость последнего решительного боя между капитализмом и коммунизмом. Как говорил Ленин в своей «Военной программе пролетарской революции»:

«Только после того, как мы низвергнем, окончательно победим и экспроприруем буржуазию во всем мире, а не только в одной стране, войны станут невозможными».

И нельзя бояться борьбы: борьба это диалектический и исторический закон. Как говорит Ленин в своей замечательной статье «О лозунге разоружения»:

«Если теперешняя война вызывает у реакционных христианских социалистов, у плаксивых мелких буржуа только ужас и запуганность, только отвращение ко всякому применению оружия, крови, смерти и проч., то мы должны сказать: капиталистическое общество было и всегда является ужасом без конца. И если теперь этому обществу реакционнойшей из всех войн подготавливает конец с ужасом, то мы не имеем никаких оснований приходить в отчаяние».

Все наши старые философы тесно связывали мировую диалектику с общественной. Например, М. Розенталь, книга которого служит руководством для студентов не только у нас, но и в братских странах, пишет в «Марксистском диалектическом методе» так:

«Каждая вещь, каждое явление, каждый процесс, учит марксистская диалектика, есть единство противоположностей: «вещь (явление etc.) — пишет Ленин — как сумма и единство противоположностей». Это положение диалектики имеет универсальное значение: нет такого явления в природе, ни в общественной жизни, которое не подходило бы под это определение диалектики. В своем фрагменте «К вопросу о диалектике» Ленин подтверждает это на примерах из основных областей науки. Он пишет:

- В математике плюс и минус. Дифференциал и интеграл.
- „ механике действие и противодействие.
- „ физике положительное и отрицательное электричество.
- „ химии соединение и диссоциация атомов.
- „ общественной науке классовая борьба.

(Ленин, Философ. Тетрадь).

Или в той же книге Розенталя:

«Учение материалистической диалектики о движении, как единстве и борьбе противоположностей, дающее единственно верное понимание движения, является основой подхода ко всем явлениям природы и общества. Понятно поэтому, почему Ленин называл это учение ядром диалектики».

Ясно, что нельзя принимать бой, когда это заведомо выгодно неприятелю; надо уметь лавировать, соглашаться, идти на компромиссы, пока мы недостаточно сильны, учит нас Ленин... Но я остановлюсь здесь не на политической силе диалектики, а, так сказать, на космической. Ведь с ее помощью, не прибегая ни к каким реакционным толкованиям метафизического характера, легко объясняется, как образовалось на Земле все богатство и разнообразие природы.

На каждом шагу в процессе эволюции первобытной материи на Земле мы видим диалектические превращения. Они видны во всех физических и химических процессах, в появлении первой протоплазмы, затем в превращении ее в чувствующую материю и, наконец, в мыслящую.

Эти процессы происходили и происходят в бесчисленном множестве, как результат многих накопившихся количественных перемен, качественными скачками. Очень много движений в течение очень долгого времени, диалектически, то есть путем борьбы противоположностей, приводят к высшему качеству. «Количество превращается в качество», как сказал гениальный Маркс.

Так природа, то есть движение материи, произвела в своем развитии и дух, как свою диалектическую противоположность. Определить существо духа невозможно, так как это предельно широкое понятие в нашем познании, так же, как и понятие материи, и их невозможно подвести ни под какое более широкое, что уже давно объяснено нашим бессмертным учителем.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что развитие материи привело в конце концов к ее противоположности — психической жизни. Точно так же, например, развитие феодального строя приводит к его уничтожению, а развитие капитализма к отрицанию капитализма — социализму и коммунизму! Конечно, обязательно при помощи качественного скачка, то есть революции. С диктатурой пролетариата. Под нашим руководством.

5 июня.

Нет, не могу не занести вчерашнего разговора. Буду такие вставки записывать немного сбоку... Лечится тут одна старая русская беженка еще крымской эвакуации. Этакая жердь косматая. Я ее, конечно избегал, но она ко мне лезла. После того, как она мне очень помогла во время припадка, случившегося со мной в глубине парка (я хожу туда несмотря на предупреждение врача, уж очень хочется побыть наедине с природой) стало неудобным с ней совсем не разговаривать... И вдруг вчера застаю ее за чтением «Основ марксизма-ленинизма», коллективного труда наших философов.

— Разве вы читаете наши книги?

— О, да. И прочла их немало. И беллетристику, и философские книги.

— Что ж, убедили вас?

— Идеи-то основные у вас очень старые — истребить зло насилем и самим стоять во главе этого насилия. И чтобы никаких споров с вами не было. Это старо, как мир. А вот социология у вас оригинальная: разделить человечество на два лагеря ради окончательной борьбы между лагерем эксплуататоров и лагерем эксплуатируемых... Это вместо изучения всех реальных групп, из которых состоит человечество и человеческие общества! Ведь на деле эксплуатируемые и эксплуататоры есть в каждой группе. Часто даже в семьях. По существу аргументация не то наивная, не то шарлатанская. Но зато до чего же наукообразно и даже академично представленная! В не разукрашенном научными страницами, то есть в голем виде, идейки то жалкие, и вы их старательно пристёгиваете к настоящим научным теориям и открытиям... Так иная любящая мать не замечает уродства своих детей, но зорко следит за тем, чтобы они были одеты по моде...

Признаюсь, подпустила она мне эту блоху под рубашку, и я сразу даже не нашелся, что ответить. Но потом вспомнил все наши достижения и успехи и прочитал ей (уж очень она меня задела) длинную лекцию насчет того, что показала на деле работа Партии, и чего добился со своими «жалкими идейками» ленинский маленький отряд!

А она этак нервно закусывала губу и потом заявила, что... да стоит ли вспоминать? Нет, в этой тетради я должен написать и это, потому что вчера разволновала она меня очень, хоть я и виду не показал. Рассмеяться мне, положим, как хотел, не удалось, возмущение перевысило, но чувствую, что фраза моя «все это наглая ложь от первого до последнего слова» не была достаточной реакцией... Так вот, она заявила (опираясь на платан спиной, но размахивая руками, сверкая глазами и раскрасневшись, как свекла), что:

— что полстолетия коммунисты берут на свой счет все, чего добивается каторжной работой русский народ;

— что Партия преувеличивает свои достижения и указывает только на то, что ей выгодно;

— что умалчивает о том, сколько народу погибло именно из-за Октябрьской революции;

— что если бы Партия не уничтожала следы своих промахов и преступлений, то всякому стало бы ясно, что Октябрьская революция принесла гораздо больше зла, чем добра;

— что в России было бы, без большевиков, вдвое или втрое большее население;

— что Россия, к нашему теперешнему времени, была бы, добровольным союзом разных народов и при этом самой передовой, самой счастливой, самой мирной, самой сильной и самой демократической страной на Земле;

и наконец,

— что во всем теперешнем международном напряжении и войнах виноват ленинский маленький отряд и его продолжатели!

... У меня до сих пор ощущение, словно грязью облили наше самое дорогое... Этакая гадюка эмигрантская... У нас таких разговорчиков никогда бы не допустили! Не дотянула бы эта ведьма и до 30 лет!..

Впрочем, стоит ли терять хладнокровие? Кто теперь слушает всяких беженцев? Все их миллионы, со всеми их газетами, мемуарами, журналами и книгами не весят и одного слова нашего правительства... Я надеюсь, что больше не буду об этом думать. А старуха, может быть, искренно верила тому, что декламировала: ночью у нее, говорят, был припадок еще худший, чем у меня позавчера.

Вообще, все эти беженцы вымирают. Скоро вымрут окончательно беженцы крымской эвакуации, то есть свидетели революции и даже дореволюционной жизни. Затем наступит очередь и других. Узнал я здесь, что их порядочно миллионов — из Китая, из Тибета, из Кубы, из братских демократий, из Восточной Германии, да и наши послевоенные... Всех их не истребишь, но они ведь не опасны: давно всем надоела их вольтка.

В сущности, старушеницю надо пожалеть: как страшно должно быть так ошибаться... Но подходить к ней, во всяком случае, больше не буду. И давно пора мне вернуться к моей философской тетради.

Повторю еще раз, что диалектическое развитие есть борьба противоположностей, и в результате этой борьбы получается прогресс. Таким же образом появляется на Земле и высокоорганизованный человек: первобытная материя, оказавшаяся миллиарды лет тому назад в том раскаленном шаре, из которого после образовалась Земля, развивалась в борьбе противоположностей и, скачкообразно приобретая все новые свойства, создала, в конце концов, ту особую ор-

ганизацию, которая имеет своим свойством мышление. Физическое дало психическое! Иначе говоря, материя дала наконец свою противоположность — дух! Однако, эту противоположность материи и духа нельзя понимать чрезмерно и поэтому нельзя отделять мышление от мозга.носителем духа является в высшей степени человек.

До сих пор я совершенно точно изложил основы диалектического материализма. Я даже не менял формы изложения, а брал целые фразы из книг наших великих учителей. Я и дальше исхожу из этих основ, но дальше я позволю себе отойти несколько в сторону от избитого тракта.

Диалектические процессы должны, конечно, происходить не на одной Земле: если бы было иначе, то это в корне подорвало бы диалектический материализм. Каково же отношение эволюции материи, происшедшей на Земле, к эволюции материи во всей Вселенной? Какое место занимает Земля в вечности и бесконечности? Ясно, что ничтожное место.

В процессе *вселенской* эволюции материи *земной* процесс эволюции есть только история капли из невообразимо колоссального потока. Какие бы огромные числа ни находили геологи, все же ни один геологический период не приближает нас к началу вечности. Эпоха, когда Земля находилась в газообразном состоянии, так же далека от начала вечности, как и наша эпоха, потому что у вечности начала нет. И сама-то эта эпоха газообразного состояния Земли есть тоже следствие чего-то другого, а это другое третьего, и так далее в бесконечность. Поэтому говорить о первичности и вторичности можно в отношении материи и психики лишь тогда, когда мы рассматриваем материю и дух в границах одной эволюции Земли, изолированно от эволюции окружающего ее мира и самой Вселенной. Дальше, то есть за пределами земной эволюции, относительность этих понятий становится несомненной, так как причины и следствия, по слову Энгельса, меняются местами: — «Причина и следствие суть представления, которые имеют значение как таковые только в применении к данному отдельному случаю; но, как только мы будем рассматривать этот случай в его общей связи со всем мировым целым, эти представления сходятся и переплетаются в представлении универсального взаимодействия, в котором причины и следствия постоянно меняются местами: то, что здесь или теперь является причиной, становится там или тогда следствием, и наоборот». Так говорит Энгельс. Следовательно, когда у нас делается ударение, что развитие всегда идет вверх, то это, по моему, оптимизм для юношества или для народа.

Да и на самой Земле процессы развития могут приводить от вторичного к первичному. Например, если в результате научной эволюции, в борьбе противоположностей, человечество взорвет свою планету, и Земля снова вернется в газообразное состояние. Да наконец, и гораздо более мелкие процессы подтверждают эту мысль: ведь все, что умирает, все, что теряет свою высокую организацию, например, мозг человека, деградирует и разлагается на свои более простые части. Высокоорганизованная материя исчезает, процесс развития приводит к своему отрицанию, к противоположности — к процессу разложения. Таким образом первичное возвращается, становится на место вторичного: это диалектика жизни и смерти.

6 июня.

Еще насчет вторичности и первичности. Раньше у нас ставили ударение на то, что есть процессы необратимые. Ну, например, не может развитие семени идти сначала к цветку, потом к бутону, потом к выросшему зрелому растению, и т. д., и наконец, к ростку показывающемуся из семени. И точно так же не может психическое, которое ведь появляется в результате долгой эволюции материи и в конце развития особо организованных организмов, вдруг сделаться первичным... Психическое, дескать, всегда должно быть следствием и никогда причиной... Но ведь это же вздор! Верно в этом замечании только то, что циклы жизни не могут быть обратимы подобно кинематографическому фильму, ленту которого можно пустить обратным порядком. Но и только. Психическое бывает причиной сплошь да рядом. Причиной именно материальных процессов. Все научные эксперименты, вся техническая цивилизация, да просто вся обычная жизнь наша имеют в основе человеческий разум, то есть психическое. Значит, психическое в этом смысле может быть первичным.

В общем вспоминается детская загадка: «Кто первый? Курица или яйцо?» И решить ее не так-то просто. И правильнее всего так, как говорит Энгельс: то, что здесь или теперь является причиной, становится там или тогда следствием, и наоборот.

Точно так же и семя является, с одной стороны, следствием материального процесса, а с другой — причиной нового такого же...

Одним словом, надо признаться, что разделение на первичное и вторичное в споре между атеизмом и религией вносит только путаницу и нисколько не опровергает возможно-

сти, что психическое находится в основе Вселенной. Вопрос остается открытым, и пока наука не может его решить. Решать его может пытаться философская мысль, которая бывала иногда впереди науки. Взять хотя бы древних атомистов.

Я-то, конечно, остаюсь диалектическим материалистом.

Вернемся к тому, что мы не имеем права рассматривать земную эволюцию независимо от остального мира. Нельзя говорить об истории части, не принимая во внимание влияние целого на эту часть. Невозможно предположить, что в ничтожной части Вселенной, Земле, происходят какие-то процессы, которых больше нигде нет, что она повинуетя особым законам, и т. д.

Гм... кто-нибудь, пожалуй, подумает, что можно критиковать само понятие «части Вселенной»... Дескать, в бесконечности не может быть не только начала, середины и конца, но и частей?.. Дескать, в математическом отношении, там, где знаменатель бесконечность, никакой числитель не даст ничего реального, потому что любой числитель (скажем наша Земля) деленный на бесконечность, даст что-то такое инфинитезимальное, что его скорее можно будет сравнить с нулем, чем с реальной Землей?..

Я могу ответить на это, что такая математика беспокоила бы меня, может быть, если бы наука не открыла бесконечности и в бесконечно малом. Мы находимся где-то в среднем плане между бесконечно малым и бесконечно великим. Человек и Земля такая же несомненная реальность, как и движение. Тут меня никакие «вещи в себе» и идеализмы не собьют... И, хотя по сравнению с бесконечно великим наш средний план ничтожен, по сравнению с бесконечно малым он огромен. А еще удивительнее (и великолепно!) то, что наш средний план пронизан обеими бесконечностями: и великой, и малой. И это дает нам еще большее право называть себя частью Вселенной... Но вовсе не определять математически, какая именно часть!

Я совершенно не собираюсь решать проблему отношений бесконечностей во Вселенной. Я даже думаю, что эту проблему никто не сможет решить никогда, что в ней величайшая тайна. И, как это ни странно, сознание того, что мы таинственно пронизаны вселенскими бесконечностями, наполняет меня восторгом. В конце концов так ли уж необходимо все тайны открывать?

Это мое чувство не очень-то гармонирует с нашим постоянным стремлением все познать... но жизнь совсем без

тайн была бы скучна. Недаром человек всегда любил и тянулся к таинственному . . . Впрочем, можно быть уверенным, что и перед наукой, сколько она ни двигалась бы вперед, тайны останутся всегда.

Так «торжественно и чуждо» было думать об этом всем вчера, глядя на ночное небо. На бумаге выходит совсем не то.

Однако, вернусь к диалектическому материализму широкого тракта.

Главное это, что мы не можем подходить к миру как к хаосу случайностей, или к Земле как к изолированному предмету: «мы не метафизики, не махровые буржуазные мракобесы с их гнилостным подходом к науке» (выражаясь языком подлинных ленинистов и сталинистов).

Мир не есть скопление и нагромождение разрозненных тел и явлений, он представляет единое целое, и следовательно, все в нем подчинено тем же диалектическим законам, которые действуют на Земле. «Марксистский диалектический метод неопровержимо доказывает, что единственно правильным является подход к природе, как к *единому целому*», пишет, например, наш знаменитый ученый и философ И. В. Кузнецов в «Философских вопросах современной физики». (Он даже запускает там такую фразу: «— Никакой подлинно научный подход к исследованию природы невозможен в конце концов без решения вопроса *каков мир в целом*». Тут уж он, по-моему, немножко перехватил).

«Успехи научного мышления особенно значительны там, где оно базируется на философию диалектического материализма», повторяют все наши книги. Поскольку философ хочет идти вперед, он должен строить смелые гипотезы, как нас учат классики, на базе диалектического материализма . . . Так будем же и мы свободно строить нашу смелую гипотезу на той же базе: мир объективен, Вселенная — единое целое, материя развивается в борьбе и единстве противоположностей, человеческий разум всемогущ или почти всемогущ, и никто не смеет ставить преград на его пути!

До чего же мне здесь хорошо! Сегодня доктор вдруг спрашивает: «Вы, что — влюбились? Вы помолодели за эту неделю на десять лет!» И когда я отрицательно мотнул головой, наставительно добавил: «Видите, как вам помогает наше лечение». А я просто счастлив от того, что могу думать над чем хочу, сколько хочу и как хочу. И что по вечерам хожу в парк и вижу звезды. И что мысль работает.

Но больше всего я счастлив от того, что чувствую, что эта работа мысли приведет к безусловным доказательствам того, о чем я думал уже давно... но о чем еще пока я не сказал ни слова.

9 июня.

Все ж таки не так уж много тут у меня свободного времени и, главное, одиночества. Познакомился вчера с grosмейстером, славным в прежние времена, и не удержался — играл с ним эти два дня почти без передышки. Интересный старик, француз, но отлично помнящий старую Россию, в которой жил подолгу.

Нет, наши философы правы, утверждая, что развитие всегда идет вверх. Или вширь, одним словом, к высшему. Постарение, например, уже не есть развитие человеческого организма. С момента, когда начинается старость (не будем придирааться к слову момент), развитие организма в целом останавливается и наступает его постепенное разрушение. Но при этом в том же организме идут самые разнообразные процессы, часть которых может быть и полезным для нас развитием (например, можно еще долго учиться и совершенствоваться в разных отраслях труда), а другие идут во вред организму: развиваются всякие болезни, язвы, порча зубов, опухоли, седина волос... Все это отдельные процессы, и в каждом развитие идет вперед, но их развитие разрушает организм... Значит, надо отличать развитие целого от развития частей, и тогда можно полностью согласиться с тем, что всякое развитие (как таковое) всегда идет вперед. Еще пример: никто не скажет о разложении трупа, что труп «развивается», но само его разложение состоит из развития всяких мелких процессов, которые сами по себе идут вперед... пока и они не начнут умирать.

Собственно, смысл расширения или роста, обогащения или усложнения заложен в самом слове «развитие»... Гм... это похоже на открытие Америки. Но во всяком случае и тут диалектический материализм прав.

Да и как может быть иначе, когда его создали наши вожди, и с его помощью мы завоевываем мир!

Все же уточним: развитие идет всегда вперед, но реальные процессы, представляющие из себя циклы, кончающиеся смертью или разрушением, идут вперед только до того момента, когда — в итоге всех внутренних изменений — развитие начинает уступать место разрушению... так сказать, антагонистическим процессам.

Это получается не так оптимистично, как в наших книжках, но что же делать, если это факт. Даже галактики и те погибают . . . Вместо поговорки «ничто не вечно под луной» мы можем теперь сказать «ничто не вечно во Вселенной». Кроме самой материи, конечно. Как указывают наши классики: «Мир есть ничто иное, как вечно движущаяся материя».

И тут, наконец, я подхожу к самому главному . . . Ведь есть, есть что-то вечное, *есть организация, которую невозможно разрушить, которая никогда не умирает, потому что она вечна и бесконечна: это сама вселенная.*

Сопоставим же эту истину с двумя основными диалектическими истинами: «в результате столкновения противоположностей получается прогресс», и с другой, еще более важной: «в результате большого количества маленьких количественных перемен появляется (скачком) новая крупная качественная перемена». Иначе говоря, появляется нечто совершенно новое, чего, до тех пор в природе не было.

Сопоставили? С вечностью Вселенной? Следовательно? . .

Хороший шахматист уже наверное сделал бы неизбежный вывод . . . Почему говорю хороший шахматист, а не хороший философ? Потому что даже у хороших философов способность делать логические выводы часто настолько перегружена старыми философскими рассуждениями, что они вытесняют всякую новую мысль.

Но будем терпеливы.

Напомним прежде всего, что диалектические законы должны действовать во Вселенной повсюду.

И отсюда вывод:

если, в результате мелких количественных перемен и крупных качественных, в ходе сравнительно недолгой эволюции (в масштабах астрономических несколько миллиардов лет это недолго), материя на Земле организовалась из физической в органическую и из органической в мыслящую, то ясно, что этот процесс только ничтожная часть такого же процесса, который должен был происходить и во всей Вселенной в целом. Ведь материя Вселенной имела в течение своей вечной истории бесконечно большее число количественных перемен, чем материя Земли, а следовательно бесконечно большее число и качественных изменений. *Количество ведь превращается в качество.*

Эти качественные изменения должны были быть, опять-таки, бесконечно поразительнее, чем те, которые произошли на Земле. Иначе говоря, материальная Вселенная, как Целое, не может не представлять из себя наисовершеннейшей организации и, конечно, уже произвела свой наивысший

цвет — дух. Для этого у нее «было достаточно времени»! . . . И именно такой дух, который хоть пиши с большой буквы, потому что он должен отвечать всей материальной Вселенной, как ее общее произведение, неотделимая от нее психическая функция, мировой разум, чувство и воля . . .

Смешно и нелепо было бы ограничивать психику Вселенной только разумом, или только волей, как это делали Гегель, Шопенгауер и еще некоторые другие буржуазные метафизики. Ясно, что духовное цветение Вселенной безгранично полнее и шире, чем расцвет земного животного — человека.

В самом деле, какая наивная идея — обкарнать, изувечить психику Вселенной, оставив ей какой-нибудь один или два свойства человеческой психики! Недаром создалась отличная русская пословица — «на всякого мудреца довольно простоты» . . . Впрочем, эти господа метафизики были гниlostным порождением издыхающего капитализма, как их характеризуют у нас . . . Спиноза к нам ближе, потому что он приписывал Вселенной бесконечное количество модусов или атрибутов. Но Спиноза все же далек от того представления о Вселенной, которое вырисовывается при углублении в диалектический материализм: Спиноза ограничивал мощь своего пантеистического Бога, превращая его в многообразную и неизъяснимую, но подчиненную детерминистическим законам *субстанцию*. Мы же этого делать не можем, так как Вселенная должна быть качественно несравнимо богаче, чем человек.

А если так, то какова же должна быть ее духовная сила?!

Нет никакого сомнения, что наисовершеннейшая организация материи — сама Вселенная — должна обладать соответствующим ее материальному совершенству духом. *Бесконечное количественное развитие в вечности должно привести к качественному совершенству, то есть к абсолютному духовному могуществу!*

Вот та идея, которая как будто вызревала во мне в течение всех последних лет, но которую я только сейчас сформулировал . . . И как же я счастлив и горд! Спасибо, спасибо тебе, диамат!

---

10 июня.

Ах, да, здесь я должен сразу ответить на одно возражение, которое напрашивается при первом же ознакомлении с моей диалектической идеей. Мне могут сказать: — да, вечная, бесконечная и сложнейшая организация Вселенной

должна, действительно, обладать каким-то, нам непонятным, совершенством; — да, она, действительно, вершина развития над всеми развитиями . . . Но . . . Но Вселенная ведь не состоит из органической материи?! Между тем, дух есть следствие развития не всякой, а именно органической материи. Ничего похожего на нервную систему мы во Вселенной не находим.

Это очень серьезное возражение, и пропустить его невозможно. К тому же, оно должно прийти в голову всякому, кто начнет вникать в мою мысль. Приходило оно, конечно, и мне. Но я после, правда, долгих размышлений его отбросил. И вот почему: нервная система в мире животных и человека создавалась под влиянием необходимости их приспособления к условиям жизни на Земле. Надо предполагать, что на других планетах, где есть живые существа, нервная система будет иная, приспособленная к условиям существования на этих планетах . . . Ну, а к чему надо было бы приспособляться Вселенной? Ясно, что ни к чему! Следовательно, было бы смешно искать в ней сходства с известными нам биологическими организмами.

Никому в здравом уме не придет в голову искать в ней сердце, ноги, руки, желудок, мозг и т. д. Почему же мы должны искать во Вселенной нашу земную органическую материю? И что-то похожее на нервную систему? Это непродуманно, чтобы не сказать просто глупо . . . Впрочем, какие-то намеки в этом роде делаются тогда, когда атомы сравнивают с солнечными системами, а галактики с молекулами. Почему бы в таком случае не продолжить и не сравнить лучи электромагнитной энергии с нервами Вселенной? Или силу притяжения?

Только, по моему, это было бы слишком грубо антропоморфично. Нельзя изображать Вселенную с детской наглядностью по образу человека или животного. Повторяю, мы никак ее вообразить не можем, она бесконечно сложнее всех наших схем, идей и концепций.

12 июня.

Опять отвлек меня мой француз, в этот раз не шахматами . . . Если в кого здесь можно влюбиться, так это в него: блестящие глаза, прямая высоченная фигура, до сих пор пышная шевелюра . . . говорит лучше многих наших писателей и презанимательно рассказывает о старой России. Но главный подвох для меня (подвох в том смысле, что отнял два драгоценных дня) был в том,

что он подсунул мне «Афины и Иерусалим» эмигрантского философа Льва Шестова. И при этом потребовал, чтобы я сказал свое мнение. Я прочел, вернее проглотил почти все (хотя возмущался с самого начала), так оригинально и талантливо защищает Шестов самую старую, самую мракобесную мысль: разум нас, дескать, обманывает, а надо верить против разума. Одним словом, льет воду на мельницу атеистов.

Такая философия отнимает у религии самое сильное оружие. С помощью разума и логики Шестов старается унижить разум и логику, и они мстят ему тем, что переходят на сторону атеистов.

Впрочем, почему я пишу в настоящем времени? Процесс этот длится давным давно, и у нас постоянно вспоминают с презрением фразу какого-то там древнего религиозного учителя «верую, потому что абсурдно». Вспоминают и прибавляют, что разум на стороне атеизма, а бессмыслица на стороне религии. . . . Ясно, что в последние века столько людей потеряли веру, потому что им так и казалось. Их убедили с детства.

Если бы прежние интеллигенты продумали то, что пришло в голову мне, не было бы у верующих в Бога отказа от разума; не было бы у верующих в разум отказа от Бога; а шестовский талант нес бы его со всей его эрудицией по какому-то другому руслу.

Почему же эта идея пришла в голову мне, а не им? Ведь я же не умнее и не талантливее наших прежних писателей? Ничего нет во мне «художественного», я совсем не «растекаюсь мыслью по дереву». Наоборот, я всегда мечтал, чтобы мысль моя шла прямо, как стрела. Даже не о творчестве, а только об ответах на вопросы. . . . и больше всего на один вопрос, да зато самый важный.

Но ведь и они тоже об этом мечтали. Почему же у них не вышло? Почему? — Да потому что они не знали диалектического материализма! Они были, особенно после Дарвина, так потрясены разницей между церковными учениями и научными представлениями о мире, что им казалось необходимым выбирать между разумом и религией.

Конечно, моя «религия» очень далека от церковных учений. Я просто уверен, что Бог есть. И это все. Это ближе к пантеизму, но мой основан на диамате.

Я высказал свое мнение о книге Шестова моему французу. Сначала ничего не говорил о диамате, а сказал только, что те, кто повторяют это «верую, потому

что абсурдно», здорово вредят религии. К моему удивлению он сразу согласился со мной. И даже прибавил, что большинство религиозных людей от разума не отказываются. И привел еще фразу, кажется, Лейбница: — «Немного науки уводит от Бога, много науки приводит к Богу».

После этого я решился спросить об его отношении к диалектическому материализму, и тут он меня разочаровал: — «Неплохое оружие для захвата власти и ее удержания в нашем XX веке». — «Да, но кроме того?» — «Если вам хочется похвал вашей официальной религии, почитайте Шошара, а я не Шошар».

Не знаю, кто это. Знаю других... В общем, я взбаламучен и сегодня писать больше не буду... К тому же начались боли.

Но разговор этот я возобновлю непременно.

13 июня.

Хоть и трудновато, как сказал бы Зоценко, познать Вселенную в Целом, но три вещи о ней мы знаем уже давно наверняка: а именно, что Вселенная вечна, бесконечна и материальна. Ни один из классиков диамата в этом не сомневался. На то они были настоящие гении. Только капиталистическая наука пробовала иногда это оспаривать, но и она теперь сдает свои позиции.

Из этих трех свойств вытекает общая характеристика Вселенной как организации совершенной.

Конечно, мы не беремся представить себе отчетливо, что такое совершенство Вселенной, но точно так же никто не может себе отчетливо представить и вечность, и бесконечность Вселенной. По правде говоря, теперь, особенно после открытий современной физики, трудно себе представить и материальность Вселенной... (разве только, если подразумевать под материальностью всякую реальность). Приходится все эти свойства Вселенной признать пока в общем.

Надо сознаться, что и величайшие гении не гениальны безгранично; и та идея, что с материальным совершенством Вселенной должно быть связано и ее психическое совершенство, почему-то им тогда еще в голову не приходила. А может быть, и приходила, но они не считали ее своевременной. Тогда эта идея могла быть даже вредной для дела революции. Теперь — другое дело. А особенно — в будущем, когда мы победим всех классовых врагов во всем мире и окончательно уничтожим буржуазию, колониализм и капита-

лизм. Но и у нас уже чувствуюся признаки постепенного перехода от благородного революционного фанатизма к спокойной объективной философии. Всему свое время и место, как говорили наши мудрые учителя.

Однако, то, что мы отвергаем в отношении всей Вселенной средневековое представление о борьбе между духом и материей, никак не значит, что мы отрицаем бесконечные смены процессов, материальных и психических, в пространстве и времени. Несомненно, что материя в результате отдельных процессов дает дух, а в результате других процессов дух этот гибнет. И поразительно прекрасна мысль Энгельса, который говорит о материи: — «С той же самой железной необходимостью, с какой она когда-нибудь истребит на Земле свой высший цвет — дух, она должна будет снова породить его где-нибудь в другом месте и в другое время». . . . Энгельс говорил, конечно, в этих строчках не о Мировом Духе, а лишь о духе тех живых существ, которые временно появляются на разных планетах. Очень может быть, что он, как и все почти передовые люди XIX века, представлял себе Вселенную не как единое целое, а как некое безграничное, наполненное эфиром, пространство, в котором кое-где вкраплены ничтожные по сравнению с ним сгустки материи — звездные миры. Во всяком случае мысль о Духе Вселенной была ему чужда. И хотя Энгельс, как и все материалисты, абсолютно пустого пространства не признавал, но вероятно не представлял себе ясно, что все вселенские пространства, как сгущенные так и разреженные, составляют все вместе единую организацию Вселенной. . . .

А может быть, и представлял, но не писал об этом, так как у него были другие задачи. . . . И не делал выводов, которые бы мешали революции. А теперь, когда мы победили, мы можем повернуть генеральную линию нашей философии, которая по своему диалектическому существу, в результате развития и борьбы противоположных идей, должна прогрессировать и обновляться. . . . Старое отмирает, а новое нарождается. . . . как объясняли нам наши учителя и философы.

Я вспоминаю, что главным образом поразило и убедило меня в правильности атеизма: — знаменитая аналогия Чернышевского — *Наше тело — свеча, наш дух — огонь. Свеча догорает, и огонь гаснет.*

Никакие философские рассуждения не действовали на меня так, как это яркое сравнение. Да и не на меня

одного. Запомнилось сразу и на всю жизнь. Только лет через семь я увидел его недостатки и его двусмысленность.

Разберем его подробнее. Во-первых, тело и дух связаны взаимно, и долгие годы тело растет и развивается вместе с духом. А огонь всегда сжигает, то есть уничтожает свечу.

Во-вторых, огонь не есть результат развития свечи, его кто-то зажигает.

В-третьих, огня во Вселенной очень много, но совсем не связанного со свечами. Значит, и психического во Вселенной может быть тоже очень много, кроме того ничтожного огонька, который тухнет, когда догорает свеча!?

А в первобытной материи жизнь кем-то зажигается?

В общем, как бы красочны и сильны ни были аналогии, нельзя аналогиями заменять доказательства.

Итак, как мы уже говорили, признать верной классическую формулу о первичности материального мы можем только в известном узком смысле, а именно касающемся биологического развития животных на Земле. Во вселенских масштабах она теряет свое значение. Да даже и на Земле приходится признать взаимную зависимость духа и материи. Очень много заговорили теперь наши философы об обратном действии надстройки, то есть духа или культурной жизни общества на его материальную жизнь, на базу. Это понятно и оправдано: *нашу* культуру надо беречь.

Поэтому к духу следовало бы применить ту диалектическую формулу, которую Ленин употребил для определения движения:

«Дух вторичен во времени и пространстве, и дух первичен во времени и пространстве. Дух есть противоречие. Он — единство в противоречии».

Но относилась бы она только к разным изменениям, так сказать, внутри Вселенной, а не к ней самой в целом. Во Вселенной в целом нет ни первичности, ни вторичности, одна вечность.

Однако, может быть, мы можем оставить понятия первичности и вторичности и для самой Вселенной, лишь придав им смысл не временной, а качественный? Чтобы с большой буквы писать не дух, а Материю? То есть дух может быть вторичен в том смысле, что он зависит, что он подчинен материи? Он — атрибут, а она — субстанция? Нет, лучше не будем возиться с этими давно надоевшими понятиями, хотя для любителей пышных и глубокомысленных терминов такое решение может показаться удовлетворительным: даже в роде материя совпадает с субстанцией, а дух с атрибутом. Но нас не может удовлетворить это чисто словесное разрешение вопроса, этот философский мыльный пузырь. И хочется мне спросить таких философов: почему качественно дух может быть ниже материи? Это звучит как-то противоестественно, а мы верим в точное звучание русского языка. Наши философы не отрицают и никогда не отрицали возможности присутствия рудиментарных психических свойств в материи вообще, в материи первобытной, как таковой, но они до сих пор эти свойства понимают как что-то бессильное и распыленное. Между тем, если считать Вселенную единым целым, то и дух ее должен быть не распылен, а организован и един.

У нас пишут теперь иногда, что «дух и материя это две стороны объективной реальности» . . . Но они не могут быть иначе как тесно связанными. А если так, то не правильнее ли считать, что дух и материя есть ничто иное как вечная, непостижимая и живая Вселенная? И, если да, то не странно ли принимать дух за отражение или продукт материи? И странно и смешно . . . Но ведь без этого, опять-таки, получается, что Вселенная — Бог?!

Представляю, как отнеслись бы к моему «открытию» друзья на товарищеском собрании . . . Сначала смешки и иронические замечания, а потом: — «Куда тебя завела твоя разнуздавшаяся пытливость?! Как мог ты признать бога, хотя бы и пантеистического!!? До чего ты дошел, действуя в одиночку, без всякой узды и указаний коллектива?! Посоветовался бы хоть с кем-нибудь из философов академиков» . . . И так далее. А между тем, с глазу на глаз, или даже про себя многие из них, наверное задумались бы над моими аргументами.

Но в самом деле, не слишком ли я перехватил?

14 июня.

Хорошо, допустим, что я в своих выводах ошибся: пусть утверждение, что дух Вселенной в качественном смысле (только в качественном, а не временном!) вторичен, а материя первична, остается в силе. Примем его за абсолютную истину. Пусть мировой дух — только функция, внутреннее состояние, продукт, отражение, или самоотражение материальной Вселенной. Базируясь и дальше на хорошо нам известные природные явления, мы во всяком случае не можем не признать, что этот дух должен обладать неизмеримой силой и влиянием на грубую материю: ведь влияет же всесторонне на жизнь наш человеческий дух, хотя он всего лишь функция и продукт мозга? На такую аналогию мы не только имеем право, но, наоборот, порочны методы тех, кто пользуется аналогиями лишь из мира физического, упорно избегая всякую аналогию с элементами психического, хотя ведь психическое так же природно и реально, как и физическое... Итак, пусть психика Вселенной будет обратная сила, но во всяком случае она сверхграндиозна. Если даже человек творит вещи, а в своих лабораториях скоро сотворит и живые организмы, то что стоит мировому духу слепить из материи человека? Или сотворить, например, Землю? Ему достаточно дать какому-то количеству материи законы движения и направление, и дальше идея мирового духа будет осуществляться сама собой.

В самом деле, разве не наводит на размышление тот факт, что движение и законы в материи как будто специально созданы для такого осуществления? Не доказательство ли это, что мы, действительно, созданы сознательной творческой волей?

Если бы этих законов не было, да не было бы заключенной в атомах энергии и всего их удивительного содержания, то материя на Земле не могла бы эволюционировать и создавать все более сложные организации вплоть до одухотворенных... Такого Мирового Духа волей-неволей приходится уже писать с большой буквы!

Нельзя не признать, что представление о Вселенной не как о механическом вместилище неизвестно почему движущейся материи, а как о непостижимой и совершенной Личности, очень напоминает прежний пантеизм да еще с определенной религиозной окраской... Как коммунист я должен бы возмущаться... Между тем, я пришел к этому заключению, рассуждая и вполне логично и вполне диалек-

тично. И если мы хотим быть честными с собой, то нам приходится его признать. Нет сомнения: Земля сотворена живой и мудрой Вселенной, Творцом всего в ней находящегося!

Но мне приходит в голову еще более беспокойное соображение: этот Мировой Дух, будучи бесконечно могущественным, мог бы ведь и отделиться от грубой материи? Он мог бы существовать и сам по себе?

Нет, я не хочу сказать, что он был бы нереальным, каким-то совершенным отсутствием всего, за что наш разум мог бы ухватиться. Нет, но что он мог бы существовать, как он хочет, без зависимости от грубой материи. Наоборот, чтобы материя зависела от него всецело... Да в сущности, это так и должно быть обязательно: ведь эволюция органического мира на Земле показывает нам с безусловной очевидностью, что чем более совершенен, то есть более высоко стоит на лестнице развития, организм, тем больше власти приобретает его психика над средой и грубой материей. Сравним возможности амебы, обезьяны и какого-нибудь ученого! А ведь наша психика находится где-то в самом начале счастливой будущей истории человечества...

Но такой, отделившийся от остальной Вселенной и командующий материей Бог мог бы, конечно, и переделывать Вселенную, как ему угодно. А так как он вечен, то мог бы быть и ее создателем... то есть создателем не одной Земли, не того или иного содержания Вселенной, а ее самой в целом? Ну, пусть это бездоказательно, но уж во всяком случае он не мог бы быть просто «отражением» материи!.. Ведь вот же наваждение. Ведь это выходит уже не пантеизм, а почти что настоящий теизм!

Нет, нет, этого я никак не желаю. Но почему ни Маркс, ни Ленин, ни вся та тьма книг, которая утверждает нелепость религии и правильность атеизма, больше на меня не действуют?

Так как я уверен, что с ума не схожу, а вывод мой мне кажется потрясающим, попробую себя проверить снова.

Диамат учит, что материя на Земле развивалась с помощью раздвоения единого на противоположности и приобретения в борьбе этих противоположностей все новых качеств. Таким образом объясняется и появление высшего цвета материи — психики. Всякая вещь, всякое явление и, конечно, всякая организация является результатом такого раздво-

ения и такой борьбы. И закону этому нет исключения... Ясно, что он должен иметь абсолютную силу повсюду в материи. Да это так и пишется во всех наших учебных пособиях и в произведениях наших классиков: «диалектический материализм дает наиболее общие научные формулировки о всех процессах, происходящих в мире вообще».

И конечно, чем больше времени бывает у какой-нибудь организации на ее процесс развития, тем более она делается высокоразвитой и сложной... до тех пор, пока процессу развития не начинают мешать и его не побеждают процессы регресса, умирания.

Какая же на свете организация самая сложная, самая долговечная, самая всеохватывающая и неумирающая? — Конечно, организация Вселенной. При этом иначе как единством она быть не может: не состоит же она из ничем не связанных кусочков! Это противоречило бы основному диалектическому закону, закону взаимодействия. Наука тут нам ничего другого пока сказать не в силах: то, что она находит сейчас, это ведь лишь доля бесконечности, да притом еще совершенно не изученная. Тут приходится думать собственной головой. К счастью, никакие Берклеты, Юмы, Канты и Шестовы, никакие агностические запреты нам думать не мешают.

Из этого всеохватывающего единства Вселенной и, главное, из ее вечной жизни следует, что она должна быть далеко впереди всех других организаций внутри нее, то развивающихся, то гибнущих. И значит, она должна иметь наивысший цвет материи — психику!.. Но организация, обладающая психикой грандиозной, совершенной, абсолютно могущественной, не может быть ничем иным, как Всемогущим Богом!

Что-то не дает мне покоя. Опять возвращается в немного измененном виде возражение, о котором я уже писал 10-го.

Скажут: органические процессы менее долговечны, чем неорганические. Камень живет дольше, чем клетка, гора дольше, чем человек. Значит, нельзя говорить, что чем дольше развитие, тем совершеннее результаты. — Нет, можно! Потому что процесс, результатом которого явился человек имеет начало не в яйце матери и даже не в первичной живой клетке на Земле, а гораздо раньше, неизвестно когда. Органическим процессам предшествуют неорганические. Почему же их не включать в процесс создания человека? А начало им когда?

---

16 июня.

Весь вчерашний день мучили сомнения, и ночь я провел кошмарную. Вдруг показалось, что вся моя аргументация построена на песке. Это было хуже припадка: рушилось что-то самое прекрасное, солидное построение оказывалось воздушным замком, летела в пропасть вся моя уверенность, а с нею и смысл жизни... Я был близок к отчаянию, но спасала надежда, что я перешагну через эту преграду, как перешагнул раньше через другие.

Под утро я заснул и сегодня проснулся поздно, словно просветленный. Голова работала ясно, сомнения рассеивались, все становилось на свое место; и вот теперь преграда уничтожена, и, как всегда в таких случаях, открываются новые горизонты. Но кое-что придется изменить, а кое-что укрепить.

Однако, надо перейти на менее личную философскую тетрадь.

В рассуждении о том, что вселенская эволюция материи, благодаря бесконечному столкновению противоположностей и бесчисленным количественным переменам в ее вечном движении, должна была диалектически привести к наивысшему качественному совершенству Вселенной, есть один пробел. В таком виде, как оно было сформулировано у меня, оно недостаточно отчетливо и требует оговорки. Дело в том, что понятие эволюции включает в себе, в числе других, представление о начале. Между тем, в вечной Вселенной нет, как уже было сказано, ни начала, ни середины, ни конца.

Можно ли говорить о «расцвете», или о «результате эволюции» Вселенной в Целом, когда любой эпохе Вселенной предшествует опять-таки вечность?

Если Бог был бы, действительно, результатом диалектического развития вселенской материи, то можно было бы задать вопрос: «когда же этот вселенский расцвет произошел? Когда Вселенная создала Бога?» Единственный правильный ответ на него был бы — «извечно». Но извечно нельзя быть сотворенным, или сотвориться самому. Не звучит по русски «создался извечно», да это и не логично. Можно лишь *существовать извечно*. Никак нельзя вообразить стадии, в которой Вселенная еще не произвела бы Бога. И получается, что Бог в ней существовал всегда. Или что Вселенная была Богом всегда!

Значит ли это, что вся моя диалектическая аргументация была неверна, как мне показалось вчера? Нет, она осталась верной, если слегка сузить ее размах... Но сначала скажу несколько слов об одной космологической гипотезе, при которой моя аргументация остается тоже в силе. Зато сама эта гипотеза более чем сомнительна. Впрочем, сейчас она входит кое-где в Европе в моду как нечто новое, но я читал о ней, совсем как не о новой, еще много лет назад в СССР. В этой гипотезе принимается, что сама Вселенная в Целом, Вселенная как Всеединство, подвержена циклам рождения, роста и умирания. Что она периодически превращается в хаос, а затем каждый раз начинается сначала развитие миров.

Никаких оснований, подтверждающих эту гипотезу нет, а есть недалекая аналогия с циклами, которые мы наблюдаем внутри Вселенной. И еще надо добавить, что с уверенностью наука может говорить о таких строго повторяющихся циклах только в мире животных, тогда как в астрономии циклы остаются гипотетическими и во всяком случае не такими закономерно однородными, как в биологии.

Но если бы эта теория была верна, то каждое очень длительное развитие очередной Вселенной непременно приводило бы ее к созданию Бога, или даже к превращению в Бога! Это неизбежно следует из законов диамата... Единственно могло бы быть иначе, если бы из очередного хаоса выростала какая-то совсем другая Вселенная, непохожая на нашу, с другими законами не связанными с диалектикой... Но тогда нельзя было бы говорить о «циклах».

Одним словом, я предпочитаю не опираться на эту скучнейшую и безнадежную теорию, а просто сознаюсь, что мои чисто диалектические рассуждения об эволюции материи не могут касаться Вселенной в Целом, что их надо отнести лишь к тому, что находится, так сказать, внутри Вселенной, что в ней не вечно.

Таким образом, надо уточнить наш вывод и сказать: материя *во Вселенной* эволюционирует, приобретая все более замечательные качества, а иногда деградируя и уничтожая в отдельных местах дух, но Вселенная в Целом вечна, и ее Дух вечен, так как она самая высшая и неуничтожимая организация материи, какую мы себе можем представить... или, вернее, какую мы даже никак себе представить не можем!

Да, да, теперь я вижу свою ошибку: то, что я писал раньше об *обратной силе* Мирового Духа надо было отнести не к нему, а лишь к тем богам, которые создавались внутрен-

ними диалектическими процессами развития материи во Вселенной... по законам, которые дал материи, конечно, Мировой Дух.

Значит, обратную силу должны иметь они, эти созданные материей боги, а высший Мировой Дух должен иметь силу не обратную, а извечную.

Но почему мы можем быть уверены в существовании Мирового Духа? Ведь оно-то не детерминировано диалектическими законами развития материи? А вот почему:

во-первых, существование Мирового Духа вытекает из самого нашего представления о вечности и всеохватывающей бесконечности Вселенной. Наука не знает никаких вечных и бесконечных материальных организаций. И вечность, и бесконечность могут быть атрибутами лишь божества. Если Вселенная — божество, то тогда понятно, почему она ими обладает.

Во-вторых, только Бог может быть первопричиной всего существующего. На закон причинности я опираюсь повсюду. И здесь я ему не изменяю. Наоборот, изменяют ему как раз те, которые не позволяют себе и другим задавать вопроса — «а что является причиной существования и самой материи, и ее движения, и законов этого движения?»

Итак, самое естественное решение всех наших проблем не в том, что Вселенная создала диалектически, в результате эволюции Мировой Дух, а в том, что Мировой Дух создал диалектические законы для материальных процессов, действующих внутри Вселенной в разных местах и в разное время. И эти процессы в свою очередь создают — в разных местах и в разное время — разных богов!

Таким образом, я пришел к заключению очень похожему на утверждение всех религий, а именно, что Земля и небо созданы всемогущим Богом. И от так называемых «высших» религий оно отличается тем, что мне приходится еще допустить многобожие!

Пожалуй, у древних греков было что-то в этом роде: разные боги на Олимпе, но над ними всеми Рок, Судьба. Странное совпадение... Впрочем, если идеи развиваются спирально... но не будем отвлекаться.

Итак, если невозможно доказать с помощью диалектики существование Бога — Творца Вселенной (или самой Вселенной — Бога), то диалектика остается совершенно правильным методом для доказательства существования тех

богов, которые должны были создаваться во время вечных изменений и вечной эволюции движущейся материи.

То, что разные боги должны были создаться внутри Вселенной, должно быть ясно каждому диалектику, и даже не только диалектику, но и всякому атеисту, убежденному, что дух есть не какой-то мистический дар Божий, а результат эволюции материи. Развиваясь, материя эволюционирует и создает все более сложные соединения, начиная с неорганических, затем переходя к органическим и кончая живыми и одухотворенными. Эти живые существа в необъятной Вселенной должны быть бесконечно разнообразны и находиться на самых разнообразных ступенях развития. Ясно, и это уже давно признается многими учеными и мыслителями, что на более старых и с подходящими условиями планетах, чем Земля, должны были образоваться существа гораздо более могущественные, чем мы... Рождение богов, так сказать, детерминировано основными положениями диамата и атеистической науки.

Эти боги по всей вероятности бессмертны или почти бессмертны, но зато они имеют начало в материи, как имеет начало в материи и человек... Гм... Они, собственно, должны состоять из какой-то особо организованной божественной материи.

И конечно, даже внутривселенские боги должны быть не рабами, а господами материи хотя бы не полностью, но в огромной степени. В общем, в степени, зависящей от степени развития, совершенства и могущества, которого достигла та божественная организация, из которой они состоят.

При их колоссальной власти над грубой материей они, конечно, бессмертны... но все же не так как Мировой Дух. Их долговечность должна зависеть от законов, созданных Мировым Духом, а еще может быть, от его непосредственной воли и, наконец, от их собственной воли. Быть может, бессмертны те, которые это заслужили, и которые этого хотят... Можно ведь и устать жить... Впрочем, они могут, вероятно, изменять свою материальную организацию и начинать новую жизнь.

18 июня.

Меня очень тянет поделиться мыслями с моим французом и, воспользовавшись нашей утренней встречей, я их изложил ему схематически, но не как свои, а будто бы принадлежащие моему приятелю. Не знаю, но мне показалось, что старик слушал не очень вни-

мательно, а когда я кончил, криво улыбнулся и сказал: — «Если я не ошибаюсь, ваш приятель утверждает, что диамат беременен многобожием?» — «Да не только диалектический материализм, но и вся настоящая, то есть материалистическая наука. Я протестую лишь против вашего французского выражения «беременен». — «Но почему же? Оно верно по существу; скорее я имел бы право протестовать против вашего деления науки на материалистическую и буржуазную... Однако, важно не это, а то, что вывод из диамата получается эффе́ктивный... Диалектиков можно поздравить!.. Впрочем, идея, что живые существа должны быть не только на Земле, довольно старая»... Я предложил ему сесть на скамейку, чтобы продолжить разговор, но он ответил довольно сухо, что ему «сегодня не до разговоров», простился и ушел.

Что такое? Неужели ему не интересно? Или он церковник? Не может быть! Сказать бы, играет с кем-нибудь приезжим в шахматы? Так нет же: он бы меня пригласил присутствовать... Признаюсь, мне было очень неприятно; но мне не нужно ничьих поощрений, обойдусь и без него.

В своей гипотезе я мыслю совершенно логично, но мое заключение отрицает атеистическую первую посылку, из которой оно исходит. Эта первая посылка: «мир есть ничто иное как вечно движущаяся материя». Старая логика сказала бы, что я ошибся, но на самом деле ошибается она. Наша диалектика меня поддерживает: — Эластичность понятий, говорят наши учителя, отражает объективную эластичность в явлениях, которые меняются и переходят в свою противоположность. И та же мысль у Розенталя: «Гибкость понятий, отражающая объективную гибкость явлений действительности, которые меняются и переходят в свою противоположность, — таков основной вывод из закона единства и борьбы противоположностей».

Вторая посылка, то есть объяснение прогрессивного развития и появления психики диалектическими законами, верна уже потому, что всеми приняты эволюционная теория и трансформизм. А значит, правилен и вывод, то есть появление богов во Вселенной, так как даже если Вселенная не вечна, она во всяком случае во много, много раз старше Земли! Значит, все правильно: моя мысль лишь повинова-

лась процессу развития, который привел ее к противоположности.

Старая логика подобна эвклидовой геометрии, а наша диалектика, как теория Эйнштейна, прибавляет к ней все-изменяющее время!

Но почему изобретатели в науке на Западе совсем не пользуются диалектическим методом, а результаты их работ, в общем, приблизительно те же, что и у наших? Или они пользуются диаматом бессознательно? Но, по правде говоря, и наши открывают новые качества в материи не столько с помощью диалектических методов, сколько специальных математических и лабораторных. Да и новые качества в материи новы только для нас, они сами по себе существовали в ней и раньше . . . Взаимодействие, правда, мы видим всюду, но как я недавно узнал, взаимодействие признается с давних пор и учеными и философами, а не является открытием Маркса и Энгельса . . . Но нет, нет, диалектический материализм верх человеческой мудрости!

И пускай на меня набросятся застарелые атеисты, повторяя, что «философия есть орудие борьбы классов и политических партий» и что «религия опиум для народа». Я им отвечаю, что в них слишком живы пережитки прошлого, что то, что было, то прошло, что у нас нет никакой борьбы классов, и потому философия перестает быть орудием этой борьбы и может, наконец, заняться объективными поисками истины. И по этой же причине, то есть потому что мы уже достигли социализма и вступаем в коммунизм, и правит сам народ в лице коммунистической партии, — и религия перестает быть опиумом для народа . . . Особенно, если она будет в ладу с коммунистической партией, будет ей помогать вести народы к чудесному будущему!

А старуха-то умерла этой ночью . . . Говорят, перед смертью выразила желание, чтобы ее тело отдали в анатомическую лабораторию для исследования: дескать, она уверена, что в районе селезенки у нее есть какая-то «интересная для науки» болезнь, кроме тех, которые уже нашли у нее врачи . . . Смешное желание быть интересной даже после смерти! . . . Говорят еще, что в молодости была яркой революционеркой. Есть такие вечно недовольные интеллигенты.

Права Партия, что оставляет их спокойно вымирать за границей, или даже обещает им прощение, если они раскаются и захотят вернуться. Такие старухи, впрочем никому не нужны.

И все-таки меня одолевают сомнения . . . Что-то вроде головокружения от этого поворота-взлета. А вдруг я не взлетаю, а наоборот, окончательно погружаюсь (по определению Ленина) в «фидеистическое болото»?

Но почему, собственно, в болото?

Я помню, и я когда-то имел необыкновенное переживание, которое иначе как религиозным не назовешь . . . Я не считаю, конечно, религиозными те минуты, когда, в самом раннем детстве, я целовал спрятанную у матери на груди иконку и очень любил Христа (за то, что он любил детей) и его красивую и добрую маму. Это длилось недолго: факт, что никакого Христа не существовало, я узнал уже в Детдоме, еще до того, как я стал беспризорным . . . Нет, я вспоминаю другое.

На другой день мне исполнялось 14 лет. Вечером, после всяких нелегких экспедиций и прятков — было лето и еще можно было кочевать по цыгански — я устроился в маленьком овражке. Там повеяло свежестью и спокойствием, это единственное, что я успел почувствовать перед тем, как заснул как убитый. Но часа через три я проснулся — было около полуночи — и сразу забыл и о голоде и об усталости: такая вокруг была красота. Я оказался среди высокой мягкой травы и цветов; ночные распустились и дивно пахли. Издали доносилось какое-то воркование и тягучие переключки ночных птиц, а совсем близко звенели хором сверчки. Но я всецело погрузился, да погрузился, но не в болото, а в звездное небо надо мной. И вдруг меня охватило непередаваемое торжественное чувство общности со всем огромным миром, благоговения и восторга. И природа словно разделяла это чувство. Словно гимн Творцу Вселенной поднимался ввысь вместе с ароматом цветов и звоном сверчков . . . И мне так хотелось передать это чудное чувство всем людям на свете . . . Ах, никогда, никогда я не смогу этого выразить!

В таком состоянии восторга я находился всю ночь и заснул только после великолепного восхода Солнца.

Потом это прошло, но не сразу: через несколько часов. Я еще был под этим впечатлением, когда в ответ на просьбу о папироске совхозный завмаг окатил меня скверными ругательствами. А еще через час я сломал зуб о слишком сухую корку хлеба . . . Тетка была жалостливая, но очень бедная, и сама заплакала, ког-

да вслед за первым у меня сломался и второй... Мы плакали вместе долго: я от боли и от какого-то неясного, но очень горького разочарования, а она сначала от сострадания, а потом от того, что ей не на что жить, и что на войне погиб ее племянник, которого она воспитала, когда исчезли его родители... Как и мои, еще за-долго до войны.

И все-таки воспоминание об этой ночи мне дороже, чем английской королеве ее Кохинор.

А потом меня устроили в колонию, и там я получил путевку в жизнь. Там научили меня благоговению и восторгу перед Сталиным и, признаюсь, я и восторгался и благоговел, но никогда так искренно и глубоко, так бескорыстно, как в ту ночь в овражке. Хуже еще: даже какое-то гадкое ощущение примешивалось где-то в глубине души к этому энтузиазму, словно душа не расширялась, а сжималась...

Там же я познакомился детально с нашим научным взглядом на мир и, как мне казалось, окончательно понял, что никакого Бога нет... Спасибо Партии: она научила меня работать, починила зубы и дала образование, несмотря на космополитизм и переписку с иностранными эсперантистами моих родителей. Я не только бесконечно благодарен Партии, но и твердо в нее верю. Верю даже в то, что новая смена реабилитирует моих родителей, которые никогда не могли быть шпионами, как их обвинили бесчестные люди, чтобы воспользоваться их квартирой. Все это мне перед смертью рассказала бабушка под величайшим секретом.

Конечно, Ленин, был прав, когда ненавидел поповщину и фидеизм, потому что они были на службе у капиталистов.

Но почему все же религия непременно «болото»? А может быть, есть разные религии и, главное, разные подходы к религии у разных людей? Ведь и к коммунизму наши граждане подходят по разному: одни в него искренно верят, а другие строят себе на их вере карьеру... но есть и третьи, и четвертые, и пятые... сколько я знаю разных отношений!

Может быть, то же самое и с религией?

У меня, в сущности, нет никакой религии, а просто гипотеза, основанная на самых реальных данных. Никакая не религия, и тем более никакой не «культ». Но пожалуй, больше чем гипотеза — уверенность.

А жаль, что Христа не существовало. Мне кажется, я мог бы его очень любить... не за то, что он «всемогущ», а за то, что он, из какой-то высокой дали, заметил людей и ценой своей жизни захотел их спасти.

Но спасти от чего? Он же не проповедовал борьбы с капиталистами, хотя и не любил богачей... От чего спасти? — Да от самих себя! Ведь человеку самый опасный враг сам человек. Но этот злейший враг может быть и самым драгоценным другом. Христианство как раз и хочет превратить всех людей в друзей... Говоря искренно, христианство очень неплохая легенда... А вдруг правда, не в марксизме, а в Евангелии? Нет, нет, до чего можно дойти, когда над мыслью нет никакого контроля! Не плоха и буддистская легенда, и в магометанстве можно найти красоту, и в конфуцианстве, мало ли что красиво: и в опиуме, и во всяком одурманивании есть красота. Нельзя же забывать о том страшном и глупом, что было в истории религии и церквей... Его было так много!

---

20 июня.

Гениальные философы создавали гениальные догадки раньше, чем наука их умела подтвердить... Но всегда ли возможно узнать безошибочно, какая философия антинаука, а какая впереди науки?

. . . . .

Как совместить внутреннее несовершенство организаций материи и их умирание внутри Вселенной с ее бессмертием и совершенством *в Целом*?

Это не только совместимо логически, но практическое подтверждение такой возможности мы наблюдаем на каждом шагу: всякая высшая организация состоит из низших, жизнь которых обычно короче, чем бытие этих организаций. Таков атом, состоящий из мельчайших частиц, жизнь которых мгновение; таков человек, состоящий из молекул; таково государство, состоящее из множества меньших организаций, и т. д.

. . . . .

22 июня.

Надо подвести итоги.

Может ли наука утверждать что-либо определенное по вопросу о том, есть ли Бог или нет? Бог — Творец мира? Она была бы принуждена ответить — «да», если бы задавала себе вопрос о первопричине всего существующего. Но она им не занимается, так как первопричина окружена и для науки неприступной тайной. Ученые ищут причин более доступных и совершенно правильно не примешивают к их поискам и систематизации того неизвестного икса, которым является для науки первопричина. Даже самые религиозные великие ученые, даже те, которые в своих произведениях свою веру подчеркивали, как Ломоносов и Ньютон, никогда не смешивали своих научных работ с догмами религии и не искали причин изучаемых ими природных явлений непосредственно в божией воле.

Но если буржуазная наука не занимается проблемой существования Бога, то наша диалектика занимается ею с самого своего создания Марксом и Энгельсом! Значит, она должна и дальше над ней работать, но соответственно уровню развития науки и самой диалектики в нашу эпоху. И вот, теперь я вижу, она должна категорически утвердительно решить вопрос о существовании многих богов, богов с «обратной силой» — произведенных эволюцией материи.

Вопроса о существовании Бога-Первопричины диалектика решить не может, но, мне кажется, она должна принять то его утвердительное решение, которое диктуется разумом и здравым смыслом... После признания многобожия это становится и нетрудным, старые запреты должны легко отпасть.

«Только диалектика дает ключ к превращению в противоположность, к уничтожению старого и возникновению нового»,

пишет Ленин, и слова его недаром повторяются во всех наших философских и научных книгах до сих пор.

К моему удивлению я постепенно узнаю, что среди знаменитых ученых было всегда очень много глубоко верующих людей, что наши книги и энциклопедические словари на этот счет осведомляли нас... немножко неточно, как сказал бы Зоценко. Я не могу за это обвинять наших авторов. Во-первых, будучи сами убежденными атеистами, они были уверены, что умный человек искренне верить в Бога не

может. Во-вторых, они естественно объясняли религиозные высказывания великих людей стремлением угодить правящей клике. В-третьих, не так уж много было у наших авторов возможности проверять свои сведения. В-четвертых, они считали, что даже если они пишут ложь об атеизме великих людей, то это полезная, «святая» ложь. Наконец, в-пятых, таков был социальный заказ: ничего другого они ни писать, ни печатать не могли . . .

В какой-то меньшей мере эти причины живы до сих пор.

К сожалению, наши философы и авторы даже самых последних учебных пособий по диалектическому материализму, хотя и остаются верными всем главным положениям диалектического материализма, не умеют сделать из них тех выводов, которые требуются развитием диалектики и изменившейся обстановкой. Они, правда, ушли немного вперед по сравнению с китайцами, но до какой же степени они остались от эпохи!

«— Шагайте вперед!» сказали бы им и Маркс, и Энгельс, и Ленин, если бы могли . . . Ведь им-то важнее было благополучие человечества, чем рабское поклонение и почтительное пережевывание их слов!

А теперь мне хочется помечтать, попытаться себе представить, какие могут произойти перемены с людьми в далеком будущем?

Техника в нашу эпоху развивается так неудержимо, что трудно предвидеть не только далекое будущее, но и самое ближайшее. Но развитию техники не удается соответствовать развитие самого человека, — это наблюдение сделалось уже ходячей истиной. Наши физические и душевные качества не так уж сильно отличаются от качеств человека, жившего две тысячи лет назад. И тогда и теперь были полузвери и гераклиты и аристотели. Правда, коммунистическая Партия и марксизм-ленинизм должны создать нового лучшего гражданина, здорового телом и духом, но, надо признаться, что пока таких граждан не очень большой процент, и что — с другой стороны — здоровые, гениальные и высоко социальные люди бывали и раньше. (Может быть, поэтому пока даже самые передовые, технически вооруженные уче-

ные, имеющие невиданную власть над материей, все же скорее похожи на фокусников, чем на богов).

Но дух человека уже творит с природой чудеса, и одним из следующих чудес будет несомненно усовершенствование человеческого тела и мозга, а следовательно и самого духа... Постепенное накопление медицинских открытий и усовершенствование медицинских инструментов приведут вероятно очень скоро к этому качественному скачку, и тогда человек сразу догонит свою индустрию. Операции и всевозможные опыты с нервной системой и мозгом животных делаются теперь во всем мире в количестве буквально бесчисленном. Может быть, уже через несколько десятков лет люди научатся владеть и командовать мозгом животных, а через сто лет смогут совершенствоваться и человеческий мозг!

Какие диалектические превращения могут произойти с нами дальше, через много тысяч и миллионов лет, мы себе представить не можем. Ясно только, что они будут происходить много быстрее, чем первые стадии развития психических явлений на Земле, так как раньше развитие происходило случайно, а теперь ему будет помогать сам человеческий разум. Совершенствование разума уже и сейчас зависит в большой степени от нашей воли. Чем дальше вперед, тем большую роль в этой эволюции духа будет играть сам дух, то есть все более развитой мозг, все более мугуще-ственные знания и все более социальная воля... Можно быть уверенным в том, что развитие духа пойдет в геометрической прогрессии, как оно уже идет в технике.

Но если нам невозможно отчетливо предвидеть наши будущие качественные изменения, то, может быть, о них знают кое-что те живые существа, чей дух прошел более длинную, или более удачную историю развития, чем наш? Скажем, на планетах более старых или с более приспособленными к жизни условиями? Впрочем, их организация совсем не обязана быть подобной нашей... Но даже если эти существа и были когда-то очень похожи на людей, и мы будем эволюционировать приблизительно так же, как они, все же они могут лишь гадать о нашем будущем, а не знать его наверняка.

Попробуем же и мы погадать, какие это могут быть качественные перемены? Во всяком случае они должны быть грандиозными: между теперешним человеком и будущим, после многих диалектических скачков, разница должна быть не меньшая, чем между какими-нибудь первобытны-

ми предками человека, например, рыбой, и современным человеком . . . Да и это только начало! Чем дальше, тем эта разница будет больше . . . И все-таки можно отчасти предвидеть, куда ведет эта эволюция: туда, куда уже и теперь стремится человеческая воля: вечная молодость и бессмертие; способность переноситься с планеты на планету и другие небесные тела; идеальная работа разума; бесконечно уменьшенная зависимость психической жизни от грубо физической; возможность обновлять и менять свой организм; чтение мыслей и, значит, отсутствие лжи; подчинение внешней природы и нашего тела нашему духу, и т. д., и т. д.

Хорошо? А?

Лишь бы человечество не уничтожило себя гораздо раньше!

Это направление развития нашего духа намечается уже теперь: медицина уже нацупывает пути к усовершенствованию нашего тела и сохранению вечной молодости, борясь с уродствами, болезнями, старостью и смертью. Техника уже завоевывает пространство. Коммунистическая Партия вырабатывает в человеческом обществе новую социальную мораль и нового прекрасного человека. Образование развивает и проясняет сознание. Правда, еще некоторые науки не проясняют, а затемняют его, но не будем из-за этого отчаиваться: препятствия в развитии будут сметены все ускоряющимся прогрессом . . . если, конечно, мы не погибнем раньше. Зато, если мы выживем, мы превратимся в существа невообразимо прекрасные и могущественные.

Если принять в соображение вечность и бесконечность мира, то надо признать, что он должен быть полон таких существ. Живут ли они только на своих планетах, перелетают ли на другие, интересуются ли жизнью своих младших братьев на Земле, мы не знаем. По сравнению с нами эти существа — боги, и очень возможно, что некоторые из них не только наблюдают жизнь на Земле, но и как-то в этой жизни участвуют . . . если, конечно, их собственные дела и развивающаяся в их среде борьба противоположностей не занимают их всецело . . . То, что они не заявляют о своем присутствии громогласно, никак не значит, что их здесь нет.

Есть люди, которые уверяют, что они ощущают свою бесспорную связь с тем или иным «духом», с теми или иными «высшими силами» . . . Если бы такие заявления можно было бы проверить научно, то наука, может быть, открыла бы для себя новую интереснейшую область!

Что значило бы, с точки зрения такой философии, быть на оси мировой истории? — Это значило бы служить одухотворению вокруг себя и в себе, не разложению, а поднятию, не падению и не дегенерации, а совершенствованию, вообще, служить духу и жизни во всех их проявлениях . . . Нет, не во всех, так как их слишком много, и между многими идет борьба за существование, а в тех, которые нам близки, доступны и понятны . . . Так как не может же Мировой Дух задавать нам такие задачи, которых мы совсем не в состоянии разрешить!

Конец

24 июня.

Пишу на отдельном листочке.

Хорошо ли я сделал или плохо, сказать трудно, но вчера я не удержался и отдал читать всю мою тетрадь Н. Н.

Потому что не знаю никого другого, в чьем уме, благожелательности и беспристрастии одновременно я был бы настолько уверен. Отмечу мимоходом, что я все эти дни держался от него в стороне, но вчера он сам подошел ко мне и извинился за то, что не принял моего предложения поговорить с ним прошлый раз: «У меня были очень серьезные причины».

Почему у меня возникла к нему сразу такая симпатия? Может быть, он похож на моего отца? Я слабо помню отца; как будто тоже очень высокий, но согнувшийся, с глазами не могу сказать какого цвета, помню

только их доброе выражение и много, много морщинок вокруг . . .

Что-то он мне скажет? Он обещал быть очень внимательным. Ночью я не спал, но и в парк не ходил из-за французского сезона дождей и собачьего холода среди лета.

Но что бы он мне ни сказал, я во всяком случае уверенности в своей правоте не потеряю. «Ты сам себе судья, взыскательный художник». Только не художник, а «искатель истины». Этот термин мне никогда не был смешон.

26 июня.

Он прочел все, разговаривать не захотел, но сделал лучше: дал мне листы из своего блокнота с заметками, относящимися к моей тетради. Эти листки я налеплю на оставшиеся чистые страницы. Это я могу сделать потому, что после долгих колебаний решил не брать тетрадь с собой. Для ее опубликования у нас несомненно слишком рано, а если она попадет в руки догматиков или карьеристов, то и она погибнет, и мне придется плохо.

Теперь все будет вместе: мой обычный дневник, «философская тетрадь», критика Н. Н. и мои возражения на его критику. Потому что на его мысли я дам, конечно, свой ответ. Еще останется место в тетради.

Итак, дальше пойдут

ЛИСТКИ

ИЗ БЛОКНОТА Н. Н.

К тетради Сергея Львовича от 3. 6.

Диамат не есть философская теория, а «острейшее оружие для победы компартии». Теория приспособленная для раздувания мирового пожара, проведения жесточайшего террора и уничтожения моральных сомнений у тех, кто его проводит.

Что касается научности диамата, то эволюционизм и последарвинский трансформизм, а так же все старые и новые науки говорят скорее о полилектике, чем о диалектике, то есть о величайшем разнообразии способов развития. Примеры Ленина о противоположностях которые приводит Розенталь, смехотворны: во-первых, их очень мало по сравнению с разнообразием в природе, а во-вторых, проводить параллель между сменами дня и ночи, или позитивным и негативным электричеством и необходимостью

борьбы классов, это или шарлатанство, или невежество, или (что в отношении ваших классиков вернее всего) аберрация фанатика.

К дневнику С. Л. от 5. 6.

Я прочел с глубокой скорбью ваши строчки об умершем здесь неделю назад моем большом друге. Эта ваша компатриотка была удивительная женщина, самоотверженно отдававшая все свои силы служению людям и несчастным зверям. К стати, она никогда не была революционеркой, потому что в те времена твердо верила, что только добром, т. е. просвещением и собственным примером можно коренным образом исправлять зло.

Когда я пытался возражать — мы познакомились в Петербурге в 16 году в госпитале, и как раз я был очень близок к революционерам — она ссылалась на Евангелие, на слова Христа — «не противься злу насилием», и тогда переубедить ее было невозможно... Только коммунистическая практика удушения свободного слова и послеоктябрьские требования раболопной покорности заставили ее поколебаться: как бороться против террора словом, когда за малейшее слово сомнения в марксизме расплачивались свободой и жизнью? Бедное слово, которое не может быть ни напечатано, ни услышано...

Я чуть было ни бросил читать вашу тетрадь, но вдруг меня поразила честность, с которой вы привели обвинения старой интеллигентки по адресу Ленина и ком. парт. Честность необычная и даже недопустимая для члена партии. Я простил вам за это не только ваше презрительное отношение к моему другу, но и то, что разговор с вами, м. б., ускорил ее смерть. Для нее было важнее, я уверен, высказать то, что она вам высказала, чем прожить несколько лишних дней.

Вам показалось, что это была «ложь с начала до конца». Увы, вы выслушали правду, но которую к. п. тщательно скрывала и скрывает до сих пор. У вас не может не быть совершенно неверного представления о 1917 годе. Я позволю себе вам сказать о нем кое-что из моих воспоминаний, хотя и мои слова вам могут показаться «чудовищной ложью».

Какое было воодушевление в Февральскую революцию семнадцатого года! Как работалось тогда, как верилось всюду, куда только проникали газеты! Все лучшие люди, настроенные хоть немного социально, принимали или мечтали принять участие в построении обновленной, передовой и свободной России. Временное правительство и отдельные общественные де-

атели проводили уже где только возможно различные практические улучшения и реформы.

Так была объявлена свобода слова, печати, религиозных исповеданий, политических и иных группировок, партий, обществ, собраний и т. д. Уничтожены всякие национальные стеснения, дана полная самостоятельность Финляндии, уничтожена смертная казнь, введено равенство голосования с правом голоса женщинам, созданы новые законы о широком городском и земском самоуправлении и кооперативном строительстве, законы, которые дали сразу мощное развитие самостоятельности городских управ и особенно кооперации. Тогда же (если не раньше) был принят закон об обязательном для всех начальном образовании. Проводилась реформа правописания. Я уже не помню всего. А в это время большевики, снабженные немецкими деньгами, пропагандировали мир с немцами и гражданскую войну внутри страны.

Да, в это время шла война, которую правительство, как впрочем, и почти весь народ, считало необходимым довести вместе с союзниками до победного конца. Считалось изменой и глупостью выйти из строя и предоставить Вильгельму возможность победы. Казалось естественным закончить войну (и это было возможно сделать в течение нескольких недель или немногих месяцев, если бы не разлагали фронт большевики) и лишь потом заняться всецело внутренними делами страны. Тем более, что только свободно избранное Учредительное Собрание должно было решать основные государственные вопросы, а провести выборы во всей великой России во время войны было чрезвычайно трудно. Выборы в Учредительное Собрание Временное правительство принуждено было отложить с октября на ноябрь.

В отношении реформ не было полного согласия, да и быть, конечно, не могло. Поэтому тогда не только работалось, но и говорилось и горячо спорилось. Большие и маленькие политические диспуты возникали свободно повсюду, даже просто на улицах, и всякий желающий мог в них принимать участие. Никакого страха высказывать свои взгляды не было ни у кого, кроме правых, и коммунисты все больше проникали в тыл и на фронт с лозунгами «мир хижинам, война дворцам», «долгой буржуазное правительство», «смерть врагам народа», «грабь награбленное» и т. д. Солдатские комитеты постепенно становились силой, которая переставала подчиняться офицерам, и эти последние боялись применять распоряжение правительства о борьбе против большевистских агентов на фронте.

Не было полного согласия и в самом Временном правительстве, так как оно состояло из блестящих представителей разных партий, хотя все эти партии и были реформистскими. Сам состав правительства изменялся не раз, и только Керенский оставался в нем с начала до конца. Каждый понимал свою огромную ответственность, и никто, даже и Керенский, не держался за власть во что бы то ни стало и не собирался возглавлять тоталитарную власть. Все разногласия и споры должно было решить Учредительное Собрание, то есть свободно избранные народом лучшие и умнейшие люди страны.

Надо сказать, что в тогдашних российских партиях было полно высокообразованных, талантливых и одушевленных социальным идеализмом людей... Почти вся интеллигенция задумывалась над проблемами облегчения жизни народа и наилучшего режима. Поэтому все передовые политические партии имели тщательно разработанные программы реформ и схемы желанного режима. Вступая в партию, каждый член знакомился с ее позитивными созидательными целями. Издавалось множество книг, журналов и специальных исследований, разрабатывавших вопросы государственной жизни, экономики, юриспруденции, индустрии, промышленности, кооперации, медицинского обслуживания населения, земской деятельности и т. д., и т. д.

(Кстати, от вас скрывают, что в России экономика шла в конце 19 и начале 20 века вперед гигантскими шагами).

На местах изучалась и описывалась жизнь фабрик и рабочих, крестьян и вообще бедного населения. Серьезнейшее внимание и большой труд посвящались изучению аграрного дела и возможных реформ. Наиболее самоотверженные интеллигенты «шли в народ» (как идут у нас работать простыми рабочими некоторые католические священники).

Коммунисты уничтожили потом огромное количество полезнейших книг и материалов только потому, что они не согласовались с марксизмом. И по той же причине исчезали смеющие спорить люди. Книги и журналы сжигались, или шли на цыгарки, а несогласным лицемерно пришивались унижительные обвинения (в воровстве, изнасилованиях и т. д.), т. к. нельзя же было сознаться коммунистам, что они ссылают на каторгу или расстреливают из-за идейных разногласий. Идейных разногласий не должно было быть там, где «восторжествовала наука марксизма».

Как могли победить в России большевики при их невероятно малом количестве по сравнению с други-

ми партиями? Во-первых, у большевиков был фанатизм, дисциплина и спайка, каких не было у других, а во-вторых, коммунисты и особенно Ленин были одержимы идеей захвата власти, в то время как Временное правительство и интеллигенция занимались бесчисленными внутренними делами страны, снабжением армии и флота, укреплением фронта и, к сожалению, идеологическими распрями. И, когда большевики власть захватили, когда у них появилось множество насущных забот, постоянной и главной заботой у них оставалось всегда — удержание власти любой ценой. Отсюда всюду, где большевики захватывали власть (они подвигались постепенно, т. к. их было слишком мало) появлялась Чека, выискивались помощники из согласных ей служить, арестовывались и расстреливались действительные и возможные враги коммунистов, от населения отбиралось все оружие, все золото и драгоценности, все пишущие машинки, одним словом все «излишки», с помощью которых люди могли бы если не бороться, то хоть сохранять свою независимость. Границы излишков менялись соответственно времени и месту, начиная с домов и квартир и кончая второй лошадей или второй курицей у крестьянки. Так как интеллигенция, даже голодающая, шла на службу к коммунистам более чем неохотно, то пришлось опираться на дезертировавших солдат, на самых отсталых и невежественных крестьян и даже на уголовных преступников. Им вручались имущество, судьба и жизнь населения. Через несколько лет власти таких деспотов уголовников, почти всегда пьяниц и часто садистов, коммунисты иногда расстреливали. Но цель достигалась: население разоренное, обескровленное и морально растоптанное становилось очень послушным.

В начале января 1918 года банда солдат, действуя по приказу Ленина, разогнала, наконец собравшееся со всех частей России, Учредительное Собрание. Голос народа Ленину не понравился, так как в Собрание вошли главным образом эсеры (члены партии социалистов-революционеров, к которой принадлежал Керенский). Непогрешимым для Ленина и его соратников был только голос Маркса, требующий (по мнению Ленина) разрушить прежде всего этот «ужас без конца» — старый мир.

Наивная вера, что с помощью изучения Маркса и «мирового пожара» совершится скачок в царство свободы и справедливости, воодушевляла всех искренних коммунистов, хотя и по разному. «Научно» и по книжному марксистских идеологов и по детски восторженно людей простых. Великая цель опьяня-

ла их как наркотик и допускала ради своего достижения все средства.

Коммунистические вожди того времени были подготовлены к управлению страной гораздо меньше, чем любой член Временного правительства, но они сумели удержать власть в своих руках... потому что не стеснялись никакими средствами.

Бессмысленными приказами и противоречивыми декретами экономика страны была разрушена очень быстро, и народ умирал бы от голода в еще большем количестве, чем это было, если бы в России не оставалось запасов от прошлого... Но никто, даже сами коммунисты, не представлял себе ясно, к каким страшным последствиям не только для народа, но и для них самих, приведет их власть.

Но и в дальнейшем сознаваться в этом у вас не смели. Все, что печаталось и говорилось, должно было непременно поддерживать веру в близящийся коммунизм и непогрешимость ленинизма.

От вас скрывают также, что за десять первых лет владычества компартии население России уменьшилось на 40 миллионов, тогда как до 1917 года, оно, несмотря на войну, ежегодно увеличивалось на три миллиона. Следы всероссийской переписи 1926 года к. п. уничтожила, повидимому, полностью.

Я уговорил Анну, тогда совершенно истощенную и больную, выехать со мной во Францию под видом моей жены. Она согласилась только потому, что увидела бесполезность аргументирования. Да и аргументировать уже не позволялось.

Во Франции Анна скоро вышла замуж за русского инвалида, имела детей и прожила очень нелегкую жизнь, зарабатывая благодаря своей талантливости выделкой художественных шарфов и платков. Детей она вывела в люди: ее сын, архитектор, и старшая дочь, педагог, давно имеют свои семьи. Младшая уехала лечить прокаженных.

Если бы не дети и не муж инвалид, да не подобранные иногда на улицах голодные или раненые звери, ей, конечно, удалось бы использовать свои силы иначе... Но вышло так «по обывательски»... Моя Анна, пожалуй, вроде Матрены Солженицина. И может быть верно, что на таких стоит мир?..

(К тетради Сережи от 9, 10 и 12 июня)

Приятно было прочесть мою лестную характеристику; тем более что я мог быть уверен в вашей искренности, так как строчки обо мне писались тогда, когда вы еще не собирались давать мне их читать... Впрочем, вы искренни до наивности, как в сущности и следует быть искренним всем.

Теперь о том, что для вас важнее всего.

Ваше заключение из основных догм диамата логически верно, и, если эти догмы правильны, то в мире должны быть благодаря вечности и бесконечности материальных процессов и комбинаций и такие материальные достижения как самые разнообразные боги. Почему бы нет?

Должен вам сознаться, что я атеист. Но атеист формации старой европейской культуры, а не марксистской. В то время как коммунисты призывают к фанатизму и ненависти для борьбы против религии и старой христианской культуры, (вы конечно не только читали, но и изучали письмо Ленина к юношеству, в котором он призывает к фанатизму) такие атеисты как я оттолкнулись от религии как раз из-за религиозного фанатизма. Иначе говоря, нам противен всякий фанатизм с его нетерпимостью к инакомыслящим, узостью и дикой жестокостью.

В сущности, мой атеизм не столько «базируется на науке», сколько унаследован от моих родителей. Они оба были атеистами и в то же время людьми исключительно широкого кругозора. Иногда — будучи оба докторами — они сталкивались со случаями необъяснимых исцелений, но, не отрицая факта такого исцеления, они считали, что наука найдет ему объяснение в будущем... Не отрицали они и того, что душевное состояние больного играет колоссальную роль в его выздоровлении... И никогда, ни единым словом, не пытались переубедить верующих, зная как дорога каждому религиозному человеку его вера.

Вот эта терпимость к религиозным и политическим убеждениям — основное качество старой европейской культуры. Но, как свобода индивида должна ограничиваться свободой других индивидов, так и терпимость должна иметь свои границы, чего свободолюбивые старые демократии не сумели во-время понять. Современная Европа постепенно теряет свое лицо, потому что примирилась с жесточайшим фанатизмом и нетерпимостью коммунистических победителей. Она предпочитает закрывать на него глаза; вернее, коммунисты сумели надеть на них розовые очки. (Я опять перешел на политику, простите, но проблемы миро-

вого пожара для меня горячее, чем проблемы философии). Во Франции джаз, скачки, спорт, всевозможные игры и состязания, радио, телевизия и мечты о роскошно обставленной квартире занимают почти все свободное от работы время среднего гражданина. Серьезных книг он почти не читает. Изобилие и спрос на криминальную и полупорнографическую прессу далеко превышает интерес к серьезной мысли. Взрослый человек работает умственно часто меньше, чем его дети. А его стремление к справедливости удовлетворяется возмущением и проклятиями по адресу давно побежденных фанатизмов, как религиозный и гитлеровский, но не смеет критиковать современных фанатиков победителей, сеющих пожары в одной части мира за другой. Информаторы прессы, радио и телевизии кричат о своей объективности, но на деле стараются угодить Москве.

Захватнические планы к. п. удались отчасти в Европе, в большой мере в Азии, провалились (пока... к. п. ведь рассчитывает надолго) в Африке и, кажется, удаются в Южной Америке. Там друг Кастро, Гевара, с его откровенностью, достойной померяться с вашей, говорит прямо, что Южная Америка должна создать несколько «вьетнамов», чтобы исчерпать мощь США, раздавить эту реакционную цитадель!

Ах, эти янки, эти мерзкие враги человечества, отвратительные конкуренты на социальном поприще и потому ненавидимые коммунистами 50 лет назад не меньше, чем сейчас! Какие негодяи, осмеливающиеся ставить палки на пути гордого шествия к сияющей цели, осмеливающиеся (далеко не всегда) поддерживать народы и дружественные правительства, зовущие их на помощь! Во все больше распространяющейся коммунистической пропаганде это, конечно, США «поджигатели войны». Между тем американцы никогда не мечтали о мировом пожаре, не нападали на Советский Союз, когда десятилетиями были сильнее чем он, не поддерживали ни Венгрии, ни Тибета именно потому, что не хотели мировой войны. И вместо того, чтобы поддержать Гитлера, напавшего на Россию, они помогли Советскому Союзу победить Гитлера. Но все это неважно, все это не в счет...

Не ошибитесь: я сравниваю не народы, а политику правительств. Ни о советских людях, ни тем более об американцах нельзя составить общего мнения. И вот, до своего участия в Первой Вел. войне правительство США даже не держало армии и не воевало со времени освобождения негров. А Европа и вы? В США был всегда свободно выбранный президент. А у вас? В США правительство всегда защищало свободу убеждений, печати, религий. А у вас? Америка не

только никогда не нападала на Россию ни до, ни после Октября, но и щедро помогала ей во время голодных лет 1930—1933... как помогала постоянно и другим, причем не одним друзьям, но и завистникам, и врагам. И чем отвечала и отвечает ей ваша партия? Она создала в народе такую бдительность к американцам, что он всегда готов к «отражению» их злодейской «агрессии»...

Меня удивляет, Сережа (позвольте мне так вас называть, ведь вы могли бы быть мне сыном или даже внуком), что вы, со всей вашей любовью к правде, не чувствуете фальши в тех характеристиках «капиталистов» и «коммунистов», которые вам внушены с детства. Впрочем, что спрашивать с отдельных лиц, когда на распространение клевет на «старый мир» и на подготовку разрушения США тратятся миллиарды и миллиарды народной валюты в течение пол столетия. Как обороняться единицам от моря систематических дезинформаций, в которое они погружены!

Ведь у вас даже наука и искусство должны служить восхвалению Октябрьской революции. Мало того, что эти требования предъявляются к авторам, но в их произведения вносятся свои поправки еще ответственные редакторы, или попросту цензора. Даже в переводной литературе цинично выпускаются, а часто и бесчестно переделываются те фразы иностранных авторов, которые могли бы повредить идеям и догмам марксизма-ленинизма!

Вы спрашивает, почему я вам посоветовал читать именно Шошара. Во-первых, потому, что других французов вы, наверно, знаете, а во-вторых, потому что он, как и вы, признает Бога. Шошар принадлежит и, если хотите, ведет французское движение тех католиков, которые расхваливают диалектический материализм и хотят сблизиться с коммунистами. Под диал. материализмом они подразумевают ту его сторону, которая согласуется с теорией эволюции, с представлением Тейара де Шардена о материи, совершенно игнорируя роковую политическую роль д. м. в марксизме. В неприкрашенном виде она сводится к тому, что обязательны не реформы, а революционные скачки, к оправданию и даже обязательности террора и революционных войн, к восхвалению борьбы не только против «ужасного» старого мира, но и против политических реформистов: старый мир надо разрушить, а не реформировать!

Шошар тоже носит розовые очки. Они скрывают от него виссекцию, производимую коммунистами над народами всюду, где они ведут подрывную партизанскую войну, и еще большую после их победы (потому

что процесс их укрепления и борьбы против «врагов народа» длится десятки лет). Скрыли розовые очки Шошара и ту вивисекцию (слово это не модно и в наше время электроники не совсем точно, но оно верно по своему грозному значению), которая была необходимой частью работ в лабораториях школы Павлова. Шошар характеризует Павлова как гения с «бескровной техникой», изучающего деятельность мозга с помощью наблюдений над поведением животных. По мнению Шошара гениальные работы Павлова могут расцениваться как основа для создания науки о психике животных... Ясно, что Шошар не знаком с детальным описанием своей деятельности самим Павловым. Это было бы странным, если бы Шошар не был так страшно занят: будучи неврофизиологом, профессором и директором Школы Высоких Наук, он является автором множества научных книг. В наше время очень трудно ученому прочесть все существующие труды даже по своей специальности.

Я вам особенно рекомендую книгу Шошара «Науки о мозге», в которой он связывает физиологию мозга с социологией, педагогикой и философией. Розовые очки заметны и в ней: Шошар несколько раз подчеркивает нечувствительность мозга при опытах непосредственно над ним, а психика животных, над чьим мозгом работает он сам, иллюстрируется у него примером крысы, которой так нравилось, когда в ее мозге действовал электрод, что она сама нажимала на кнопку, которая приводила электрод в действие... В логичности, знаниях и способности блестяще развивать свои идеи Шошар не уступает классикам марксизма. Одним словом, читать Шошара вам будет удовольствие.

(К т. С. от 18 июня)

Я опять хотел вернуть вам тетрадь, когда прочел возмутительную чушь, которую вы написали по поводу смерти Анны. Потом вспомнил, что обвинять надо не вас, а общую всем людям черту: зависимость их суждений от предвзятых идей. Ваше отношение сверху вниз к Анне результат двойной предвзятости: мужчины к женщине, да еще старой, и коммуниста к эмигрантке.

Хотелось бы мне, чтобы вы сумели в будущем стать более справедливым.

(К т. С. от 19 июня)

Я прочел с интересом описание той ночи, воспоминание о которой для вас дороже, чем самый драгоцен-

ный камень. Чувства, которые вы испытали, были не раз изображены в мировой литературе. И при этом не только мало известными, но и самыми великими писателями.

Я думаю, что вы ошибаетесь, когда отмечаете вашу детскую любовь к Христу и его доброй маме, как не религиозную. Религиозность проявляется и у самых маленьких детей как особое свойство их характера (которого у многих, у меня например, нет) в формах соответствующих их возрасту. Анна мне рассказывала, что у нее были религиозные сны в возрасте до трех лет. И я нисколько не сомневаюсь в ее словах, потому что не знаю более правдивого человека, чем Анна.

Вы, конечно, далеко не типичный коммунист. Так называемые «пережитки прошлого», вместе со стремлением к истине, вы унаследовали от предков.

Вы пишете: «Нельзя же забывать о том глупом и страшном, что было в истории религий и церквей. Его было так много». Предположим.

Но почему же к. п. забывает, не хочет видеть и запрещает вспоминать то глупое и страшное, что было в ее собственной истории? Давно пора ей избавляться от своих грехов и ошибок, а не повторять их во всепланетном масштабе. Это куда более злободневно.

(К тетр. Сер. от 20. 6. 1967)

Вас несомненно мучит проблема совершенства Вселенной. Но из другого места тетради видно, что вы прекрасно понимаете, как противоречивы и неясны человеческие понятия о совершенстве.

Мне кажется, что проблема эта может быть у вас логично решена, если под совершенством вашего пантеистического Бога подразумевать абсолютную силу и могущество. Но не всеблагость. Объединять всемогущество и всеблагость можно только вопреки очевидности.

Однако, как обвинять тех, кто их объединяет? Это бывают нередко самые трогательные души, хватающиеся за свою мечту, как за якорь спасения. Так верит, например, младшая дочь Анны, посвятившая свою жизнь прокаженным. Так, по ее словам, верят и многие прокаженные. О доброте всемогущего Творца миров такие люди судят по заложенному в них самим огню любви ко всему живому. А когда им указывают на жестокость законов природы, они говорят о несовершенствах, слабостях и ошибках нашего разума. Или о том, что всемогущий Бог может сделать бывшее небывшим. Но это последнее — просто абсурд-

ная игра слов. Я согласен, что человеческий разум стоит на лестнице развития (особенно, если взять в а-шу лестницу!) не так далеко от обезьяньего, а все же нельзя совмещать несовместимое.

Не даром проблема добра и зла для религиозных людей самая мучительная проблема.

(К т. С. от 22 июня)

Чувствовал я, что вы оптимист, но такого далеко-устремленного оптимизма не ожидал. Как вы еще молодцы, Сережа, сколько в вас заразительного пыла! А я старый пессимист; мне от вашего оптимизма страшно... но об этом потом.

То, что я вам рассказал о 1917 годе ничтожно мало и односторонне. Но попробуйте описать русскую революцию всесторонне на листках блокнота! Если бы не взволновала меня ваша запись от 5 июня, я бы и не касался здесь политических вопросов.

Но можно ли требовать всесторонности не от историков, а от людей возмущенных и потрясенных тем, что они наблюдали? Кто обвинит «Колокол» Герцена за то, что в нем не описывались на ряду с плохими и хорошие стороны режима Николая Первого? Я думаю сейчас не о себе, а о тех эмигрантских журналах, в которых печатают правдивые, но неприятные для ком. партии информации и статьи. Такая односторонность оправдана тем более, что в ком. странах царит противоположная, гораздо более богатая, сильная и организованная.

Если бы я писал историю революции, я должен был бы говорить о роли правых в 1917 году, о заключенном коммунистами «позорном» мире с немцами, об интервенции и о гражданской войне, в которой наихудшие из белых и красных конкурировали в жестокости над пленными врагами. Но моя цель другая. Я хочу лишь показать, что такими страшными, до абсурда доведенными средствами, какими действует коммунистическая партия, действовать нельзя.

И Ленин, и Троцкий, а за ними все ваши вожди, вплоть до Гевара (дипломатические беседы и литература для иностранцев и успокоения миролюбцев не в счет) призывают к беспощадной ненависти. После уничтожения белых армий к. п. вошла в бесконечно длящийся период выискивания внутр. врагов. Террор и нелепые приказы неопытных комиссаров вызывали, в свою очередь долгие годы индив. и коллект. возмущения и крестьянские бунты, которые подавлялись правительством с бездушием, конкурировавшим с садизмом ее палачей. От коммунистов с мягким сердцем

требовался сверху «закал». «Железный занавес» скрывал от остального мира уничтожение непослушных деревень, застенки Чека и конц. лагеря. О них нигде не печаталось и не говорилось вслух и в самой России. Ни аутодафе, ни виселиц на площадях . . . «Мы не допустим культа мучеников», сказал Ленин. И в газетах ничего о самоубийствах и смертях от голода, но призывы к бдительности и ко все более, более и более напряженной работе для скорейшего построения коммунизма.

Бестолковщина царила не только в провинции, но и на самых верхах: генеральные линии к. п. менялись не раз. Отношение к семье, к женщине, к дисциплине в учебных заведениях и в армии, к родине, к наградам и отличиям, к свободной любви и т. д. изменилось со временем на противоположное. «Только от коммунизма нам еще остается отречься» — вот мысль советского писателя Абрама Терца (Синявского), которого, как вы знаете, за его смелую критику советский суд приговорил в 1966 г. к каторге. В его статье «Что такое социалистический реализм» (напечатанной, конечно, не в России, а у нас) есть такие строчки: — «А мы не себе желали спасения — всему человечеству. И вместо сентиментальных вздохов, личного усовершенствования и любительских спектаклей в пользу голодающих, мы взялись за исправление вселенной по самому лучшему образцу, какой только имелся, по образцу сияющей и близящейся к нам цели».

«Чтобы навсегда исчезли тюрьмы, мы настроили новые тюрьмы. Чтобы пали границы между государствами, мы окружили себя китайской стеной».

«Чтобы труд в будущем стал отдыхом и удовольствием, мы ввели каторжные работы. Чтобы не пролилось больше ни единой капли крови, мы убивали, убивали и убивали. Во имя цели приходилось жертвовать всем, что у нас было в запасе, и прибегать к тем же средствам, которыми пользовались наши враги — прославлять великодержавную Русь, писать ложь в «Правде», сажать царя на опустевший престол, вводить погоны и пытки . . .»

В откровенных разговорах нынешних коммунистов с каким-нибудь стариком, в ответ на упрек в том, что они отдавали в течение двух десятков лет беззащитное население в руки невежественных, а иногда и преступных людей, иной коммунист отвечает: — «А что же нам было делать? Половину интеллигенции мы перебили, часть уехала за границу. Оставшимся, приспособившимся поневоле, мы доверять не могли».

А другой, с совестью более чуткой, задумается и скажет: — «Да, пожалуй, мы перегнули страницы истории».

Но заметьте, оба, оба продолжают верить в великолепную, приближающуюся, завещанную Марксом и Компанией цель!

Никакой опыт, никакие неудачи их не переубедили... Да впрочем, какие же неудачи, когда Октябрьская Революция — это сплошной успех, замечательнейшее достижение человечества! Несущее счастье всем народам!

Будьте уверены, Сережа, что я не принадлежу к тем, кто считает, что фанатиков в коммунистических странах больше нет, что остались только властолюбцы. Конечно, власть притягивает к себе многих и не как средство для достижения цели, но сама по себе. Однако, если бы не было верующих в эту цель, то коммунистическая партия распалась бы окончательно. Правда, эти наивно верующие теперь не похожи на прежних фанатиков: с детства они убеждены лживой прессой (так называемым социалистическим реализмом) в научности марксизма и правоте к. п. Вы, т. к. и вы принадлежите к таким, совсем не похожи на фанатиков прошлого, сжигающих иноверцев на кострах. Ваш фанатизм спокоен и расчетлив, вам кажется, что еще немного хитрости и немного открытой борьбы, и вы получите власть во всем мире, и тогда наступит, наконец, предсказанное Марксом царство свободы, коммунизм.

А я думаю, что после того, как вы победите во всем мире (а на это очень похоже) вы будете бесконечно «бороться» (как и полагается диалектикам), с внутренними и внешними врагами. Будут, конечно, и расовые войны, они, увы, стоят на очереди в истории человечества, тем более, что никакой религиозной веры, что все люди дети одного Бога и должны друг другу помогать, как братья, у вас не будет.

Что могло бы спасти человечество от величайших катастроф? Мировое правительство мудрецов? Мудрецов, собранных со всех частей света? Прекрасное решение. Жаль только, что народы идут не за мудрецами, а за гитлерами и геварами. Мудрецов в мире немало, но Правительство Мудрецов будет сметено человеческими страстями.

Я пессимист, Сережа, и радуюсь как покойный Алданов, что не доживу, вероятно, до самых страшных катастроф. Впрочем, события развиваются быстро...

Однако, может случиться, что человечество переживет все теперь назревающие войны, и что даже цивилизация не погибнет вполне. Именно цивилизация, а не культура: старая культура, с ее сентиментальностью и верой в свободу, равенство и братство, не вернется никогда. Но останется вера в науку. И тут я вспоминаю последние страницы вашей тетради, ваш великолепный оптимизм. Каким замечательным станет будущий человекобог, через много, много лет!

Я бы охотно радовался вместе с вами, если бы не одна деталь . . . то есть вернее не радовался бы, а умудренно улыбался вашему юношескому задору (потому что мне нет никакого дела до будущих человекобогов, мне ближе даже вырождающийся австралийский абориген, даже кенгуру с ее кенгуренком . . . не говоря уж о наших щенятах и котятах) . . . да, так я бы не беспокоился ни о чем, если бы не ваши строчки о том, что человеческий разум будет помогать прогрессу перерождения человека в высшее существо с помощью операций мозга.

Вот Шошар наверное поддержал бы вас, постаравшись только успокоить читателя, что теперь не может быть и речи о грубых ампутациях, которые были в ходу раньше. А мне страшно.

Страшно потому, что мечта исправить человеческую психику (она была уже у Павлова) путем искусственных изменений в его нервной системе уже превратила нашу планету для неисчислимого количества животных в действительный ад. И что не может быть никакой твердой уверенности в том, что в будущем опыты над нервной системой людей не будут производиться с такой же принципиальной слепотой и бездушием, с какими они производятся теперь над животными.

Вопреки идиллическому представлению Шошара о Павлове, павловский «объективный метод» состоял не в изучении психики животных, а в изучении их нервной системы путем опытов над нею и наблюдениями над чисто внешними реакциями — «поведением» животных. — «Мы постарались прежде всего строго дисциплинировать наш прием думания и нашу речь в том отношении, чтобы совершенно не касаться воображаемого душевного состояния животного», говорил Павлов еще в своем докладе в Стокгольме при получении Нобелевской премии в 1904 г. Основной же целью всей деятельности Павлова было изучение механизма человеческой психики, чтобы его усовершенствовать. Потому что теперь в человеке действуют «какие-то темные силы», и он — «причиняет сам себе

неисчислимы материальные потери и невыразимые страдания войнами и революциями с их ужасами, воспроизводящими межживотные отношения»... пишет Павлов в 1928 г. в своем тогда еще «Двадцатилетнем опыте объективного изучения высшей нервной деятельности поведения животных».

В лабораториях Павлова были в ходу частичные и полные отравления животных; доведение разными способами от малых до последних степеней истощения; такие же пробы голодом, жаждой и переменами температуры; насильственное введение в рот растворов соляной кислоты; прижигания и т. д. Делалось все это, конечно, не из садизма, а с целью узнать, что, то есть какая чувствительность и какое поведение, связано с какими частями мозга. Поэтому вырезывали различные части нервной системы и мозга и проверяли, какие при этом рефлексы остаются, а какие теряются, когда появляется сонливость, а когда возбуждение, и т. д.

В наше время пытки животных в лабораториях чрезвычайно разнообразны. Они еще более оправданы, когда дело идет об изучении каких-нибудь болезней. Но очень часто господа теоретики проверяют на животных свои теории и гипотезы, даже на всякий случай и те, в которые они сами не верят.

Животных с нервной системой очень развитой и похожей на человеческую (кошек, обезьян и др.) доводят иные доктора медленными пытками до сумасшествия, кончающегося через несколько недель смертью, если пытка продолжается. Выводы делаются при этом более чем спорные, но это не смущает экспериментаторов: ведь они следуют золотому павловскому правилу — дисциплинировать приемы думания и употребление слов так, чтобы совершенно не касаться «воображаемого душевного состояния животного». «Поработав» в своей лаборатории, такой доктор возвращается к обычной жизни, целует своих детей, ласково треплет свою собаку, гладит любимого кота и спокойно занимается привычными делами. А миллионы кошек, собак и других животных медленно гибнут во имя «торжества науки», при чем с каждым годом число их растет так же как и число совершенно ненужных опытов и бессмысленных гипотез.

Это золотое правило, в несколько видоизмененном виде, помогает и коммунистам вести борьбу против старого мира. Измененное как? Да так, что тем, кто готов защищать «старый мир», включая социалистов, демократов и реформистов, приписывается психика карикатурных злодеев.

Никто не знает будущего. Но предположим, что, после некоторого периода спровоцированных коммунистами самых разных войн и революций, будут разрушены «цитадели капитализма», то есть, сравнивая объективно, наиболее свободные, передовые и гуманные государства на Земле... при всех их явных недостатках. Предположим, что всюду победят весьма разноцветные коммунистические партии. Воцарится ли тогда мир?

Нет, сначала коммунистическим правителям придется пройти через стадию кровавого внутреннего замирения народов, потому что после гражданских войн еще долго не успокоится разгул наихудших страстей, взаимная ненависть, экономический хаос и нищета, голод, эпидемии, бандитизм и т. д. Если предположить, что человечество за все это время не исчезнет с лица Земли, а лишь уменьшится в несколько раз, и что правители заставят ученых им покорно служить, то можно ожидать, что в следующий период коммунист. правительства обеспечат себе с помощью террора над народами очень твердую власть. Однако, как только коммунистические правительства освободятся от самых для себя опасных и насущных проблем внутреннего порядка, между ними в разных местах земного шара начнутся идеологические, экономические и, главное, расовые войны. Войны эти закончатся лишь тогда, когда на Земле образуется единовластие какой-то одной расы с фиктивным управлением одного «всеми обожаемого» вождя. На самом деле, как всегда, управлять будет собравшаяся вокруг него клика, ее ставленники, ставленники ставленников и т. д. Выбирать они будут не за свои действительные достоинства, не за социальность, честность и т. д., а за верность или ловкую лесть вождю и его клике...

Думали ли вы когда-нибудь, Сережа, о том всестороннем гнете, о той власти, которую будет иметь над народом правительство, вооруженное всеми теперешними и будущими изобретениями? Правительство властолюбивое и самоуверенное, захватившее в свои удавы кольца все органы пропаганды, прессу, искусство, пути сообщения, коллективные жилища, управление над всеми областями личной и общественной жизни, распоряжающееся капиталами (или их заменяющими бонами), товарами, одним словом, экономикой всех коллективов человечества и простирающее свои аппетиты на овладение поведением и мышлением всех без исключения своих подданных?

Представляете ли вы себе, какая будет разница в жизни, в силах и возможностях между людьми, имеющими власть и их подчиненными?

Разделение на ведущих и ведомых уже с 1918 года сильно укрепилось: ограниченные возможности так называемых буржуазных правительств в старых государствах (делавших ставку на развитие личностей и на их свободу и благополучие), нельзя и сравнить с той тоталитарной властью, которую присвоили себе коммунистические правительства с их ставкой на коллектив... Но это только начало.

Опыт многолетней отвратительной массовой бойни и индивидуальных зверств, успех лицемерной и систематической лжи, обманов и западней научат новых властодержцев презирать моральные ценности, в которые еще верят многие... Войны и революции — скверные университеты!

Будущие правители будут рассуждать приблизительно так: — какая свобода, когда нужна непоколебимая власть?! Какое равенство и братство, когда их нет в природе? — Старые революционные идеалы это сказка для детей. Ну, еще в нашей расе мы можем проповедывать братство, но почему мы должны относиться как к братьям к остаткам воевавших против нас других рас? Почему мы должны жалеть их, когда они не жалели нас?

А для науки, для усовершенствования человеческого мозга нужен подопытный материал не из одних животных, но и людей. Оставим товарищество и братство и всякую сахарную сентиментальность для внутреннего употребления; для наших подданных допустим даже религию, конечно, такую, которая будет поддерживать нашу власть. Но из наших врагов или их потомков мы можем выбирать кого угодно для научных экспериментов. Великая цель оправдывает все средства. Мы не будем, конечно, кричать об тех страшных страданиях, которые должны иногда испытывать наши клиенты, да и мы сами запретим себе об этом думать, но мы будем делать все возможное для усовершенствования психики человека...

Итак, предположим, что победит желтая раса, это кажется наиболее вероятным. Новые властодержцы не истребят всех белых, черных и красных. Они оставят сотни тысяч тех и других для научных экспериментов. Жить подопытные будут в специальных лагерях-питомниках, приспособленных для людей разных возрастов и занятий. О них будут неплохо заботиться, пока с ними не идет «работа». Их будут даже развлекать, занимать той или иной деятельностью, кормить лучше, чем многих свободных граждан. Они будут слушать и смотреть телевизию и даже сочинять песни на тему: — я других планет не знаю, где так вольно дышит человек» (это, между прочим, правда,

так как на планетах нашей солнечной системы человек вольно дышать не сможет, а до планет других солнечных систем лететь пришлось бы миллионы земных лет), или что-нибудь не менее оптимистическое на тему о радости исполнения долга и внесения своего вклада в науку и счастливое будущее.

А в порядке работы им будут прививаться те болезни, которые не излечиваются или излечиваются плохо, и будут на них пробовать новые лекарства и новые методы лечения. Но главный интерес будет представлять исследование их нервной системы.

Изучение ее функций и функций мозга в частности будет производиться над зародышами в утробе матери и вне ее, над младенцами, над детьми и взрослыми всех возрастов, вплоть до дряхлых стариков и старух (поскольку кто-то будет доживать до дряхлости; впрочем, одряхление можно будет вызывать преждевременно). Все, что теперь продельвается с животными, плюс новые лабораторные истязания, будут испытывать на себе, может быть, потомки теперешних докторов . . . всё — во имя той же высокой цели, усовершенствования человеческого мозга.

Однако, как бы ни увлекались своей работой будущие ученые, какие ни писали бы хвастливые и обнадеживающие статьи на эту тему, усовершенствование человеческого мозга вряд ли им удастся больше, чем удалось ком. партии усовершенствование человеческого общества. Но зато, можно не сомневаться, что они сумеют воздействовать на человеческую волю и убивать инициативу. Превращение своевольных клиентов в послушных роботов делается легкой и рядовой процедурой.

Быть может, очень талантливых «подопытных» они используют (заранее полностью обезвредив) и вне питомника. Да и в самом питомнике будут любимчики и любимицы, получающие похвалы и награды: и самым властолюбивым «ведущим» не чужда известная сентиментальность. К тому же очень интересно изучить действие премий и наград на мозг . . . Это не помешает тому, что лагеря-питомники будут застенками пыток.

Но и не подопытный, желтый, «свободный» гражданин того времени, управляемый сверху как марионетка, будет гораздо более жалок и несчастен, чем какой-нибудь действительно свободный бродяга прошлых эпох. Только ему не дадут этого осознать.

Никакие режимы не вечны (до режима муравейника человечество, пожалуй, не доживет), и вероятно внутри правящей верхушки, скажем, между японцами и китайцами, начнутся раздоры, которые повле-

кут новые войны. А война будущего, при дальнейших успехах науки, рано или поздно приведет к истреблению всякой жизни на Земле, или даже к гибели нашей планеты . . . Впрочем, конец может наступить и в мирное время: кому-нибудь из самых могущественных «ведущих» так опротивеет всё вокруг него и его собственная жизнь, что, в припадке черной меланхолии, он испортит все предохранители и нажмет на роковую кнопку.

Это, конечно, лишь одна из возможностей будущего, но по-моему, — самая правдоподобная.

27 июня.

Кончил с *листками из блокнота Н. Н.* Какая кошмарная достоевщина! Пессимизм Н. Н. наверное следствие болезни . . . Но что отвечать на все эти мрачные описания и предсказания, чего бы сам Н. Н. не читал сотни раз в нашей литературе? Ведь он говорит, что хорошо знаком с нашими книгами, журналами и газетами. Вся наша пресса отвечает на его обвинения так, словно она их знала всегда. Чуть ни каждое произведение, чуть ли ни каждая страница печати кричит ему в ответ: *нет, нет и нет!* Если они его не убедили, то как смогу убедить я? Я ведь не был свидетелем революции.

Скажу только одно: во главе движения к коммунизму стояли, стоят и будут стоять совершенно исключительные по своей социальной ценности люди! И они приведут человечество к счастью!

3 часа после обеда (27. 6).

За мной приехал товарищ С., едем вместе на Кавказ. Я ему никогда не доверял и ни за что не повезу с собой тетради. Придется отдать ее Н. Н., больше некому. Жаль, что он так мало сказал о моем самом для меня важном, но зато скорее одобрил . . . Ехать надо через два часа, едва успею его найти. Отвечать не придется, но посоветую ему еще и еще читать нашу прессу.

Прощай милый парк, прощай Франция!

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПСИХИЧЕСКАЯ ЭНЕРГИЯ

Вступление	5
Глава I. — Для материалиста мониста психика должна быть материальна	6
Глава II. — Что такое энергия?	19
Глава III. — Физика перед загадкой	35
Глава IV. — От физики к философии	55
Глава V. — От физики к психическому во Вселенной .	64
Глава VI. — Простейшая гипотеза о психической энергии	79
Глава VII. — Зачатки сложнейшей гипотезы о психической энергии	89
Глава VIII. — Несколько аргументов за существование психической энергии	105
Послесловие автора	125
Список имен	127

ФИЛОСОФСКАЯ ТЕТРАДЬ

Дневник и «философская тетрадь» Сергея	131
Отдельный листок Сергея (вклеенный)	166
Дневник Сергея от 26 июня	167
Листки из блокнота Н. Н. (вклеенные)	167
Дневник Сергея от 27 июня	186

